МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск четырнадцатый

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Москва
МАКС Пресс
2008

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ
НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск четырнадцатый

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Под редакцией
М. Б. Денисенко и И.А.Троицкой

Редакционная коллегия сборника
"Демографические исследования":
И.А. Данилова, М.Б. Денисенко, В.В. Елизаров, И.А.Троицкая
(ответственный секретарь)

Историческая демография. Сборник статей / Под ред. Денисенко М.Б., Троицкой И.А. – М.: МАКС Пресс, 2008. – ("Демографические исследования ", выпуск 14)

Очередной выпуск серии «Демографические исследования» по большей части основан на докладах, представленных в мае 2007 года на семинаре по исторической демографии, посвященном 80-летию со дня рождения выдающегося отечественного ученого Дмитрия Кузьмича Шелестова. Формально Д.К.Шелестов не имел своей научной школы. Но многие из современных историко-демографов средних лет сформировались как исследователи под влиянием этого выдающегося ученого. В их число попадает и большинство авторов данного сборника. Разнообразие представленных в сборнике сюжетов – история младенческой смертности в России, развитие семьи в Центральной Европе в Новое время, формирование немецкой диаспоры на юге России, население СССР и России в 1930-е и 1950-е гг., атрибуция собственных имен в дореволюционной России, история изучения миграции и др. – во многом отражает широкий спектр научных интересов Д.К.Шелестова. Условно сборник можно разделить на три части. Первую часть составляют статьи, посвященные демографической истории России, вторую – работы по истории демографической науки. Завершают сборник статьи, находящиеся на стыке исторической демографии и социальной истории.

Переиздание сборника приурочено к Международной научной конференции «Проблемы народонаселения в зеркале истории» (Шестые Валентеевские чтения)

Сборник издан при финансовой поддержке
Представительства Фонда ООН
по народонаселению (UNFPA) в России

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие **5**

А.Авдеев
МЛАДЕНЧЕСКАЯ СМЕРТНОСТЬ И ИСТОРИЯ ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В РОССИИ И СССР **13**

Е.Фурса
ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКОЙ ДИАСПОРЫ НА ЮГЕ РОССИИ **73**

П.Греус
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 30-Е ГГ. XX ВЕКА **94**

М.Денисенко
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС В СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ: ОЦЕНКИ ПОТЕРЬ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ **106**

В. Жиромская
СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ **143**

Г.Бахметова
ДЖОН МИЛЬТОН И ЕГО ВЗГЛЯДЫ НА РАЗВОД **176**

В.Моисеенко
МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РАБОТАХ «АКАДЕМИЧЕСКИХ СТАТИСТИКОВ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ **192**

А.Авдеев, А.Блюм, И.Троицкая
НАРЕЧЕНИЕ ИМЕНИ В РОССИИ **210**

М.Шолтычек
СЕМЬЯ И ДОМОХОЗЯЙСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ (на примере прихода Буяков в XVIII-XIX вв.) **239**

М.Королева, А.Синица
ПОСЛОВИЦЫ О РАСХОДАХ НА ДЕТЕЙ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ **276**

Сведения об авторах ……..…….**298**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ровно год назад в Центре по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ состоялся семинар по исторической демографии, посвященный 80-летию выдающегося отечественного ученого Дмитрия Кузьмича Шелестова (1927-2000). Его вклад в становление этой научной дисциплины, а также в подготовку специалистов историко-демографов на всем постсоветском пространстве огромен. В отечественной научной литературе понятие «историческая демография» появилось в конце 1950-х гг. Изучение ряда теоретических проблем исторической демографии и некоторых сторон взаимодействия исторической и демографической наук началось с 60-70-х гг. Но теоретико-методологическое обоснование исторической демографии как научной дисциплины в нашей стране принадлежит именно Д.К.Шелестову.[1] Ему же принадлежит и ее классическое определение: «**историческая демография,** научная дисциплина, объектом исследований которой является *демографическая история* – органичная часть общественно-исторического процесса развития *человечества. Д*емографическая история находится на стыке изучения двух отражённых в её названии наук и в силу этого является разделом демографической науки и одновременно отраслью исторического знания. При этом приоритет в определении её предметной области и методов исследования принадлежит демографии. Историческая демография изучает те же процессы и явления, что и демографическая наука в целом, но в их исторической ретроспективе»[2]. Подготовленное в 1987 году профессором Шелестовым учебное пособие «Историческая демография» по-прежнему является базовым в подготовке демографов и историков. Вместе с тем, он был историографом демографии. В 1983 году была опубликована первая (и до сих пор

[1] Назовем некоторые работы Д.К Шелестова по данной тематике: История и демография. Вопросы истории 1981 № 5; Демография: история и современность. М., 1983; Историческая демография, М., 1987; Историческая демография. В кн.: Система знаний о народонаселении. Под ред. Д.И.Валентея. М., 1991.

[2] Историческая демография. В кн.: Энциклопедический словарь «Народонаселение». М., 1994.

единственная) фундаментальная монография «Демография: история и современность», в которой прослеживалась история мировой демографической науки от ее ранних предпосылок до начала 1980-х гг. Великолепный систематик и библиограф, Д.К.Шелестов вошел в историю отечественной демографии как главный составитель и редактор двух уникальных по богатству содержания энциклопедий: "Демографический энциклопедический словарь" (1985) и Энциклопедический словарь "Народонаселение" (1994). Вместе со своими друзьями, видными отечественными историками академиком Ю.А.Поляковым и профессором В.З.Дробижевым, он долгое время был одним из идейных руководителей комиссии по исторической демографии АН СССР, позже преобразованной в Научный Совет по исторической демографии и исторической географии.

Проработав четверть века, начиная с 1975 года, в Центре по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ среди демографов, Дмитрий Кузьмич Шелестов всегда подчеркивал, что он остается историком, и никогда не станет демографом.[1] Среди его публикаций, которых насчитывается более 250, имеются прекрасные работы по истории; особенно выделяется книга «Время Алексея Рыкова», получившая высокую оценку специалистов-историков и широкого круга читателей у нас в стране и за рубежом. Но, не будучи демографом, он являлся тем мостом, который связывал историков с демографией, и наоборот, демографов с историей. Во многом благодаря профессору Шелестову, многие отечественные историки познакомились с демографическими концепциями (прежде всего с теорией демографического перехода), стали использовать в своей работе методы демографического анализа, а также оценки качества данных. Параллельно, в том числе под влиянием профессора Шелестова, в работах отечественных демографов появляются историографические разделы, расширяется источниковедческая база за счет нетрадиционных для демографии источников (генеалогий, метрических книги и др.); демографы идут работать в архивы.

[1] Воспоминания друзей и учеников о Д.К.Шелестове можно прочитать в первом номере Российского демографического журнала за 2002 год, посвященного 75-летию со дня рождения ученого.

Наряду с изучением длинных динамических рядов демографы начинают больше внимания уделять анализу конкретных исторических событий с учетом их не только количественных, но и качественных особенностей.

Формально Д.К.Шелестов не имел своей научной школы. Но по сути это не так. Многие из современных историко-демографов средних лет сформировались как исследователи под влиянием этого выдающегося ученого. В их число попадает и большинство авторов данного сборника. Нам посчастливилось самым непосредственным образом общаться с этим удивительным человеком, в котором соединялись высокий ум, доброжелательность к людям и порядочность в отношениях, который всегда мог поддержать друзей, учеников, коллег в трудную минуту, разделить с ними радость или подарить научную идею. Разнообразие представленных в данном издании сюжетов – история младенческой смертности в России, развитие семьи в Центральной Европе в Новое время, формирование немецкой диаспоры на юге России, население СССР и России в 1930-е и 1950-е гг., атрибуция собственных имен в дореволюционной России, история изучения миграции и др. – во многом отражает широкий спектр научных интересов Дмитрия Кузьмича, а содержание некоторых статей, как и направлений исследований, обсуждались с ним авторами еще много лет назад.

Первые пять статьей в сборнике посвящены вопросам изучения демографической истории России. Сборник открывает работа профессора Сорбонны А.А.Авдеева, в которой представлен исторический обзор эволюции младенческой смертности в России в контексте развития систем здравоохранения и социального обеспечения. По мнению автора, ответ на вопрос, почему сегодня младенческая смертность в России почти в 3 раза выше, чем в странах Западной Европы, надо искать в истории последних трех-четырех десятилетий. В статье показано, что хотя до середины XX столетия младенческая смертность в России (и в СССР) была одной из самых высоких на европейском континенте, в 1940-1950-е годы она снижалась невиданными ранее темпами. В итоге в начале 1960-х годов по уровню младенческой смертности Россия немногим отличалась от большинства стран Западной Европы. Затем снижение младенческой смертности в России замедляется самым существенным образом, и в 1970-х годах она уже входит в группу

аутсайдеров, вместе со странами Южной Европы. Но если в Испании, Италии, Греции уровень младенческой смертности с тех пор снизился более чем в три раза, то в России он остался практически неизменным. В качестве одной из главных причин подобного положения дел А.Авдеев указывает недостаточную изученность младенческой смертности, в том числе обуславливающих ее факторов. Как показано в работе, после распада СССР исследования младенческой смертности в России носят разрозненный и фрагментарный характер. Проблема не стала предметом комплексного изучения. Без этого вряд ли можно обоснованно судить о перспективах младенческой смертности не только в России, но и в странах со сходной социальной ситуацией и одинаковым историческим багажом.

История формирования немецкого населения на Дону рассмотрена в статье Е.В.Фурсы на основе привлечения многочисленных архивных данных. Немецкая диаспора, хотя и не была многочисленной, сыграла важную роль в промышленном и аграрном развитии как Донского края, так и в целом юга России. Кроме того, как показано в работе, условия формирования немецкой диаспоры на Дону имели существенные отличия от диаспор Поволжья, Причерноморья и др. Прежде всего, это выражалось в том, что заселение немецкими колонистами Донской земли осуществлялось без государственного регулирования в лице попечительских учреждений, ведавших иностранными колонистами. Быстрый экономический и социальный взлет немецкой диаспоры, начиная с первой половины XIX века был сведен на нет, по мнению автора, первой мировой войной, а затем политикой советского государства.

Статья П.В.Греус, подготовленная по материалам Российского государственного архива экономики (РГАЭ), дает представление об уровне распространения межнациональных браков в Российской Федерации в 1930-е гг. Разработка этой темы может многое прояснить в понимании современной картины национальных процессов. Как показано в статье, в условиях, когда было разрушено множество законодательных, политических, религиозных барьеров, препятствующих межэтническому взаимодействию, уровень межэтнических браков возрос. В районах с высокой этнической

мозаичностью они составляли от четверти до трети от всех заключаемых браков.

В статье М.Б.Денисенко затрагивается один из самых дискуссионных вопросов в отечественной исторической демографии – последствия демографического кризиса, разразившегося на территории СССР в первой половине 1930-х годов. Особое внимание автора статьи привлекли современные оценки потерь населения за указанный период как для СССР в целом, так и для его республик и регионов, выполненные с учетом открывшихся в архивах данных, а также причины существующих различий в оценках. Говоря о причинах, автор подчеркивает чувствительность оценок к гипотезам рождаемости и миграции. В статье специальное внимание уделяется обоснованию тезиса о том, что в условиях нарастания кризиса в населении быстро распространялись методы контроля деторождений. Другим фактором резкого снижения рождаемости стали миграции, по структуре и последствиям напоминавшие военные мобилизации. Как показывает анализ литературы, вопросы о причинах демографического кризиса 1930-х гг., его последствиях и потерях по-прежнему стоят на повестке дня. Уточнить ответы на эти вопросы поможет переход к изучению демографических процессов в 1920-1930-е гг. на уровне районов и сел.

Статья известного отечественного историка В.Б.Жиромской посвящена малоизученной теме – заболеваемости острыми инфекционными болезнями в России во второй половине 1940-х гг. В центре внимания оказался голод 1946-47 гг., который имел значительные негативные, в том числе долгосрочные, последствия для здоровья населения, перенесшего тяжелую длительную войну. Автор достаточно детально рассмотрел изменения в уровне и территориальные различия по таким остроинфекционным заболеваниям, как разного вида тифы, малярия, дизентерия, бруцеллез, сибирская язва, цинга, энцефалит и др. Как показано в статье, несмотря на постоянно возникающие эпидемические очаги, масштабных эпидемий в те годы удалось избежать, прежде всего, благодаря активной медицинской противоэпидемической и санитарной деятельности, проводившейся на государственном уровне.

Истории демографической науки посвящены статьи Г.Ш.Бахметовой и В.М.Моисеенко. Английский философ и поэт

XVII столетия Джон Мильтон (John Milton) известен, прежде всего, как автор бессмертных произведений «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» переведенных и изданных во многих странах мира. Но Г.Ш.Бахметова обращает внимание читателей на малоизвестное сочинение Джона Мильтона « Doctrine and Discipline of Divorce », изданное в Лондоне в 1644 году, и посвященное проблемам брака и развода. Основываясь на анализе биографии Мильтона и особенностях развития Англии конца XVI-XVII вв., автор статьи попыталась понять, каким образом столь смелое в ту эпоху произведение, в котором обосновывается идея разрешения разводов, могло увидеть свет.

Статья В.М.Моисеенко посвящена истории изучения миграции в российской науке. Как показано в статье, важнейшую роль в этом сыграли известные статистики второй половины XIX – начала XX вв. Ю.Э.Янсон, Н.А. Каблуков и К.Г Воблый. На основе анализа их научного наследия автор статьи показал, что российские исследования того времени в теоретико-методологическом (разработка понятия «миграция», классификаций территориальной подвижности, улучшения учета и др.) и аналитическом плане шли вровень с зарубежными исследованиями. В начале XX в. «академические статистики» выделили статистику населения в самостоятельный раздел статистики. В свою очередь, статистика населения подразделялась на два отдела – состав населения и движение населения. Задача статистики движения населения определялась как изучение тех изменений в составе населения, которые вызываются браками, рождениями и смертностью, а также передвижениями населения, внутренними и внешними (эмиграция). Выделение внутренних и внешних переселений в самостоятельный подотдел движения населения интерес к изучению тенденций миграции в России и Европе.

Последние три статьи сборника находятся на стыке исторической демографии и социальной истории. Статья А.Авдеева, А.Блюма и И.Троицкой, посвященная особенностям получения имен новорожденными в России, по объекту и источникам исследования является уникальной в отечественной историко-демографической литературе. Она основана на результатах анализа метрических книг трех деревень Московского уезда – Выхина, Жулебина и Вязовок (Выхинская вотчина графского рода Шереметьевых). Как известно, в

этих книгах до конца 1918 года регистрировались все демографические события, происходившие в православном населении, или, точнее, обряды, им сопутствующие. Чтобы понять, как происходил выбор имен для новорожденных в XIX – начале XX вв., авторами были изучены записи о 9 973 младенцах, родившихся в Выхинской вотчине и окрещенных с 1815 по 1918 гг. Для периода 1918-1940 гг. использованы 2 177 записей актов о рождениях, зарегистрированных в Выхинском сельском Совете. Результаты исследования позволяют лучше понять, как изменялось место религии в жизни общества, а также свидетельствуют о распространении в крестьянской среде моды на имена, которая первоначально была чертой городской культуры.

В России, как и во всем мире, среди демографов и социальных историков до сих пор остается популярным деление Европы на зоны «европейского» и «восточноевропейского» типа брачности и семьи.[1] Известный английский демограф Питер Ласслет поделил Европу на четыре обширных географических зоны, каждую с присущими только ей типами семьи. В статье польского демографа М.Шолтычека показано, что подобные подходы построения полярной модели различных систем домохозяйства в Европе оказались слишком прямолинейными. На основе анализа исповедальных списков (1766-1803), записей о браках (1765-1859) и метрических книг прихода Буяков (Верхняя Силезия, территория современной Польши), автор проследил изменения размера и структуры домохозяйств. Как оказалось, в приходе Буяков не только состав и размер домохозяйств, но и связь между матримониальным поведением и формированием семьи оказались несовместимы с широко распространенными представлениями о природе этих механизмов в восточной части Европы. Это, в частности, проявилось в значительной доле простых семей в общем числе домохозяйств на протяжении всего изучаемого периода.

Возможности использования пословиц, в данном случае – пословиц о расходах на детей, в качестве источника для изучения особенностей демографического поведения рассматриваются в

[1] См., Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе. В сб.: Брачность, рождаемость, семья за три века. Под ред. А.Г.Вишневского и И.С. Кона. - М., 1979.

статье М.В.Королевой и А.Л.Синицы. По мнению авторов, одним из главных эвристических достоинств пословиц является то, что они представляют собой репрезентативную модель поведения населения, выражают сложившееся мнение народа об определенной сфере жизни, например, о расходах на детей. На основе качественного анализа около 55 тыс. пословиц 250 народов мира авторы статьи классифицировали пословицы о расходах на детей, в частности, по таким критериям, как расходы на питание детей, расходы на воспитание и образование детей, приданое, наследство, подарки, прочие расходы. Кроме того, в статье были поставлены вопросы о возможности, с помощью пословиц, проследить связи между материальным положением и числом детей в семье, выявить поведенческую стратегию к минимизации расходов на детей и др.

Книги и статьи профессора Д.К.Шелестова всегда были шагом вперед, пусть иногда небольшим, в развитии нашего понимания демографической истории и истории демографической науки, всегда расширяли круг людей, проявляющих интерес к этой проблематике. Авторы сборника надеются, что их работа приведет к тем же результатам.

Москва, май 2008 года

М.Б.Денисенко
И.А.Троицкая

А.Авдеев

МЛАДЕНЧЕСКАЯ СМЕРТНОСТЬ И ИСТОРИЯ ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В РОССИИ И СССР

Младенческая смертность в России до сих пор остается одной из самых высоких в Европе. По величине коэффициента младенческой смертности, составившего в 2006 году 10,2 умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся, Россия примыкает к Азербайджану (10,1‰), Болгарии (9,7‰), Украине (9,6‰) и Черногории (11,0‰). Более высокие показатели отмечаются только в Македонии (11.5‰), Молдавии (11,8‰), Румынии (13.9‰), Армении (13,9‰) и Грузии (15,8‰). Нетрудно заметить, что все перечисленные страны в недавнем прошлом были частью «социалистического лагеря» или непосредственно входили в состав СССР.[1]

Таким образом, в начале XXI века Россия по уровню младенческой смертности занимает среди европейских стран примерно то же положение, что и 100 лет назад. Тем не менее, ответ на вопрос, почему сегодня младенческая смертность в России почти в 3 раза выше, чем в странах Западной Европы, следует искать в истории последних трех-четырех десятилетий. Действительно, хотя в XIX и до середины XX столетия младенческая смертность в России (и в СССР) была одной из самых высоких на европейском континенте, в 1940-1950-е годы она снижалась невиданными ранее темпами. В итоге в начале 1960-х годов по уровню младенческой смертности Россия немногим отличалась от большинства стран Западной Европы. Затем снижение младенческой смертности в России замедляется самым существенным образом, и в 1970-х годах она уже входит в группу аутсайдеров, вместе со странами Южной Европы (Испанией, Грецией и Италией). Но если в последних уровень младенческой смертности с тех пор снизился более чем в три раза, то в России он остался практически неизменным.

Каковы же были причины стагнации и даже роста младенческой смертности в СССР в последние годы его

[1] Данные взяты с сайта Европейского статистического бюро – Eurostat (http://epp.eurostat.ec.europa.eu).

существования? Можно ли в связи с этим говорить, что с конца 1960-х годов в России и СССР начался кризис социальной системы и застой в развитии системы здравоохранения вообще и охраны здоровья женщин и детей в частности? Проверка этого предположения требует углубленного исторического и демографического исследования эволюции младенческой смертности в России и СССР. Без этого вряд ли можно обоснованно судить о перспективах младенческой смертности не только в России, но и в странах со сходной социальной ситуацией и одинаковым историческим багажом.

В данной работе представлен краткий исторический обзор эволюции младенческой смертности в России в контексте развития систем здравоохранения и социального обеспечения. Ретроспектива обзора будет ограничена последней третью XIX века, а обсуждение демографических аспектов проблемы будет в основном сосредоточено на второй половине XX века.

Краткий обзор эволюции младенческой смертности и истории создания системы охраны здоровья матери и ребенка в СССР

Ситуация в России на рубеже XIX-XX веков

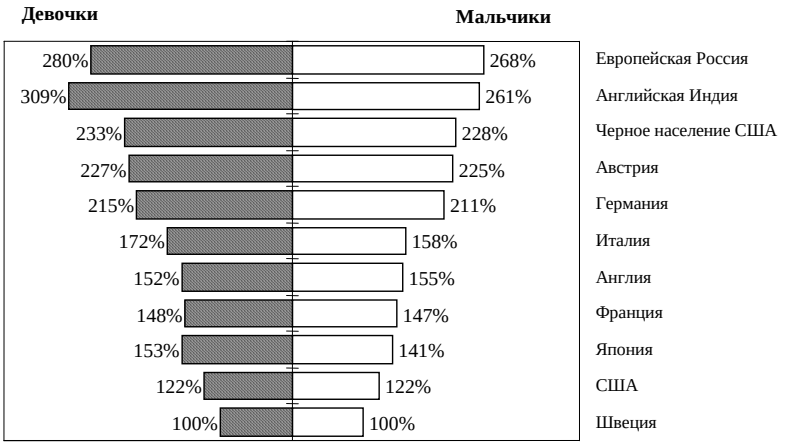
В конце XIX - начале XX столетия система охраны здоровья населения в России практически отсутствовала. По всем показателям доступности медицинской помощи Россия отставала от развитых европейских стран. Санитарный надзор существовал в зачаточной форме лишь в крупнейших городах. Поэтому уровень общей и в особенности младенческой смертности в России был намного выше, чем в большинстве западноевропейских стран. Общий коэффициент смертности в конце 1890-х годов составлял примерно 35‰, тогда как в скандинавских странах он был менее 17‰, в Англии 19‰, во Франции – 22‰, в Германии – 24‰. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении была немногим более 27 лет для мужчин и 29 лет для женщин.[1] Современники отмечали, что высокая смертность в России по сравнению с другими странами *"не может быть объяснена ни разницей в возрастном составе, ни*

[1] См. Покровский, В., Рихтер, Д. Население России. В книге: *Россия. Энциклопедический словарь*. Изд. И.Брокгауз и И.Эфрон. СПб, 1898, с.99.

усиленной рождаемостью, но указывает на низкое положение страны в культурно-санитарном отношении".[1]

В значительной степени общая смертность была обусловлена смертностью детей в возрасте до 5 лет, которые составляли более 55% от общего числа умерших; только младенческая смертность уносила более четверти новорожденных. Если в России до пятилетнего возраста доживало только 556 из 1 000 родившихся мальчиков и 593 из 1 000 родившихся девочек, то в Швеции – соответственно 830 мальчиков и 850 девочек, а в Ирландии 780 мальчиков и 800 девочек[2] (Рис.1).

Рис. 1: Уровень младенческой смертности мальчиков и девочек в некоторых европейских странах в конце XIX века по сравнению со Швецией

До конца XIX века смертность детей в городах была несколько выше, чем в сельской местности; это можно объяснить как плохими

[1] Г.Хлопин, И.Эрисман. Современное санитарное состояние России. В книге: *Россия. Энциклопедический словарь,* Изд. И.Брокгауз и И.Эфрон. СПб, 1898, с.225.

[2] См. М.В.Птуха. *Очерки по статистике населения*. Москва: Госстатиздат, 1960, с.194-204.

санитарными условиями при большой скученности населения в городах, так и недоучетом смертей младенцев в сельской местности. К началу XX века смертность детей в городах и сельской местности сравнивается, и с тех пор смертность в городах становится незначительно ниже, чем на селе (Табл.1).

Таблица 1

Младенческая смертность в городах и уездах Европейской России

1. Города **Год**

Возраст смерти	***1890***	***1891***	***1892***	***1893***	***1894***	В среднем
Числа умерших						
Менее 1 месяца	19729	18379	17058	16591	16696	17691
1–2 месяца	15294	14438	14627	13762	13355	14295
3-5 месяца	13612	13873	15029	13354	12927	13759
6-11 месяцев	18269	18330	21383	16951	17229	18432
Умершие во всех возрастах	**187023**	**190770**	**223134**	**196200**	**183000**	**196025**
в том числе до 1 года	66904	65020	68097	60658	60207	64177
Доля детей до 1 года среди умерших	**36%**	**34%**	**31%**	**31%**	**33%**	**33%**
Возрастная структура младенческой смертности						
Менее 1 месяца	29%	28%	25%	27%	28%	28%
1–2 месяца	23%	22%	21%	23%	22%	22%
3-5 месяца	20%	21%	22%	22%	21%	21%
6-11 месяцев	27%	28%	31%	28%	29%	29%
Всего умерших до 1 года	**100%**	**100%**	**100%**	**100%**	**100%**	**100%**

Табл.1 (продолжение)

2.Уезды	**Год**					
Возраст смерти	***1890***	***1891***	***1892***	***1893***	***1894***	В среднем
			Числа умерших			
Менее 1 месяца	277472	285108	267087	271149	284465	277056
1–2 месяца	245217	234750	232803	219872	230020	232532
3-5 месяца	252343	237233	253703	210751	229534	236713
6-11 месяцев	346094	320255	367258	277543	314832	325196
Умершие во всех возрастах	**2805990**	**2762753**	**3207556**	**2689498**	**2741666**	**2841493**
в том числе до 1 года	1121126	1077346	1120851	979315	1058851	1071498
Доля детей до 1 года среди умерших	40%	39%	35%	36%	39%	38%
			Возрастная структура младенческой смертности			
Менее 1 месяца	25%	26%	24%	28%	27%	26%
1–2 месяца	22%	22%	21%	22%	22%	22%
3-5 месяца	23%	22%	23%	22%	22%	22%
6-11 месяцев	31%	30%	33%	28%	30%	30%
Всего умерших до 1 года	**100%**	**100%**	**100%**	**100%**	**100%**	**100%**

Источник: Покровский В., Рихтер Д. Население России. В книге: *Россия. Энциклопедический словарь*. Изд. И.Брокгауз и И.Эфрон. СПб, 1898, с.100-101.

В некоторых крупных городах, где уровень младенческой смертности был экстремально высоким, в последней трети XIX века наблюдалось ее быстрое снижение. Например, в Москве, где младенческая смертность достигала 60% в 1881-1882 годах, её уровень понизился почти до 32% за последующие 20 лет. Но в целом как младенческая, так и общая смертность в России в конце XIX века продолжала оставаться одной из самых высоких в Европе. Объяснение этому надо искать, прежде всего, в слабом развитии народного здравоохранения.

Возникновение в России системы доступной для населения (прежде всего для крестьян) медицинской помощи можно приурочить к 1864 году, в связи с созданием института земских врачей, обслуживавших крестьян за счет средств органов местного самоуправления – земств. До введения системы земской медицины число сельских больниц было очень незначительным. Медицинское обслуживание в них было платным, и если крестьянин не мог оплатить свое лечение, эти расходы возлагались на общину, к которой он принадлежал. Нередки были случаи, кода в деревню приезжал судебный пристав в сопровождении солдат и требовал с общины оплаты долга за лечение больного, даже если тот уже умер. Крестьяне, со своей стороны, не питали большого доверия к официальной медицине и обращались к врачам только в самых тяжелых случаях. Таким образом, поскольку в рамках земской медицины лечение для крестьян стало бесплатным, отношение их к врачам и лечению стало постепенно меняться. Также крестьяне стали чаще обращаться в больницы, что дало земским врачам возможность внести образовательный элемент в их деятельность, к примеру, рассказывать все большему числу пациентов о гигиене и профилактике болезней.

С 1866 года начинается развитие фабрично-заводской медицины, благодаря закону от 26 августа, обязавшему фабрики устраивать клиники с числом мест в зависимости от числа работающих. Медицинская помощь в этих клиниках оказывалась бесплатно, так как Устав промышленности запрещал взимать плату с рабочих не только за лечение, но и за гигиеническое и диетическое обеспечение больного. Позднее по Городовому положению 1870 и 1892 годов на городское управление была возложена обязанность организации медицинской помощи населению, аналогичной той, которая обеспечивалась земскими врачами на селе. Следует отметить и возникновение в 1883 году института "думских врачей" в Санкт-Петербурге; в их задачи входило посещение бедных жителей города на дому, а также определенный контроль за санитарной и эпидемиологической обстановкой. В реальном измерении все эти меры были очень слабыми, и по доступности медицинской помощи Россия далеко отставала от европейских стран, как свидетельствуют данные Таблицы 2.

Таблица 2

Характеристики доступности медицинской помощи в России и некоторых европейских странах в конце XIX века

	Численность врачей		На одного врача приходится		
	всего	на 1 миллион населения	населения	кв. километров территории	радиус действия в км
Европейская Россия	13475	155	6450	1 352.18	20.63
Норвегия	502	275	3630	641.24	14.25
Австрия	10690	275	3630	28.44	2.98
Италия	8580	280	3570	35.13	3.35
Испания	5200	305	3280	98.70	5.58
Германия	16270	355	2820	33.46	3.24
Франция	14380	380	2630	36.80	3.42
Бельгия	2160	390	2540	16.17	2.23
Нидерланды	1860	410	2440	17.84	2.34
Великобритания	22105	578	1730	10.04	1.81

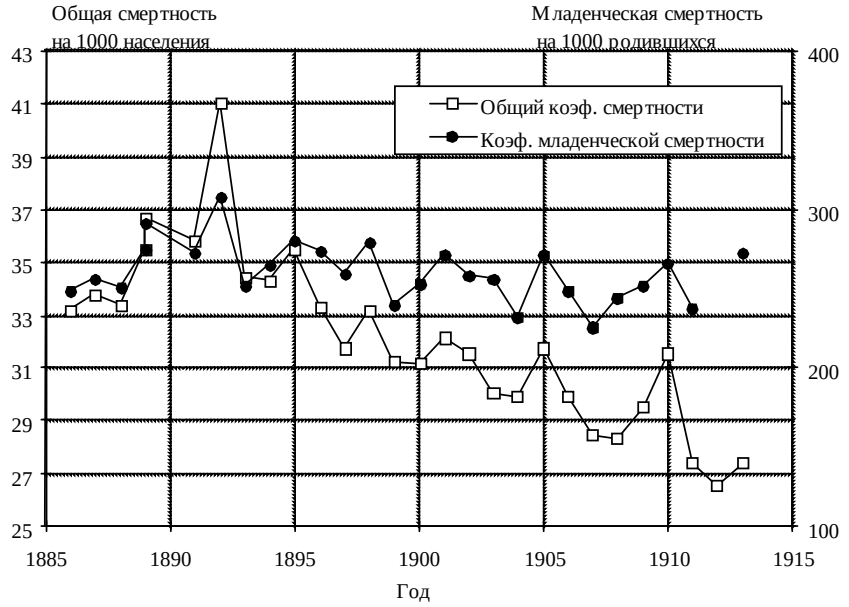
Источник: Г.Хлопин и И.Эрисман. Медицина и народное здравие. В книге: *Россия. Энциклопедический словарь*. Изд. И.Брокгауз и И.Эфрон. СПб, 1898, с.225

Неразвитостью системы здравоохранения объясняется и то, что колебания уровня общей и младенческой смертности в основном определялись внешними условиями и зависели от урожая, эпидемий и т.п. При этом в неблагоприятные годы (например, в 1892 году) смертность сильнее всего повышалась в средних возрастах и в возрасте 5-10 лет; относительная слабость колебаний младенческой смертности была обусловлена тем, что уровень ее и без того был крайне высок.

Несмотря на относительную неразвитость системы здравоохранения в России, последние два десятилетия XIX века были отмечены возникновением тенденции к уменьшению общего уровня смертности, которая стала еще заметнее с начала XX столетия. Эти тенденция была описана С.А.Новосельским в работе "Смертность и продолжительность жизни в России", опубликованной в 1916 году. В работе показано, что в 1907-1908 годах в Европейской России общая смертность мужчин понизилась на 11,7%, а женщин – на 13,6% по сравнению с 1896-1897 годами. Понижение детской смертности было гораздо менее выраженным: в период 1906-1910 гг. она была ниже на 6% для мальчиков и на 5%

для девочек по сравнению с 1896-1900 годами. При этом в городах смертность мальчиков понизилась на 3%, девочек – на 5%, а в сельской местности – на 6,35% и 5,5% соответственно. Но, учитывая подверженность показателя младенческой смертности сильным колебаниям от года к году, можно сказать, что он продолжал оставаться стабильно высоким вплоть до начала первой Мировой войны (Рис.2).

Рис.2: Динамика общего коэффициента смертности и коэффициента младенческой смертности в Европейской России в конце XIX – начале XX века.

Возникновение и развитие социальных институтов по охране материнства и младенчества

Акушерство

Проблема охраны младенчества и борьбы за снижение младенческой смертности хорошо осознавалась русской общественностью. Первоначально активность в этом направлении

ограничивалась улучшением акушерской помощи и созданием воспитательных домов и приютов для сирот и подкидышей. Первым упомянутым в истории России акушером был англичанин Якоб, практиковавший во времена Иоанна Грозного. Мало что известно о развитии акушерства вплоть до средины XVIII века, когда врач Павел Кондоиди был назначен лейб-медиком и директором Медицинской канцелярии.[1] Он начал свою деятельность с наведения порядка в медицинском образовании. В то время при госпиталях уже существовали медицинские школы, но знания, которые в них давались, были примитивными и поверхностными. В этих школах не преподавались такие важные для будущих врачей науки как физика, естественная история или психология, не говоря уже об акушерстве. Эта область медицинских знаний была настолько неразвита, что ни лейб-медик Императорского двора, ни личный врач императрицы не могли найти акушерку для невесты наследника трона, будущей императрицы Екатерины II, по ее прибытии в Санкт-Петербург. Понадобилось вмешательство П.Кондоиди, вызвавшего из Голландии Адриану Ван дер Шаар, которая и стала личной акушеркой молодой принцессы.

Хотя Кондоиди и сделал многое для улучшения качества образования в медицинских школах, ему не сразу удалось ввести в них курс акушерства. Фактически, все эти школы были предназначены главным образом для подготовки армейских врачей, тогда как акушерство считалось делом гражданским, личным и интимным. Тем не менее, 21 марта 1754 года Кондоиди представляет в Сенат проект закона, который обязывал бы всех акушерок, как русских, так и иностранных, иметь профессиональный сертификат и давать присягу. Также в проекте закона шла речь об организации акушерских школ в Москве и Санкт-Петербурге. Проект Кондоиди воплотился в Сенатский указ от 29 апреля 1754 года.[2]

Вскоре после этого, 17 ноября 1754 года, Кондоиди дополняет свои предложения Сенату инструкцией, регулирующей исполнение

---

[1] Я.Чистович. Очерки из истории первых медицинских учреждений XVIII столетия. СПб, 1870 (см., в частности, главу IV «Первые акушерские школы», с.128-219).

[2] Полное собрание законов Российской империи, т.XIV, СПб, 1830, с.55. Сенатский указ от 29 апреля 1754 года «Об учреждении школ в Санкт-Петербурге и в Москве для обучения повивальному искусству, о снабжении столиц и городов испытанными в сем искусстве бабками под именем присяжных».

акушерками своих профессиональных обязанностей. В инструкции, помимо всего прочего, был пункт, предписывающий акушеркам посещать курсы; за несоблюдение этого правила взимался штраф от 2 до 10 рублей. Все акушерки обеих столиц, которых в то время было совсем мало – 11 в Санкт-Петербурге и 4 в Москве, – сдавали экзамен и приводились к присяге.

Кондоиди подсчитал, что организация акушерской службы может стоить примерно 2 850 рублей в год, и округлил эту сумму до 3 тысяч. Сомневаясь, что эту сумму можно получить из государственной казны, он предложил сделать платными все роды, прошедшие при помощи акушерки; плата должна была зависеть от должности и ранга мужа роженицы. Эта плата состояла из двух примерно равных частей: оплаты услуг акушерки, в зависимости от сложности родов, и налога на поддержку и развитие службы акушерской помощи. Большого дохода это нововведение не приносило; женщины, мало беспокоясь о вкладе в развитие российского акушерства, предпочитали обращаться к незаконно практикующим акушеркам, лекаркам и всякого рода шарлатанкам. Спустя два года Кондоиди вновь обращается в Сенат, убеждая, что если в России создавать акушерские школы по образцу европейских, государство должно взять все расходы на себя.

Прислушавшись к доводам Кондоиди, Сенат отменил плату за родовспоможение и стал выделять ежегодно по 3 000 рублей на развитие акушерского дела. Эти средства позволили, наконец, открыть акушерские школы: 1 мая 1757 года в Москве, под руководством Иоганна Фридриха Эразмуса,[1] и 7 августа того же

[1] Иоганн Фридрих Эразмус родился в Страсбурге, где он и начал обучаться медицине, в частности акушерству; позже он продолжил обучение в Иене. В 1750 году, после получения диплома доктора медицины в Страсбурге Эразмус был приглашен в Россию, где, после сдачи обязательного экзамена он получил право практиковать. В Москву Эразмус переехал в 1757 году, после назначения профессором и доктором акушерской школы с ежегодным жалованьем в 600 рублей. После создания в Московском университете медицинского факультета он занимает там должность профессора анатомии, хирургии и акушерства. В Москве Эразмус вел обширную частную практику (иногда в ущерб преподавательским обязанностям). Считают, что он первым применил акушерские щипцы.

года – в Санкт-Петербурге, где директором стал Андреас Линдеманн[1].

С этого момента все основные элементы системы соединились: обучение акушерок, выдача им сертификатов и приведение к профессиональной присяге, а также, что наиболее важно, признание профессионального родовспоможения общественным делом, которое, государство должно поддерживать финансово. Можно сказать, что с этих пор все акушерки в России оказались на государственной службе. Также интересно отметить, что 9 февраля 1759 года Кондоиди подготовил предложения о бесплатной выдаче бедным матерям и их новорожденным детям всех лекарств, выписанных акушерками; соответствующий указ был принят Сенатом 9 июня 1759 года.

Примерно в это же время, а именно в 1762 году, появляется и первое русское пособие по акушерству, составленное профессором Эразмусом по устаревшим источникам XVII века. Через два десятилетия, в 1784-1786 гг., петербургский профессор Н.М. Максимович-Амбодик[2] публикует новый учебник на русском языке, составленный с учетом всех научных достижений той эпохи. Еще один учебник на русском языке появился в 1792 году в Москве, он был написан Иоганном Карлом Крейзелем, работавшим в

[1] Андреас Линдеманн родился в Ревеле, на территории нынешней Эстонии. Диплом врача он получил в Геттинтене в 1775 году. После повышения своей квалификации в акушерстве, сначала в Берлине, затем в Страсбурге, он приехал в Россию и получил право практиковать в декабре 1753 года. Вскоре после этого, в мае следующего года Кондоиди предложил ему взять на себя «женские дела» в Санкт-Петербурге. Линдеманн был назначен профессором акушерской школы Санкт-Петербурга 7 августа 1757 года с ежегодным окладом в 600 рублей.

[2] Нестор Максимович Максимович-Амбодик (1744-1812), которого называют отцом российского акушерства, был русским по происхождению. Он учился у профессора Шпильмана в Страсбурге, где и получил свой диплом врача в 1755 году и, пройдя затем испытания в медицинской коллегии в Санкт-Петербурге, получил право практиковать в России. В мае 1781 года Максимович-Амбодик становится профессором акушерской школы Санкт-Петербурга, в которой преподает акушерство для подлекарей. Его учебник «Искусство повивания или наука о бабичьем деле» выходит в свет в 1784-1786 гг. Кроме этого учебника, перу Максимовича-Амбодика принадлежат и другие труды на русском языке, среди них «Физиология или естественная история человека», опубликованная в Санкт-Петербурге в 1787 году.

московской акушерской школе; спустя 9 лет выходит в свет учебник профессора В.М.Рихтера.[1]

В 1802 году школа акушерок превращается в Повивальный институт, что приводит к росту числа акушеров и врачей российского происхождения. В 1808 году в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии создается акушерская клиника. Затем подобные клиники открываются при Харьковском (1815 год), Казанском (1833 год) и Киевском (1847 год) университетах.

Формирование национальных медицинских кадров достигло расцвета в конце XIX века. В этот период во многих земских больницах служили дипломированные акушеры и гинекологи, которые могли проводить сложные операции. Кроме того, рост числа врачей акушеров–гинекологов к концу XIX века принимает и определенные социальные формы. В Москве и Санкт-Петербурге создаются общества акушеров-гинекологов, имеющие собственные печатные издания, а в Санкт-Петербурге начинает выходить акушерско-гинекологический журнал.

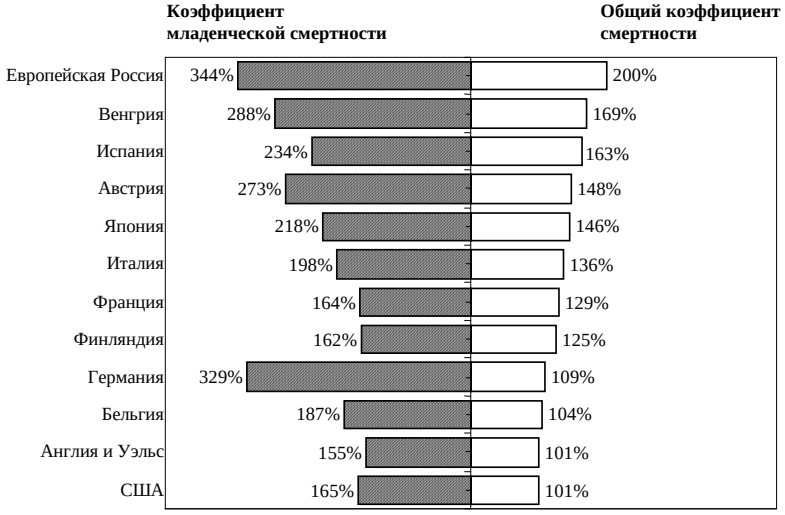
Педиатрия

Полномасштабное развитие педиатрии в России начинается в первой половине XIX века; это прямо связано с открытием детских больниц. Первая подобная больница (Николаевская в Санкт-Петербурге), открытая в 1834 году, была вторым по счету медицинским учреждением подобного рода в Европе. Но систематическая подготовка по педиатрии начинается только в 1866 году, после создания в Московском университете кафедры детских болезней под руководством Н.А. Тольского, директора детских клиник и главного врача Московской детской больницы. Три года спустя, в 1869 году, аналогичная кафедра создается при акушерской клинике Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, хотя теоретический курс читался там еще с 1827 года. А к концу XIX века в России существовало уже 5 кафедр детских болезней, два

[1] Вильгельм Михайлович Рихтер происходил из обрусевшей немецкой семьи. Первое издание его учебника по акушерству было напечатано в типографии Московского университета в 1801 году, второе – в 1822 году. Рихтер был также известен своими трудами по истории медицины; похоже, его труд «Geschichte der Medizin in Russland», опубликованный на немецком языке в Москве в 1813-1817 гг., был первым в этой области.

больших воспитательных дома, 15 детских больниц, детский санаторий и множество детских приютов. Тем не менее, для России, с её 130-миллионным населением и почти 5 миллионами рождений в год, этого было явно недостаточно. Поэтому накануне первой Мировой войны уровень младенческой смертности в России остается одним из самых высоких в Европе, а ее отставание от других европейских стран даже увеличивается по сравнению с концом XIX века (Рис.3)

Рис. 3: Уровни общей и младенческой смертности в России и некоторых европейских странах в 1913 году (относительно Швеции)

Общественное призрение

В средневековой Руси все дела, имеющие отношение к семье, находились под религиозной юрисдикцией, в соответствии церковным уставом, введенным еще киевским князем Владимиром. В статье 3 этого устава было записано, что князя Владимира вдохновил на такое решение греческий Номоканон, согласно которому семейные дела не могут быть судимы ни князем, ни его боярами или судьями. Кроме того, в статье 6 уточняется, что ни князь, ни его дети и внуки не имеют права входить в церковный суд.

Тем не менее, сын Владимира, князь Ярослав Мудрый усовершенствовал церковный устав, добавив в него уточнения, касающиеся наказания женщины за убийство своих детей, как законных, так и незаконнорожденных: она ссылалась в монастырь, а ее семья должна заплатить за нее выкуп.

Более 700 лет спустя отношение государства к незаконнорожденным детям существенно изменилось. В главе XXII Соборного Уложения царя Алексея Михайловича, вступившего в силу в 1649 году, статья 26 предписывала «казнити смертию без всякия пощады» женщин, убивших свое незаконнорожденное дитя. При этом за убийство законных детей родители наказывались лишь тюремным заключением на один год, с последующим публичным покаянием. Также известно, что в эту эпоху в России уже существовали учреждения для приема незаконнорожденных детей и подкидышей при монастырях и церквях, под патронатом патриарха Московского и всея Руси.[1] Никон, который был патриархом в 1652-1666 гг., открыл сиротский приют в Новгороде в бытность свою митрополитом Новгородским. К концу XVII века российское государство уже понимало всю важность общественного призрения; в 1682 году для царя Федора Алексеевича был подготовлен проект указа, в соответствии с которым казна брала на себя все расходы по общественному призрению. Также в этом проекте, среди прочего, содержалось предложение о строительстве, по примеру других стран, учреждений для незаконнорожденных и подкидышей, где им обеспечивалось бы обучение, с тем, чтобы они могли впоследствии приносить общественную пользу. Однако этот проект никогда не был реализован.

В начале XVIII века, в 1706 году, новгородский митрополит Иов (ум. в 1716) за счет монастырских доходов открыл на берегу Волхова три больницы, странноприимный дом (для прохожих), а также «дом для незаконнорожденных и всяких подкидных младенцев» при Холмской Успенской обители.[2] Это начинание Иова находит поддержку у светской власти. Указом от 31 января 1712

---

[1] См. Ransel, David L. *Mothers of misery. Child abandonment in Russia*. Princeton: Princeton University Press, 1988. - XIV-330 с.

[2] См. А.Горчаков – Монастырский приказ. 1863 год. Н.Б.Мирский пишет, что для содержания сиротского дома «был назначен целый монастырь в Колмове». См. Н.Б.Мирский. *Медицина в России XVI-XIX веков*. М.: РОССПЭН, 1996, с.52.

года Петр I предписывает: « По всем губерниям учредить шпиталеты для увечных, а также прием незазрительный и прокормление младенцев, которые от незаконных жен рождены, по примеру новгородского архирея ».[1]

Петр не оставляет без внимания эту проблему и позднее. Об этом свидетельствуют заметки в его записных книжках, преобразование в 1714 году, после смерти царевны Натальи Алексеевны, её богадельни в «дом для несчастно рождаемых и всяких младенцев», а также именной, объявленный из Сената в 1715 году указ «О сделании в городах при церквях гошпиталей для приему и содержания незаконнорожденных детей». Предписывалось строить в Москве мазанки, а в других городах деревянные дома и набирать «искусных жен для сохранения зазорных младенцев».[2]

Постепенно дело призрения незаконнорожденных и подкинутых детей, которое всегда было заботой церкви, становится государственным делом; сами же эти дети, по мнению Петра I, являются «детьми отечества» и должны быть собственностью государства. Чтобы облегчить матерям принятие решения об оставлении своих незаконнорожденных детей в воспитательных учреждениях, Петр I предписывал сохранять в тайне имена таких женщин. Заметим, что сам Петр одновременно с титулом Императора 20 января 1721 года примет и титул «Отец отечества».

Даже если Петр I формально и взял внебрачных детей под опеку государства, это не означало, что государство брало на себя все расходы по их содержанию. Не существовало ни одного государственного учреждения, ответственного за управление и контроль над сиротскими приютами и воспитательными домами. В соответствии с замыслом Петра, они должны были финансироваться местной администрацией и церковью, а также за счет благотворительности. Сенат разослал более 20 тысяч писем с просьбой о пожертвовании на сиротские и воспитательные дома. Эта мера не дала желаемого результата, и идеи Петра I оставались по большей части на бумаге. Бесприютных детей принимали в ничтожном количестве и воспитывали в московских Новодевичьем и

---

[1] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), СПб, 1830, т. IV, № 2467.
[2] ПСЗ, т. V, № 2856 ; См. Также Мирский Н.Б. Указ.соч., с.51-53; Конюс Э.М. *Истоки русской педиатрии*, М., 1946, с.44; Чистович Я. *История первых медицинских школ в России*. СПб, 1883.

Андреевском монастырях, а также в Петербурге, в основанном для этих целей в 1714 году воспитательном доме.

Первым замечательным в истории России учреждением для незаконнорожденных и подкидышей стал Воспитательный дом в Москве. Идея создания этого дома принадлежала И.И.Бецкому, действительному статскому советнику и президенту Академии художеств.[1] В 1763 году. Бецкой представляет императрице доклад о создании воспитательных домов для подкидышей; в докладе говорится о милосердии и о необходимости спасения, во благо России, множества подданных, ежегодно умирающих в самом нежном возрасте. Этот доклад возымел действие, и 21 апреля 1764 года, в день 35-летия Екатерины II, в Москве был открыт первый Воспитательный дом. Его открытию предшествовало принятое в сентябре 1763 года решение о том, что Воспитательный дом станет государственным учреждением, наделенным экономическими привилегиями, которые позволили бы собирать значительные средства на его содержание. Также определенными привилегиями должны были пользоваться и воспитанники.

12 марта 1764 года Бецкой представляет первую часть своего труда «Учреждения и уставы касающиеся до воспитания в России обоего пола юношества»[2]; вторая и третья части выходят в свет в 1767 году. В этом документе присутствовал важный пункт, оговаривающий право бедных родителей на воспитание своих детей за счет государства. Хотя, на самом деле, все учреждения подобного

---

[1] По российским законам, И.И. Бецкой и сам был незаконнорожденным. Он родился в Стокгольме в 1704 году, где его отец, князь Иван Юрьевич Трубецкой, находившийся в шведском плену, вступил в брак с баронессой Вреде при жизни своей первой жены. Бецкой провел молодость за границей, в 1722-1729 гг. служил секретарем русского посольства в Париже. В этот период он был представлен матери будущей русской императрицы Екатерины II, герцогине Иоганне-Елизавете, с которой сохранил очень дружеские отношения. В 1747 году он вышел в отставку и вновь вернулся в Париж, где провел следующие 15 лет, свел знакомство с энциклопедистами и проникся их идеями. Вновь вернувшись в Россию, он посвящает свою жизнь делу воспитания подрастающего поколения. (См.: П.М.Майков. И.И.Бецкой. Опыт биографии. СПб, 1904).

[2] Все проекты, идеи и уставы основанных Бецким учреждений нашли свое отражение в труде «Учреждения и уставы касающиеся до воспитания в России обоего пола юношества», опубликованного в Санкт-Петербурге в 1774 году.

рода, основанные в соответствии с указаниями Петра I, были предназначены исключительно для незаконнорожденных, все-таки имелась возможность попасть туда и законным детям, поскольку принцип анонимности по-прежнему оставался в силе. Но в проекте Бецкого этому пункту отводилась особая роль.[1] В соответствии с идеями Бецкого, нашедшими поддержку у Екатерины II, воспитательные дома должны были формировать «третье сословие», которого так недоставало в России.

Отметим, что в 1771 году при Воспитательном доме на средства известного как своими благотворительными делами, так и причудами, Прокофия Демидова был учрежден «Родильный институт» на 20 коек, для создания которого он прислал И.И.Бецкому 200 тыс. рублей.

Реальность оказалась удручающей. Из 532 детей, принятых в Воспитательный дом в год его основания (1764), более двух третей умерли в том же году. В 1767 году доля умерших детей среди принятых была рекордной: 98.5%. Эта тенденция, со слабыми колебаниями, наблюдается на протяжении многих десятилетий (Рис.4).

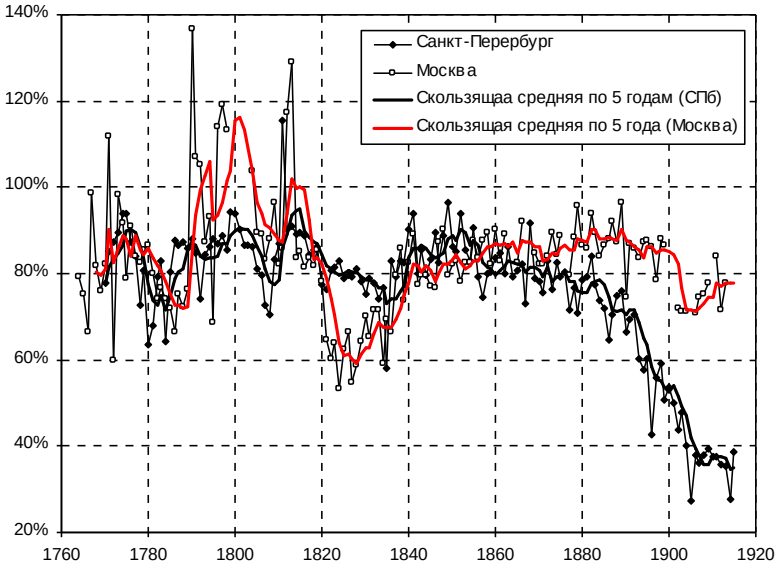
Хотя при такой высокой смертности воспитанников лозунг, начертанный по указанию Бецкого над входом в Воспитательный дом – «Вы останетесь живы» – выглядел насмешкой, но Бецкой не не опускает рук. Благодаря его усилиям в 1770 году Воспитательный дом был открыт в Санкт-Петербурге; смертность детей в нем оказалась такой же высокой, как в Москве. В наши задачи не входит подробное описание всех злоключений, выпавших на долю этих двух учреждений, это уже сделано несколькими авторами; наиболее полной можно считать вышедшую в 1988 году книгу Д.Рансела.[2] Обратим внимание лишь на то, что после создания этих двух воспитательных домов, снижение смертности воспитанников стало одним из главных направлений их деятельности, и на то, проблема непомерно высокой смертности воспитанников системы общественного призрения заставляла задуматься об ответственности общества за жизнь детей вообще. Вероятно, с этого времени смерть

[1] Указ от 29 ноября 1790 г. признавал это право только за незаконнорожденными и подкинутыми детьми, которые считались «детьми отечества».

[2] Ransel, David L. *Mothers of misery. Child abandonment in Russia*. Princeton: Princeton University Press, 1988. - XIV-330 с

ребенка перестала быть личным событием, а стала общественным делом.

Рис.4: Соотношение ежегодных чисел принятых и умерших детей в воспитательных домах Москвы и Санкт-Петербурга

Источники: David L.Ransel -*Mothers of misery. Child Abandonment in Russia*. Princeton University Press.1988 p.303-308;
А.И-ов. Воспитательные дома в России // Вестник Европы, т.25, №6, июнь 1890, с.458-542

Формирование общественного движения

Общественное движение за снижение младенческой смертности зарождается в среде русской интеллигенции во второй половине XIX века, когда в селах, по примеру Франции, создаются детские ясли и благотворительные пункты "Капля молока".[1] Но это

[1] Первые ясли в сельской местности России были организованы в 1881 году, а первый пункт «Капля молока» был открыт профессором Троицким в Киеве в 1895 году. 15 июня 1907 года «Капля молока» была открыта в Харькове. См.

были единичные явления. Массовый и организованный характер это движение принимает в начале XX века, когда сообщество русских врачей становится достаточно мощным и многочисленным, когда земскими, городскими и фабричными врачами накапливается большой опыт работы с населением, а также закладываются основы санитарной статистики.

В 1901 году по инициативе педиатра Н.П.Гундобина была создана официальная комиссия для изучения детской смертности. Несколькими годами позже, в 1904 году, врач Н.А.Русских организует "Союз борьбы с детской смертностью в России", в 1908 году создается "Общество охраны материнства и младенчества в Москве", а в 1909 – "Московское общество борьбы с детской смертностью". Важнейшей вехой развития движения стал 1913 год, когда, после Первого съезда детских врачей, по предложению педиатра К.А.Раухфуса было создано "Всероссийское попечительство об охране материнства и детства". В его задачи входило создание на благотворительные средства детских консультаций, молочных кухонь, яслей, приютов и проч. В рамках этого движения, все более ориентирующегося на решение конкретных проблем массового оздоровления населения, создается концепция будущей системы охраны материнства и младенчества. Но практическое создание ее отложится на долгий срок из-за первой Мировой войны и последовавшими за ней событиями 1917-1924 годов.

Советская система охраны материнства и детства

Создание системы: 1917-1936 годы

Если в конце XIX – начале XX века Россия находилась на старте бурного экстенсивного развития системы здравоохранения, то первая Мировая война и последовавшая за ней революция 1917 года не только существенно замедлили это развитие, но и вызвали определенную деградацию, обусловленную как разрушением инфраструктуры, так и отсутствием кадров из-за призыва врачей на фронт. С начала 1920-х годов развитие системы здравоохранения в

Ямпольский С.М. Капля молока и ее значение в борьбе с детской смертностью. *Врачебная газета,* №43, 1909; Томилин С.А. *Демография и социальная гигиена.* М.1978, с.237.

России (а затем в СССР) получает мощный толчок, обусловленный тем, что магистральные идеи развития охраны народного здравия, созревшие в русском обществе ещё в дореволюционный период, получают институционально-политическую поддержку со стороны правительства. Огромную роль играет энтузиазм врачей, подогретый декларацией блага народа как основной цели нового социалистического государства.

Буквально с первых дней Советской власти охрана материнства и младенчества получает государственный статус. В декабре 1917 года коллегия Народного комиссариата государственного призрения, возглавляемого А.А.Коллонтай, принимает решение о создании Отдела охраны материнства и младенчества, начавшего функционировать с 1 января 1918 года во главе с В.П.Лебедевой. По декрету Наркомата государственного призрения от 30 января 1918 года, все учреждения, занимающиеся обслуживанием матери и ребенка, передаются в ведение этого отдела. Поскольку борьба с высокой младенческой смертностью выдвинута на передний план, Отдел разворачивает широкую работу по организации домов младенца, женских домов и детских больниц. К 1920 году в России было создано 108 домов младенца, 267 приютов для грудных детей и домов ребенка до 3 лет.

После создания Народного комиссариата здравоохранения Отдел охраны материнства и младенчества, а также существовавший до этого в составе Наркомпроса Школьно-гигиенический отдел, объединены в Отдел охраны здоровья детей и подростков. В 1927 году организация родовспоможения, находившаяся в ведении Лечебного отдела Народного комиссариата здравоохранения, также перешла к Отделу охраны материнства и младенчества. Но в 1932 году ВЦИК и Совнарком РСФСР принимают специальное постановление о развитии ясельного обслуживания детей в городах и промышленных центрах, совхозах, МТС и колхозах. Созданная к этому времени единая система охраны материнства и младенчества была вновь разделена на управление родовспоможением и ясельное управление. На первое возлагалось руководство женскими консультациями и родильными домами, а на второе – руководство яслями, детскими консультациями, детскими пищевыми станциями, молочными кухнями, а также подготовка кадров и разработка типовых проектов строительства зданий для яслей. Позднее, в 1938

году, Отдел охраны материнства и младенчества будет слит с Отделом охраны здоровья детей и подростков Наркомздрава, который уже в 1939 году войдет в состав Управления лечебно-профилактической помощи Наркомздрава. В 1953 году будет создано Главное управление лечебно-профилактической помощи женщинам и детям Минздрава СССР, которое и сосредоточивает всю работу по охране материнства и детства, от планирования семьи до охраны здоровья подростков.

Постепенно решается и проблема подготовки квалифицированных кадров. Большой вклад в её решение внесли созданные в 1922 году в Москве, Харькове, Киеве, Петрограде, а затем и в других городах институты охраны материнства и младенчества, а также институты охраны здоровья детей и подростков, бывшие одновременно научно-исследовательскими и лечебными учреждениями. В 1930 году во 2-ом Московском медицинском институте был создан факультет охраны материнства и младенчества, который имел акушерско-гинекологическое отделение; оно просуществовало до 1936 года, когда факультет был преобразован в педиатрический. В это же время был открыт Медицинский педиатрический институт в Ленинграде, а затем педиатрические факультеты были открыты и во всех союзных республиках.

Несмотря на строгую тенденцию централизма и бюрократизации в советской системе государственного управления, работа по организации системы медицинской и профилактической помощи женщинам и детям сохраняет элементы профессиональной демократии. Этому, по крайней мере, в первое десятилетие Советской власти, способствуют всероссийские, а затем всесоюзные совещания по охране материнства и младенчества, собиравшиеся в1920, 1923, 1925 и 1929 годах. Эти совещания сыграли важную роль в выборе стратегии развития системы, решении организационных вопросов, решении проблемы подготовки кадров.

С самого начала своего функционирования (в период Гражданской войны и военного коммунизма) система сосредоточила усилия на развитии учреждений закрытого типа, таких, как дома матери и ребенка, дома ребенка и проч., то есть попросту – специализированных больниц. В декабре 1920 года Первое совещание по охране материнства и младенчества выносит решение

о приоритете развития учреждений открытого типа, таких, как ясли, консультации, молочные кухни и проч., что можно считать победой (временной) профилактическо–воспитательного или профилактическо–образовательного направления. После 1920 года консультации, обслуживавшие детей до одного года, превращаются в школы матерей. Тогда же возникают и консультации для беременных, которые вначале обслуживают только беременных, а затем и всех женщин. С 1924 года женские консультации начинают выдавать разрешение на бесплатный аборт. Вначале деятельность женских и детских консультаций носит исключительно профилактический характер, но постепенно они начинают приобретать и лечебные функции. Было очевидно, что взятие консультациями на себя лечебных функций быстро подорвет их профилактическо-образовательную деятельность. Поэтому в продолжение 1920-х годов ведутся активные дискуссии о перспективах охраны материнства и детства в СССР, в частности, выдвигаются предложения об усилении специализации учреждений путем создания:

- консультаций для беременных;
- гинекологических консультаций (для гинекологических больных);
- консультаций по предупреждению беременности (службы планирования семьи);
- детских консультаций.

Авторы такого рода предложений, как правило, врачи-практики, на собственном опыте доказывали невозможность эффективной работы при непосредственном смешении лечебной и профилактической деятельности. Но их позиция осталась непризнанной, и с 1930 года на женские консультации была возложена задача лечения гинекологических больных; решение этой задачи стало безусловной доминантой их деятельности. В результате в начале 1930 годов складывается трехзвенная система, существующая до сегодняшнего дня и включающая:

1) женскую консультацию, которая осуществляет лечение гинекологических больных, наблюдение за беременными, диагностику беременности и выдачу направлений на искусственный аборт;

2) родильные дома, включенные с 1927 года в систему охраны материнства и младенчества;
3) детские поликлиники, врачи которых наблюдают и лечат детей от момента их прибытия из родильного дома и до 15 лет.

Важнейшим элементом системы становятся учреждения «внесемейного воспитания», то есть детские ясли, в которые женщина могла отдать ребенка в возрасте 2-3 месяцев, и детские сады, предназначенные для детей от трёх до семи лет. Эти учреждения, безусловно, играли позитивную роль в оздоровлении детей и снижении детской смертности, так как и в городах, и в сельской местности санитарные условия содержания в них детей были в среднем намного лучше, чем те, которые существовали в семейных жилищах. В дошкольных учреждениях детям обеспечивался режим жизни и питания, в них регулярно проводились профилактические осмотры и вакцинация. Но при этом одной из важнейших задач детских яслей было обеспечение своевременного возвращения женщины на рабочее место.

Надо отметить с самого начала, что, с приходом к власти большевиков, отношение к охране материнства и детства принимает более политизированный оттенок, так как речь начинает идти об охране здоровья "женщины-работницы" и создании возможностей сочетания женщиной производственного труда с материнством.[1]

Развитие вширь: 1936-1960-е годы

Переломным моментом в развитии системы охраны материнства и детства в СССР стал 1936 год, когда было принято знаменитое постановление от 26 июля о запрещении абортов. В действительности оно носило более широкий характер и называлось: «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, о расширении сети родильных домов, детских яслей и детских домов, об усилении наказания за неплатеж алиментов и некоторых изменениях в законодательстве об абортах».

[1] См.: Goldman, W.Z. *Women, State and Revolution: Soviet policy and Social life 1917-1936*. Cambridge University Press, Cambridge, N.Y., Melbourn, 1993, XI+352 p.; Alain Blum. *Naître, vivre et mourir en URSS: 1917-1991*. Paris: Plon, 1994. 274 p.

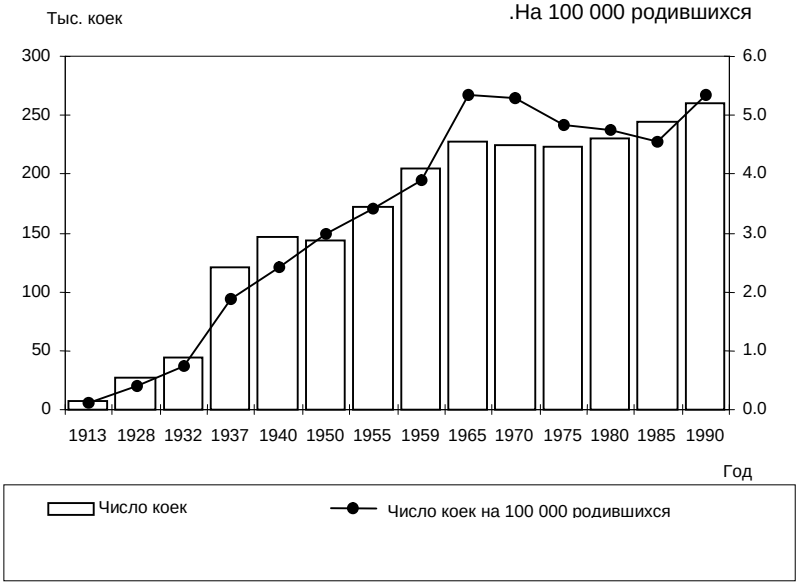
После этого постановления в развитии системы начинается настоящий бум: с 1936 по 1938 год было развернуто 52,5 тыс. коек в родильных домах, в том числе 41,3 тыс. в сельской местности. Было открыто 14,4 тыс. акушерских пунктов на селе, создано более 1 млн. мест в постоянных детских яслях и около 5 млн. во временных сезонных яслях в сельской местности, открылось 800 новых молочных кухонь. Особое значение придавалось так называемым колхозным роддомам, число мест в которых увеличилось с 1936 по 1938 год почти в два раза, причем особенно быстро оно росло в Средней Азии и в Закавказье – в 5 раз за три года. В результате к 1940 году 97% рождений в городах и 26,3% в сельской местности были охвачены системой родовспоможения. Быстрый рост доступности квалифицированного родовспоможения, замедлившийся во время войны 1941-1945 годов, вновь ускорился в 1950-х годах и достиг пика к началу 1960-х годов, когда большинство родов, как в городах, так и в сельской местности происходило в родильных домах (Рис.5).

Кроме обеспеченности врачами, на уровень смертности с конца 1930-х годов существенно влияет внедрение новых медицинских технологий и препаратов, в частности сульфамидов и антибиотиков, которые позволяют кардинально снизить младенческую смертность даже в годы войны.

Многие авторы справедливо отмечают положительное влияние внедрения в медицинскую практику новых препаратов на снижение младенческой смертности.[1] Но, безусловно, успех от внедрения новых технологий был во многом обеспечен развитой инфраструктурой и хорошо организованной системой распределения этих препаратов, созданной в конце 1930-х годов.

[1] См. Сифман Р.И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны. В кн.: *Продолжительность жизни: анализ и моделирование*. Под ред. Андреева Е.М. и Вишневского А.Г. М.: Статистика, 1979, с.50-60,; S.V.Zakharov, The second world war as turning point of infant mortality decline in Russia. Chaire Quetelet 1994: "Santé et mortalité des enfants en Europe. Inégalités sociales dћier et d’aujourdћui", Louvain-la-Neuve 12-24 septembre 1994. Sous la direction de G.Masuy-Strobant, C.Gourbin et P.Bueken. Louvain-la-Neuve-1996. Academia-Bruylant L’Harmattan, p.311-333.

Рис. 5: Рост числа коек для беременных в абсолютных величинах и на 100 000 родившихся в СССР

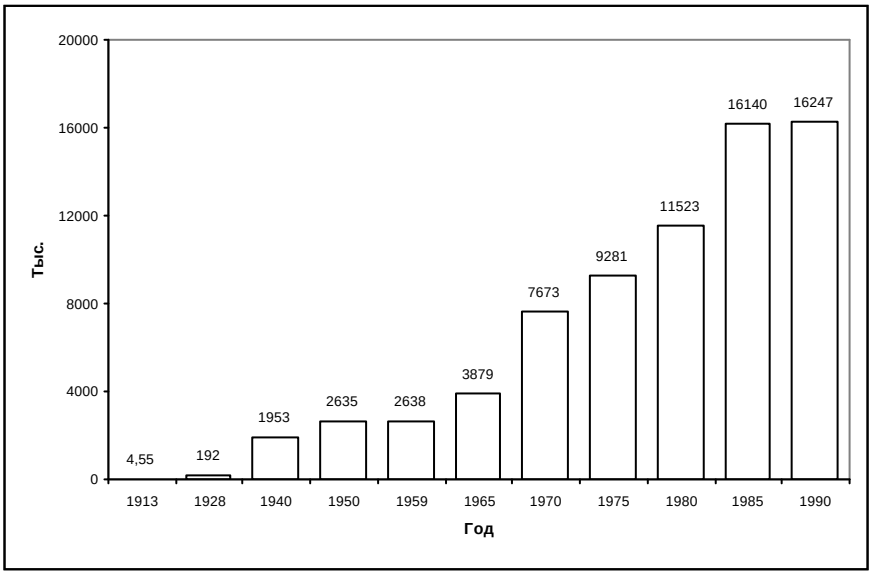

С середины 1930-х годов ускоряется и рост числа учреждений внесемейного воспитания для детей младшего возраста. Если в 1918 году число мест в постоянных и сезонных детских яслях составляло в целом по СССР чуть более 25 тысяч, то к 1929 году их число увеличилось в 100 раз, в 1936 году их уже 4,7 млн., а в 1938 – 7,3 млн. Большую часть из них составляли места в сезонных яслях, которые открывались в деревнях на время летних сельскохозяйственных работ, зимой же крестьянские дети проводили весь день в семье. Но и число мест в постоянных яслях и детских садах растет очень быстро вплоть до 1970 годов (Рис.6), когда уже примерно 50% всех детей в возрасте моложе 7 лет посещают эти учреждения. Этот уровень обеспеченности местами стабильно сохраняется до распада СССР.

К середине 1960-х годов развитие системы вширь существенно замедляется, если не останавливается. Это относится не только к СССР в целом, но и ко всем союзным республикам.

К концу 1980-х годов все союзные республики были более или менее равномерно насыщены услугами системы родовспоможения, хотя в 1918 году и в 20-30е годы доступность медицинской помощи была крайне неравномерной: в основном она концентрировалась в городах Европейской части России и на Украине. В Закавказье в 1918 году были только 142 специализированные родильные койки, в Средней Азии – 58, из которых 11 было в Туркмении и 47 – в Узбекистане. На территории Таджикистана, Казахстана и Киргизии их вообще не было.

Рис. 6: Рост числа мест в детских дошкольных учреждениях в СССР

Конечно, это не означает, что на территории этих республик медицинское родовспоможение не существовало вовсе. Отсутствовали лишь специализированные оборудованные места, но родовспоможение по мере возможности обеспечивали врачи и фельдшеры общей практики, которых, впрочем, было крайне мало. Как видно из Табл. 3, в начале 1960-х годов скорость экстенсивного развития родовспоможения замедлилась в Европейской части, но

продолжала оставаться довольно высокой в Средней Азии. При этом надо иметь в виду, что если в Европейской части СССР уровень рождаемости в 1960-е годы начал резко понижаться[1], то в республиках Средней Азии он не только продолжал оставаться высоким, но и даже проявлял тенденцию к росту. Поэтому нагрузка на одну врачебную и акушерскую койку для беременных и рожениц в Средней Азии была значительно выше, чем в Европейской части СССР (Рис. 7).

Влияние развития системы медицинской помощи женщинам и детям на уровень младенческой смертности в Средней Азии – более сложный вопрос, чем это кажется на первый взгляд, и требует дополнительных исследований. Действительно, с конца 1950-х – начала 1960-х годов и до конца 1980-х коэффициент младенческой смертности заметно увеличивался в Таджикистане, Туркмении и Узбекистане. Этот рост можно частично отнести к улучшению статистического учета рождений и смертей, в чем развитие системы здравоохранения сыграло немаловажную роль. Повышение рождаемости, наблюдавшееся в то время в среднеазиатских республиках, также могло быть фактором повышения младенческой смертности при прочих равных условиях. Неизученным остается и влияние на младенческую смертность практики планирования семьи, которая начала распространяться в коренном населении среднеазиатских республик в 1960-80е годы. Как известно, при относительно высокой рождаемости планирование семьи не обязательно ведет к понижению младенческой смертности.[2]

Вероятно, если бы не развитие системы здравоохранения в Средней Азии в 1960-е – 1980-е годы, то повышение младенческой смертности в этом регионе было бы намного более выраженным. Хотя конкретной статистической проверки такого рода гипотезы, кажется, никогда проведено не было, мы можем строить такие предположения лишь на основании того факта, что снижение младенческой смертности в Средней Азии было более быстрым, чем снижение рождаемости (Рис.8).

---

[1] См.: Avdeev A., Monnier A. A la découverte de la fécondité russe contemporaine // *Population*, 1994. N°4-5, p.859-902.

[2] См.: Bongaarts J. Does family planning reduce infant mortality rates? *Population and Development Review*, 1987, n°2, p.323-334.

В середине 1970х годов в республиках с низким уровнем рождаемости и стабильным, компактным населением (Прибалтика и Белоруссия) обеспеченность населения больничными койками достигает того предельного уровня эффективности, когда увеличение этого показателя перестает оказывать существенное влияние на уровень младенческой смертности, и основная нагрузка ложится на факторы поведенческого характера или факторы образа жизни. В Средней Азии, напротив, значение экстенсивного развития системы здравоохранения в качестве фактора, снижающего младенческую смертность, сохраняет свою роль до самого распада СССР и, возможно, – до сегодняшнего дня.

Рис. 7: Уровень младенческой смертности и число рождений на одну койку (врачебную и акушерскую) по республикам СССР в 1975 году

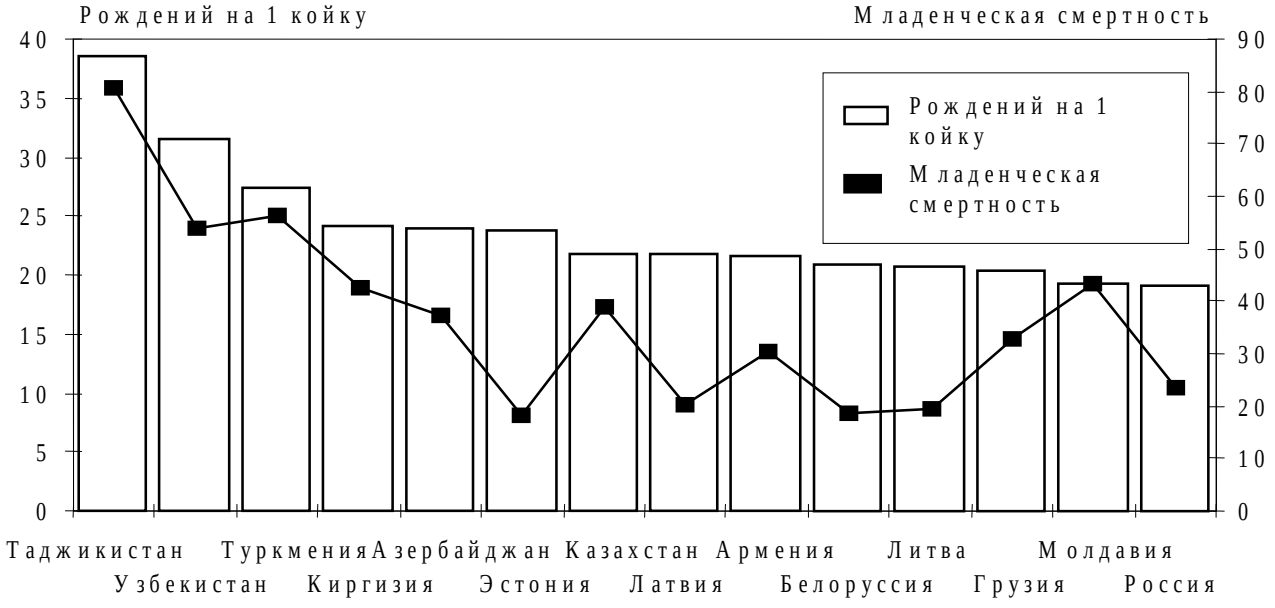

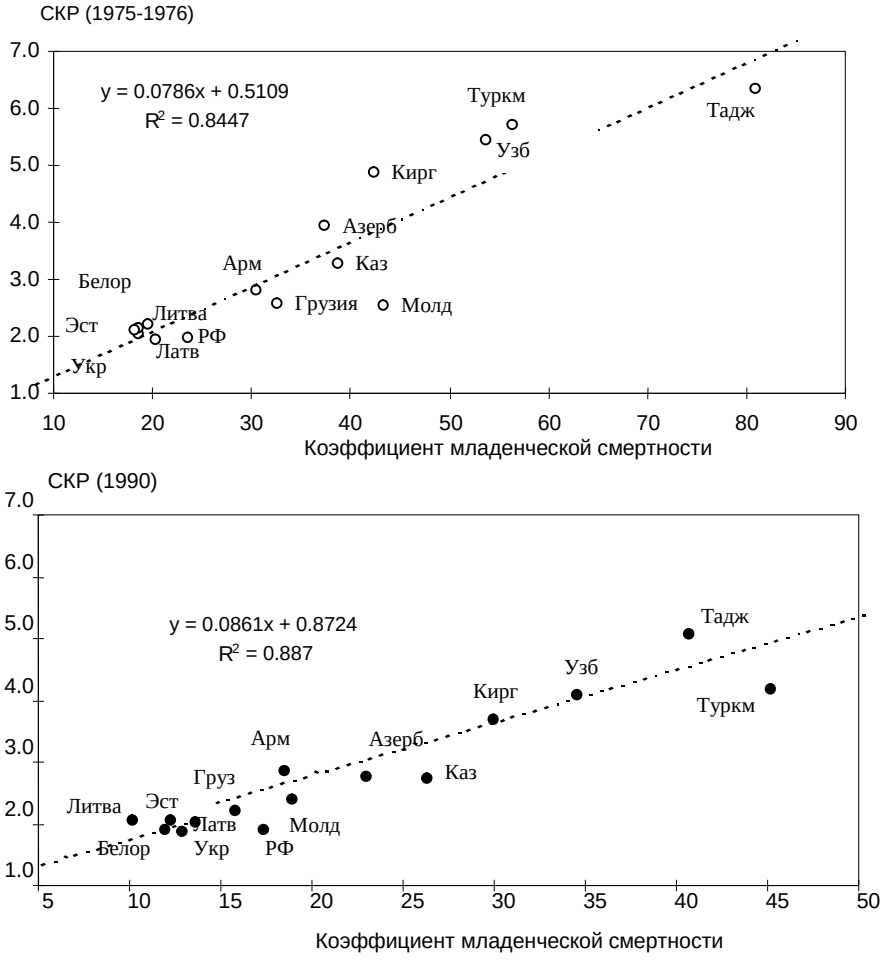
Таблица 3

Число коек мест для беременных женщин в больницах и родильных домах СССР

	1918	*1931*	*1936*	*1937*	*1940*	*1965*	*1970*	*1980*	*1990*
СССР	5 854	31 296	46 340	59 791	147 100	227 000	223 800	230 400	260 000
РСФСР	4 696	23 433	33 387	41 600	90 700	118 300	110 300	113100	122 700
Украина	879	5 291	7 626	11 191	35 000	47 800	45 100	39 700	39 600
Белоруссия	79	887	1 322	1 861	5 400	7 500	6 900	7 300	7 600
Молдавия	...	...	...	...	600	4 400	4 500	3 600	4 100
Грузия	} 142	} 630	441	582	1 900	4 200	4 400	4 300	5 000
Азербайджан			703	825	2 000	4 300	5 600	6 600	7 600
Армения			181	244	700	2 700	2 800	2 800	3 300
Казахстан	--	--	1 022	1 505	4 300	14 000	16 300	16 400	19 300
Узбекистан	47	730	984	1 170	2 800	11 000	13 400	19 200	27 600
Киргизия	--	--	267	305	800	3 200	4 000	4 500	5 300
Таджикистан	--	--	195	226	600	2 200	2 900	4 000	6 700
Туркмения	11	166	212	282	800	1 900	2 800	3 800	5 500
Литва	...	...	...	...	400	2 500	2 500	2 500	2 800
Латвия	...	...	...	...	800	1 500	1 400	1 600	1 800
Эстония	...	...	...	...	300	800	900	1 000	1 100

Источники: БСЭ Издание 1939 года, т.43 с.703-704; Народное хозяйство СССР. 1922-1982. Москва "Финансы и статистика",1982, с.546, Народное хозяйство СССР в 1990 году, Москва: "Финансы и статистика",1991, с.260

Рис. 8: Суммарный коэффициент рождаемости и уровень младенческой смертности в республиках СССР в середине 1975 и в 1990 году

Выводы для первой части

Схематичный обзор истории охраны материнства и младенчества в СССР 1920-х – начала 1930-х годов наводит на мысль, что это была «история постановлений», руководящих указаний, даваемых центральным органом управления и обязательных для исполнения. Эти постановления не подкреплялись существенным финансированием и другими ресурсами, поэтому их эффект был незначителен. Как отмечали исследователи, изменения младенческой смертности в это время происходили в основном вследствие изменения всего уклада жизни, а не благодаря специальным мероприятиям.[1] Тем не менее, в этот период были созданы основные контуры системы охраны материнства и младенчества в СССР. Была налажена подготовка медицинских кадров, создана система централизованного управления и концепция, определены функции и задачи отдельных звеньев системы.

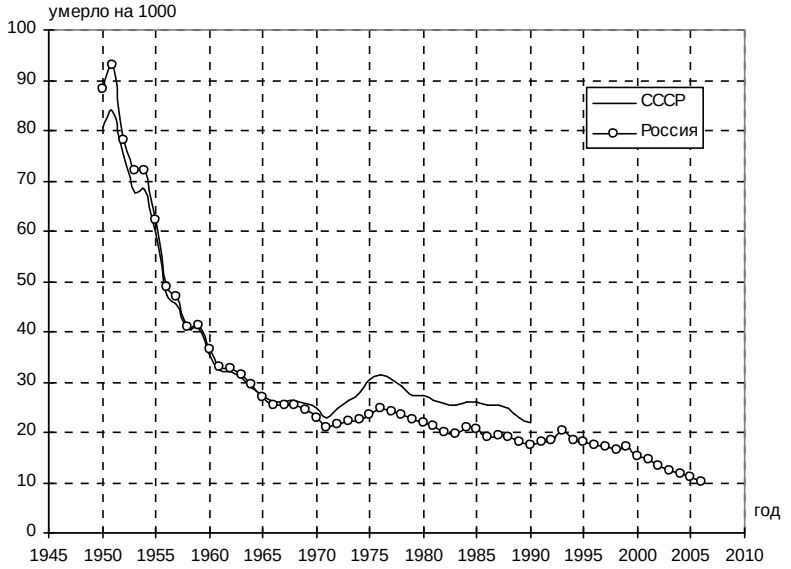
На втором этапе развития, со второй половины 1930-х годов и особенно в конце 1940-х и в 1950-х годах, система наполняется реальными ресурсами; в этот период ее эффективность в деле снижения младенческой смертности была очень велика. Именно благодаря этой развитой и хорошо организованной системе, внедрение во врачебную практику сульфамидных препаратов, бактериофагов и антибиотиков произошло весьма быстро и привело к существенному увеличению выживаемости детей, начиная с конца 1940-х годов.

К концу 1960-х годов потенциал фактора, который можно условно назвать прямая медицинским обслуживанием, и на эксплуатацию которого и была в основном рассчитана советская система здравоохранения, оказался в основном исчерпанным. Трудно сказать, можно ли назвать это положение кризисом советской системы здравоохранения, но правдоподобным кажется то, что она достигла предела своей эффективности. Возможности влияния на новые определяющие факторы младенческой смертности, такие, как образ жизни или экологическая ситуация, были весьма ограничены. Этим, видимо, и обусловлено начало стагнации уровня младенческой смертности в СССР (Рис.9).

---

[1] Птуха М.В. *Очерки статистики населения*. М.: Госстатиздат, 1960, с.401-403.

Рис. 9. Динамика коэффициента младенческой смертности (на 1000 родившихся живыми) в СССР и России в 1950-2006 годах

Статистика 1990-х годов дает все основания предполагать, что после распада СССР новые независимые государства в полной мере унаследовали проблемы и традиции младенческой смертности советского периода истории.[1] В частности Россия, где после распада СССР произошло практически двукратное уменьшение младенческой смертности, тем не менее, остается на европейском пространстве в числе стран с наиболее высокой младенческой смертностью. Как и в начале XX века, в России сохраняется практически двукратное отставание от Западной Европы, где в настоящее время на первом году жизни умирает лишь четверо из тысячи родившихся живыми.

[1] См.: Monnier A. La conjoncture démographique: l'Europe et les pays développés d'outre-mer. *Population*, n°5, 1988, p.955-1024.

Изучение младенческой смертности в России и СССР: дискуссии и парадигмы

Формирование парадигмы: от «социальной патологии» к «социальной бухгалтерии»

Хотя общественный и политический интерес к проблеме охране младенчества смертности в России отмечался еще в XVIII веке, первые научные исследования, кажется, появляются только во второй трети XIX века. В 1833 году Вольно-экономическое общество предложило премии за исследования причин высокой смертности на первом году жизни и выдало пять наград. Лучшей была признана переведенная с немецкого языка работа И.Р.Лихтенштеда, которая представляла сравнительное изучение младенческой смертности в Пруссии и в России и содержала рассуждения о причинах и путях снижения младенческой смертности.[1] Позднее, в 1863 году, появляется серьезное исследование Снегирева, в котором он подчеркивает определяющее влияние на уровень младенческой смертности социальных условий жизни, а также призывает правительство обратить внимание на эту проблему и принять соответствующие меры.[2] Тогда же интерес к проблеме проявляет и Русское географическое общество, удостоившее в 1864 году Жуковской премии и малой золотой медали исследование Ф.В.Гиляровского о рождаемости и смертности в Новгородской губернии.[3] К этим трудам примыкает и ряд других, внесших новые

---

[1] Лихтенштадт И.Р. *О причинах большой смертности на первом году жизни и о мерах к ее отвращению*. СПБ, 1840.

[2] Снегирев (Снигирев). *О смертности детей на первом году жизни. Опыт медико-статистического исследования в Ставропольской губернии с 1857 по 1862 год*. СПб: В типографии Э.Арнольда, 1863. 31 с. В статье «К историографии изучения младенческой смертности в России» О.Г. Смелик(а ?), опубликованной в книге *Проблемы истории демографической мысли и критика буржуазных демографических концепций»* (Киев, 1979). Автору этой работы приписаны инициалы В.Ф., а в другой раз А.Ф., хотя в оригинальном издании инициалы отсутствуют. Нам кажется несколько поспешным ассоциация автора данной брошюры с Владимиром Федоровичем Снегиревым (1847-1916) – отцом русской гинекологии, о котором см.: Владимир Федорович Снегирев. Некролог. М., 1917, 103 с.

[3] Гиляровский Ф.В. *Исследование о рождении и смертности детей в Новгородской губернии. Сочинение протоиерея Ф.В.Гиляровского, чл.-корр.*

методологические элементы в исследования младенческой смертности и отличавшихся глубиной понимания проблемы, хотя практически все они, по большей части, основывались, на исследованиях отдельных случаев и локальных наблюдений.[1]

Новые возможности для систематического изучения младенческой смертности в России возникают лишь к концу XIX века, когда в научный оборот вводится достаточно обширный статистический материал, собираемый как Центральным статистическим комитетом, так и органами земской статистики. В начале XX века публикуются первые существенные работы о младенческой смертности, выполненные на высоком методологическом уровне; среди них наиболее заметны труды В.П.Никитенко (1901), П.И.Куркина (1902 и 1911), С.А.Глебовского и В.И.Гребенщикова (1907), С.А. Новосельского (1916). Кроме того, в ряде работ, посвященных общим проблемам смертности в России, также значительное внимание было уделено и проблеме младенческой смертности. Большое значение в этом плане имели работы Л.Бессера и К.Баллода (1897) и в особенности В.Борткевича (1899), который построил таблицы смертности для детей в возрасте до одного года, а также исследование Д.А.Соколова и В.И.Гребенщикова (1901). Но, в общем и целом, подводя итог исследований младенческой смертности в дореволюционный период, выдающий санитарный статистик С.А.Томилин писал в 1930 году: «... чрезмерная детская смертность в России почти не изучена. За исключением одного-двух десятков статистических исследований,

---

Русского Географического общества Увенчано Жуковскою премиею и малой серебряной медалью. СПб: Типография Вульфа, Литейный проспект, №60, 1866. LXXVII+ 664 с. В издании: Записки Русского географического общества по отделению статистики. Том I. Издан под редакцией д.чл. А.Артемьева Санкт-Петербург, 1866.

[1] См. Пантюхов И.И. *Статистические заметки о детской смертности в г.Киеве.* Киев, 1874 (цитируется Смелик (ом) – нами не обнаружен); Эрисман Ф.Ф. *Гигиена.* Т.2, СПб, 1887; Ершов С.М. (Сергей Михайлович) – *Материалы для санитарной статистики Свияжского уезда. Опыт сравнительной демографии русской и татарской народностей. Диссертация на степень доктора медицинских наук Сергея Ершова.* СПб: Паровая скоропечатня Яблонский и Перрот, 1888, [4]+II+197 с.; Янсон Ю.Я. *Сравнительная статистика населения.* СПб, 1892; Филиппов Д.М. *Смертность детей в возрасте 0-15 лет в Санкт-Петербурге за 1881-1884 годы.* СПб, 1894.

принадлежащих земским санитарным врачам, и небольшого числа поверхностных диссертаций, в дореволюционной литературе нельзя найти значительных материалов, приподнимающих завесу перед этим грозным явлением народной жизни».[1]

К сожалению, и послереволюционный период не был ознаменован глубокими и всесторонними исследованиями младенческой смертности в СССР. Исключение составляют несколько очень интересных и профессиональных работ украинских демографов, основанных на данных санитарной статистики и выборочных обследованиях крестьянских семей на Украине в 1923-1924 годах. К их числу относится, прежде всего, уже упомянутая работа С.А.Томилина (1930), а также интересные статьи А.П.Хоменко (1929) и М.В.Птухи (1929). Как в дореволюционный период, так и сразу после революции, представители «старой школы» русских санитарных статистиков строили методологию своих исследований в рамках парадигмы социальной патологии. Они рассматривали болезни и уровень смертности как социальные явления, объясняющиеся условиями и образом жизни. Поэтому в центре их внимания было не столько измерение младенческой смертности, сколько выявление её факторов. В частности, изучалось влияние на выживаемость младенцев особенностей материнского поведения (порядок рождения, интервалы между рождениями, возраст матери, особенности кормления), которые, в свою очередь, ставились в зависимость от благосостояния и экономического статуса семей. Это был очень прогрессивный подход. Используя современную терминологию, можно сказать, что представители «старой школы» начали исследования социально-экономической детерминации уровня младенческой смертности в России через измерение и изучение ее «промежуточных» детерминант.[2]

Хотя исследования младенческой смертности 1920-х годов отличаются методологической зрелостью, их информационная база остается такой же узкой, как и в конце XIX века. Выйти за рамки

---

[1] Цит. по: Томилин С.А. *Демография и социальная гигиена. Избранные сочинения*. М.: Статистика, 1973, с.221.

[2] См.: Mosley W.Henry. and Lincoln C. Chen. An Analytical Framework for Study of Child Survival in Developing Countries. *Population and Development Review.* A Supplement to volume 10 Child Survival. Strategies for Research . Mosley W.Henry. and Lincoln C. Chen (eds.), 1984, p.25-45

изучения отдельных случаев невозможно, так как система государственной демографической статистики еще только создается, а органы регистрации актов гражданского состояния не покрывают всей территории страны. Надо отметить, что, несмотря на свойственный советским условиям идеологический налет, публикации по проблеме младенческой смертности не содержат в себе никаких элементов острых дискуссий, но имеют характер позитивного накопления знаний о явлении в рамках общей парадигмы.

В первое десятилетие советской власти эта парадигма социальной патологии, как и сами исследования младенческой смертности, имеют определенную идеологическую поддержку со стороны политического режима, поскольку способствуют критике старого режима, несшего ответственность за те условия, которые формировали высокий уровень младенческой смертности в России. Но к концу 1920-х годов наступает охлаждение идеологического отношения политического режима к социально-демографическим исследованиям вообще и к изучению младенческой смертности – в частности. Действительно, в рамках концепции социальной патологии становится трудно списывать на старый режим, через 10 лет после его падения, очень высокую, по сравнению с капиталистическими странами, младенческую смертность, рост числа абортов, снижение рождаемости, увеличение числа разводов и т.п. Поэтому в середине 1930-х годов, когда, наконец, создается эффективно действующая система статистического учета демографических событий, по крайней мере, в Европейской части СССР, социально-демографические исследования затухают, публикации попадают под строгий идеологический контроль, а доступность демографических данных строжайшим образом регламентируется (см. A.Avdeev, 1993; A.Avdeev, A.Blum, I.Troitskaia, 1994; A.Blum, 1998).

Эту ситуацию дополнил разгром демографических институтов и органов демографической статистики, последовавший за аннулированием итогов переписи 1937 года. Террор и страх, посеянные сталинским режимом среди уцелевших после кровавых репрессий статистиков и демографов, приводят к окончательному отказу от парадигмы социальной патологии в демографии смертности. С конца 1930-х годов вся энергия статистиков

направляется на решение проблемы «точности учета», вокруг которой возникает своеобразная ситуация массового психоза. Даже собственно вопрос измерения конкретных явлений и построения показателей уходит в тень, так как расчет любого нерегламентированного показателя может оказаться фатальным для того, кто его сделал. Озабоченность полнотой учета выглядит, на первый взгляд, совершенно бессмысленной, так как большинство первичных данных без какой-либо обработки осядет в архивах на многие десятилетия. На самом деле эта озабоченность, будучи естественным порождением замкнутой на саму себя бюрократической системы, является основным полем ожесточенной конкуренции на поприще служебной карьеры.

Из всех видов деятельности, новая парадигма «социальной бухгалтерии» лучше всего вмещает в себя проверки полноты регистрации, а какие-либо научные исследования могут быть ею оправданы только в том случае, если они характеризуют качество учета. Младенческая смертность здесь не является исключением, поэтому ее изучение с конца 1930-х годов практически полностью останавливается. Это выглядит абсолютным парадоксом, так как с конца 1940-х годов начинается быстрое снижение младенческой смертности, обусловленное использование сульфамидов и антибиотиков. Это снижение младенческой смертности вызвало последний пароксизм «старой школы», после которого наступает более чем 30-летнее затишье. В 1946 году С.А. Новосельский публикует работу о выживаемости детей в возрасте до одного года в послеблокадном Ленинграде, а Р.И.Сифман проводит сразу после Великой Отечественной войны более широкое исследование причин снижения младенческой смертности, результаты которого будут опубликованы только в 1979 году.

Дискуссия о росте младенческой смертности в СССР в 1970-х годах

Отношение официальной идеологии к проблеме младенческой смертности в СССР после второй Мировой войны выглядит амбивалентным. С одной стороны, здесь было чем гордиться, так как снижение уровня младенческой смертности в 1950-е происходило очень быстрыми темпами. В условиях холодной войны и жесткого идеологического противостояния между Востоком и Западом это

могло бы послужить хорошим аргументом в пользу преимуществ социализма. С другой стороны, младенческая смертность в СССР по-прежнему оставалась более высокой, чем в развитых капиталистических странах. Таким образом, убедительность использования уровня младенческой смертности в качестве критерия социального благополучия была сомнительна, как для советской идеологии, так и для её западных оппонентов.

Хотя в 1950-х и начале 1960-х годов младенческая смертность была практически единственным феноменом, который мог быть полностью описан с помощью классических демографических показателей на основе текущей регистрации актов гражданского состояния, интерес к ее изучению до середины 1970-х годов проявлялся очень слабо. Этому немало способствовало и то, что подробная информация о младенческой смертности оставалась недоступной для исследователей. Хотя центральные статистические органы до 1974 года публиковали отдельные данные о младенческой смертности, этого было совершенно недостаточно для проведения серьезного анализа на общесоюзном или республиканском уровне.

В 1972 году в СССР начинается рост показателей младенческой смертности. За четыре года, с 1973 по 1976, он составил 8,5 на 1000 новорожденных. Это послужило причиной тому, что по настоянию Министерства здравоохранения СССР в 1975 году публикация данных о младенческой смертности была прекращена. Оба эти факта вызывают мощный всплеск интереса к проблеме младенческой смертности в СССР со стороны зарубежных демографов. В начале 1980-х годов в научных изданиях разгорается дискуссия о причинах её увеличения (Dutton, 1979; Davis and Feshbach, 1980; Chesnais, 1981; Jones and Grupp, 1983; Feshbach, 1984; Field, 1986; Anderson and Silver, 1986, 1986a, 1987, 1987a; Kingkade, 1989; Blum et Monnier, 1988, 1989), интерес к которой подогревается средствами массовой информации.

Первым привлекли внимание к росту младенческой смертности в СССР Davis and Feshbach (1980). Они усмотрели причины роста младенческой смертности в сложном комплексе перемен, связанных с модернизацией, в частности с загрязнением окружающей среды, изменением материнского поведения и практики грудного вскармливания, а также с достижением предела эффективности экстенсивного (больше врачей, больше коек) развития системы

здравоохранения. Гипотезы о том, что рост коэффициента младенческой смертности мог быть вызван улучшением статистического учета или структурными изменениями рождаемости, были этими авторами отвергнуты в достаточно решительных терминах.

Противоположная точка зрения была высказана Jones and Grupp (1983), которые, напротив, считали, что значительная часть роста младенческой смертности в СССР обусловлена улучшением статистического учета, особенно в «южной трети СССР».

Несколько позднее M.Field (1986), разбирая высказанные гипотезы, указал, что хотя улучшение регистрации, вероятно, имело место, им можно объяснить от одной трети до половины прироста коэффициента младенческой смертности. Следовательно, от половины до двух третей его прироста приходится отнести на реальное повышение смертности младенцев, причем, не только в «южной трети» СССР. В качестве возможной причины реального повышения младенческой смертности в начале 1970-х годов он указал эпидемии, вызванные новыми штаммами гриппа, к профилактике которых советская медицина оказалась неподготовленной. Отметим, что, говоря о явлениях, которые, по его мнению, должны быть исследованы в первую очередь для выяснения причин повышения младенческой смертности в СССР, он, кажется, впервые, обращает внимание на состояние здоровья поколений, рожденных во время войны, на застой в советской экономике и усиление социальной стратификации населения в СССР.

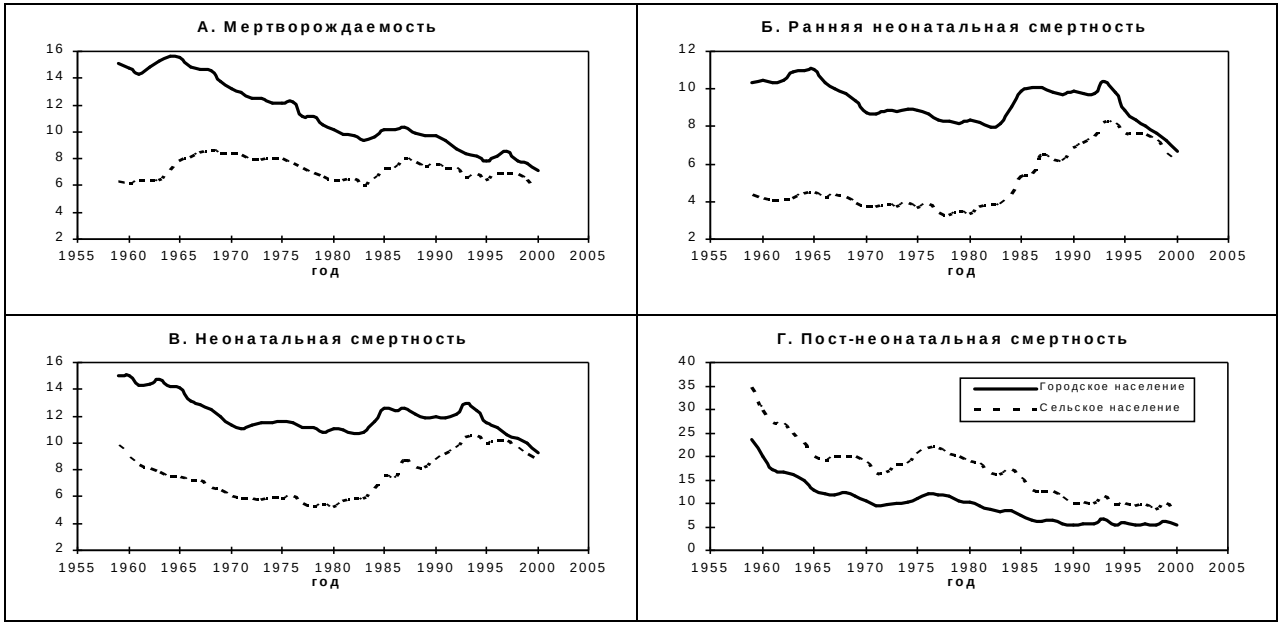
Более решительно точка зрения, согласно которой рост младенческой смертности в СССР является в значительной мере статистическим артефактом и обусловлен улучшением полноты учета, была высказана Anderson и Silver (1986, 1986a). Как известно, используемое в СССР определение живорождения отличается от рекомендованного Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ). По мнению авторов, из-за разницы в определениях показатель младенческой смертности очень чувствителен к малейшим улучшениям системы регистрации рождений и смертей, в особенности новорожденных с высоким риском умереть в течение первой недели жизни. Кроме того, в данной работе было указано, что если приложить к СССР определение живорождения,

рекомендованного ВОЗ, то коэффициент младенческой смертности, при прочих равных условиях, увеличится на 22-25%.

Все указанные авторы либо ограничивались только использованием агрегированных показателей младенческой смертности, либо добавляли к ним данные отдельных локальных исследований, сообщения о которых были опубликованных в медицинских журналах. Прекращение публикации данных о младенческой смертности сыграло с ними злую шутку. Многие из них либо не были информированы, либо не были уверены в точности информации о том, что с 1976 года коэффициент младенческой смертности в СССР вновь начал уменьшаться, что ставило под сомнение многие из высказанных ими гипотез.

Только в октябре 1986 года возобновилась публикация данных о младенческой смертности, и поэтому только Anderson и Silver (1986a) могли определенно указать, что подъем младенческой смертности начала 1970-х годов носил временный характер. Кроме того, практически все авторы предполагали, что в основном увеличение коэффициента младенческой смертности происходило за счет его неонатального компонента, наиболее чувствительного к изменениям здоровья женщин и материнского поведения, а также к улучшению системы регистрации. Ставшие с конца 1980-х доступными для исследователей подробные данные о компонентах младенческой смертности показали, что это не так, и что рост общего уровня младенческой смертности был обусловлен увеличением пост-неонатальной смертности от экзогенных причин (Velkoff V. and J E.Miller, 1995; Avdeev et Monnier, 1996, с.36). Это некоторым образом подтверждало предположение о важной, если не решающей роли новых штаммов вируса гриппа, для борьбы с которыми советское здравоохранение не было вооружено (Field, 1986). Если улучшение учета и имело место, то, по крайней мере, в России это никак не отразилась на показателях смертности в перинатальный и неонатальный период (Рис.10). Введение в 1974 году сертификата перинатальной смертности, о котором упоминали Anderson и Silver, не заставило даже дрогнуть уровень перинатальной смертности в городском населении. В сельском населении увеличение было очень небольшим – на 2,7% в 1974 году по сравнению с 1973, после чего этот показатель опять начал снижаться.

Рис. 10: Компоненты младенческой смертности в России (1959-2000)

Что мы обнаружили после перестройки?

До начала перестройки у советских демографов были связаны руки и запечатаны уста. Хотя отдельные работы по проблемам младенческой смертности и публиковались в 1960-е – первой половине 1980-х годов, авторы либо обходились минимальным числом показателей, относящихся к СССР и союзным республикам (Игнатьева, 1983, Вишневский и Волков, 1983, Бедный, 1984), либо ограничивались чисто методологическими вопросами, используя при этом только зарубежные данные (Ксенофонтова, 1986).

Парадоксально, но открытие демографических данных в 1986 году и снятие идеологической цензуры отнюдь не вызвало всплеска исследований и публикаций советских демографов на эту тему. Внимание привлекают только две опубликованных на русском языке работы. Одна из них довольно схематично освещает основные тенденции и проблемы младенческой смертности в СССР (Ксенофонтова, 1990). Хотя эта работа содержала в себе значительное количество фактического материала, в ней было отмечено, что в 1980-х годах «наметилась негативная тенденция в динамике ранней неонатальной, перинатальной смертности и мертворождаемости практически во всех республиках, за исключением Белорусской ССР и Молдавской СССР». [1] Вторая работа, опубликованная очень малым тиражом, показала существенные территориальные различия уровня младенческой смертности в России (Захаров и Ревич, 1992). Усиления интереса к более глубокому изучению младенческой смертности после этих публикаций, в общем-то, не произошло.

Хорошей иллюстрацией практически полного отсутствия интереса к проблеме младенческой смертности в СССР стала судьба проведенного в 1979 году ЦСУ СССР «Обследования смертности детей до одного года». Результаты его не получили никакого резонанса ни в руководстве СССР сразу после получения результатов (об открытой публикации в 1981 году не могло быть и речи), ни позднее, когда в самый разгар «перестройки» авторы докладывали о нем в Министерстве здравоохранения РСФСР.

---

[1] Ксенофонтова Н.Ю. *Некоторые тенденции младенческой смертности в последнее десятилетие*. В кн.: Демографические процессы в СССР. Отв. ред. А.Г.Волков. М.: Наука, 1990, с.134.

Такое отсутствие интереса к результатам фундаментального исследования – нормальное явление для советской бюрократической системы. Его проведение нужно было для того, чтобы найти виновного в повышении младенческой смертности. Но поскольку от начала его организации до окончания прошло более 5 лет, и за это время показатели опять улучшились, то воспользоваться его результатами для сведения бюрократических счетов было невозможно, тем более что руководящий состав Министерства здравоохранения к тому времени поменялся.

Лишь спустя 15 лет авторам удалось опубликовать за рубежом некоторые результаты исследования 1979 года, показавшего весьма значительные различия младенческой смертности между социально-демографическими группами (Andreev et Ksenofontova, 1996). Это подтверждало гипотезу о сильной социальной неоднородности населения СССР как структурном факторе колебаний уровня младенческой смертности. (Field, 1986). Позднее гипотеза об изменении социального состава родившихся упоминалась при обсуждении вопроса о повышении младенческой смертности в 1993 году, но специальной статистической проверке она подвергнута не была (Андреев, 1995, с.70). Более подробно, но опять-таки в чисто теоретическом ключе, реакция гетерогенного населения на социальные пертурбации исследовалась на примере изменения смертности в России в 1980-1990 годах (Avdeev, Blum, Zakharov, Andreev, 1997).

С начала 1990-х годов выяснилось, что именно парадигма «социальной бухгалтерии» оказалась наиболее плодовитой на исследования. Не слишком оживленная дискуссия вращается вокруг двух взаимно связанных сюжетов. Первый – это вопрос полноты учета сам по себе. Естественно, что реальный ответ на него мог быть найден только при конкретном изучении поведения всех элементов и всех агентов системы регистрации, но подобного исследования, естественно, никогда не было и, видимо, не будет проведено. В частности, ни в одной из работ, затрагивающих проблему недоучета младенческой смертности, нельзя найти ни описания механизма исключения из системы регистрации факта рождения или смерти, ни хотя бы одного конкретного примера, пусть нарративного (анекдотического) характера, и, самое главное, ни малейшего представления о сколько-нибудь убедительной мотивации для такого

рода действий. Надо иметь в виду, что сознательное исправление отчетного документа (приписка) может повлечь за собой серьезные последствия для лица, совершающего такое действие. Еще более серьезными могут быть последствия для ответственного лица, допустившего захоронение без выданного органом регистрации актов гражданского состояния свидетельства о смерти. Так что вопрос о мотивации в данном случае не является праздным. Второй сюжет: насколько должен быть скорректирован в сторону повышения коэффициент младенческой смертности, чтобы он стал сопоставимым с аналогичным показателем для стран, где используется определение живорождения, рекомендованное ВОЗ.

В частности, Н.Ксенофонтова обращает внимание на то, что в СССР и России наблюдается ненормальное соотношение уровней неонатальной и пост-неонатальной смертности. Она предлагает исправлять неонатальную составляющую в соответствии с возрастным распределением умерших, наблюдаемым в странах с хорошим качеством регистрации (Ksenofontova, 1994). Предлагаемое решение не столь просто, как кажется на первый взгляд, так как для его реализации надо построить типовые таблицы младенческой смертности, как это сделано для всех возрастов, а затем решать вопрос, к какому семейству относятся республики бывшего СССР. Кроме того, в связи с особенностями быта и развития системы здравоохранения в СССР, именно в поздний неонатальный и пост–неонатальный период, когда ребенок уже полностью зависит от бытовых условий в семье, риск смерти может быть выше, чем в ранний неонатальный период, когда он большую часть времени находится в закрытом лечебном учреждении (Avdeev, Blum, 1996).

Отчасти подтверждение последней точки зрения можно найти в серьезном и, кажется, единственном исследовании факторов младенческой смертности в СССР в сравнении с развитыми странами в период с 1975 по 1991 годы. Анализ главных компонентов, проведенный авторами, показал, что обратное влияние факторов развития и модернизации на уровень пост-неонатальной смертности в СССР выражено гораздо существеннее, чем влияние на неонатальную и материнскую смертность (Pinnelli, Nobile, Lapinch, 1994, p.386).

Начиная с 1993 года, в Российской Федерации (в балтийских странах несколько ранее) принимается новое определение

живорождения, соответствующее рекомендациям ВОЗ; тем не менее, ожидаемого 20-30-процентного роста младенческой смертности не происходит. Это объясняется тем, что использование новых признаков в полной мере затронуло только статистику родильных домов. Регистрации в органах ЗАГС подлежали только родившиеся:

- с массой тела 1000 г. и более;
- если масса при рождении неизвестна, длиной 35 см и более, или при сроке беременности 28 недель и более;
- живорожденные с массой тела менее 1000 г. при многоплодных родах;
- все родившиеся с массой тела от 500 до 999 граммов, если они прожили 168 часов после рождения.

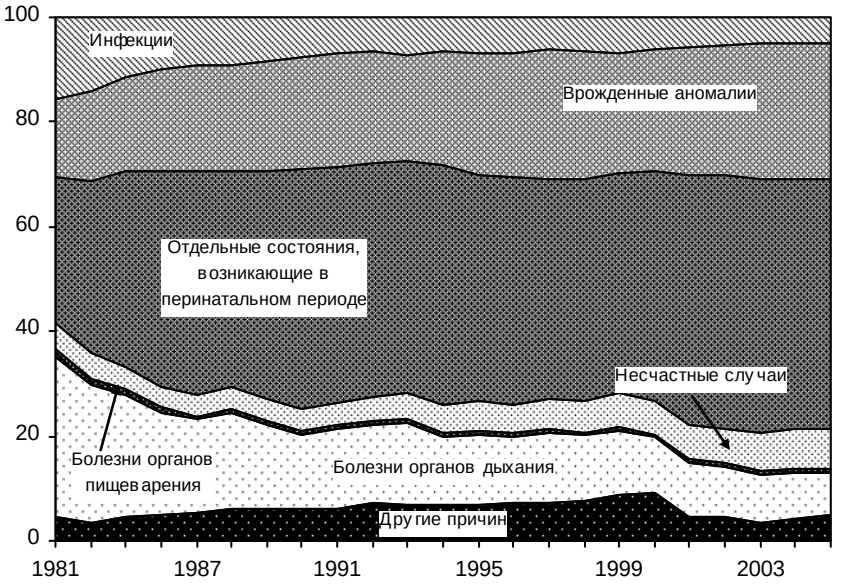
Поэтому, хотя в 1993 году коэффициент младенческой смертности вырос до 20,2‰, то есть более чем на 10%, роль изменения определения живорождения здесь была незначительной. Действительно, коэффициент мертворождаемости уменьшился на 6% по сравнению с 1992 годом, ранняя неонатальная смертность увеличилась на 8%, неонатальная – на 7%, зато пост–неонатальная выросла на 15%, что было в значительной степени обусловлено очередной эпидемией гриппа. В последующие годы младенческая смертность в России начинает понижаться, достигнув 17,2‰ в 1997 году. Кажется, что в эти же годы интерес к изучению младенческой смертности окончательно затухает. Последние опубликованные по этой проблеме работы датируются 1995-1996 годами, но лежащие в их основе исследования относятся к более раннему периоду.

Это отсутствие интереса тем более удивительно, что последние десятилетия отмечены значительными изменениями характеристик младенческой смертности (Рис. 11 и Табл.4). Прежде всего, в 1981-1990 годах изменилась структура причин смерти вследствие существенного снижения смертности от болезней органов дыхания. В течение 10 лет смертность от этой причины уменьшилась втрое, а если сравнить 1981 и 2005 гг., этот показатель снизился более чем в 5 раз. Смертность детей до 1 года от инфекционных заболеваний также заметно снижалась: от 1981 к 1990 году – в 3 раза, а всего с 1981 по 2005 год, снижение было 6-ти кратным. Кроме того, в начале 1980х в России «современные» причины, то есть преобладающие в развитых странах, – отдельные состояния, возникающие в перинатальном

периоде, и врожденные пороки – были причиной только 42% смертей детей моложе 1 года. К 1991 году этот показатель вырос до 67% и оставался практически неизменным до 2000 года, а в первое пятилетие XXI века стабилизировался на уровне 73-74%.

Мы можем также наблюдать заметные изменения в перинатальной смертности, а именно ее внезапный рост в период с 1980 по 1987 г., совпавший с периодом повышения рождаемости. И в дальнейшем динамика перинатальной смертности также отражала изменения в показателях рождаемости. Но, с другой стороны, начиная с 1988 года, статистика регистрирует тревожный рост числа смертей от несчастных случаев, а с 1990 года – и рост показателей смертности от этой причины.

Рис. 11: Эволюция младенческой смертности по причинам в России в 1981-2005 гг.

И, наконец, Рис.12 показывает недавние изменения в структуре неонатальной смертности: ранняя неонатальная смертность снижается с 1993 года, тогда как поздняя неонатальная смертность

стабилизировалась на уровне 1995 года, пережив незначительный рост в предшествующее пятилетие.

Рис.12: Компоненты неонатальной смертности в городском и сельском населении России, 1959-2004

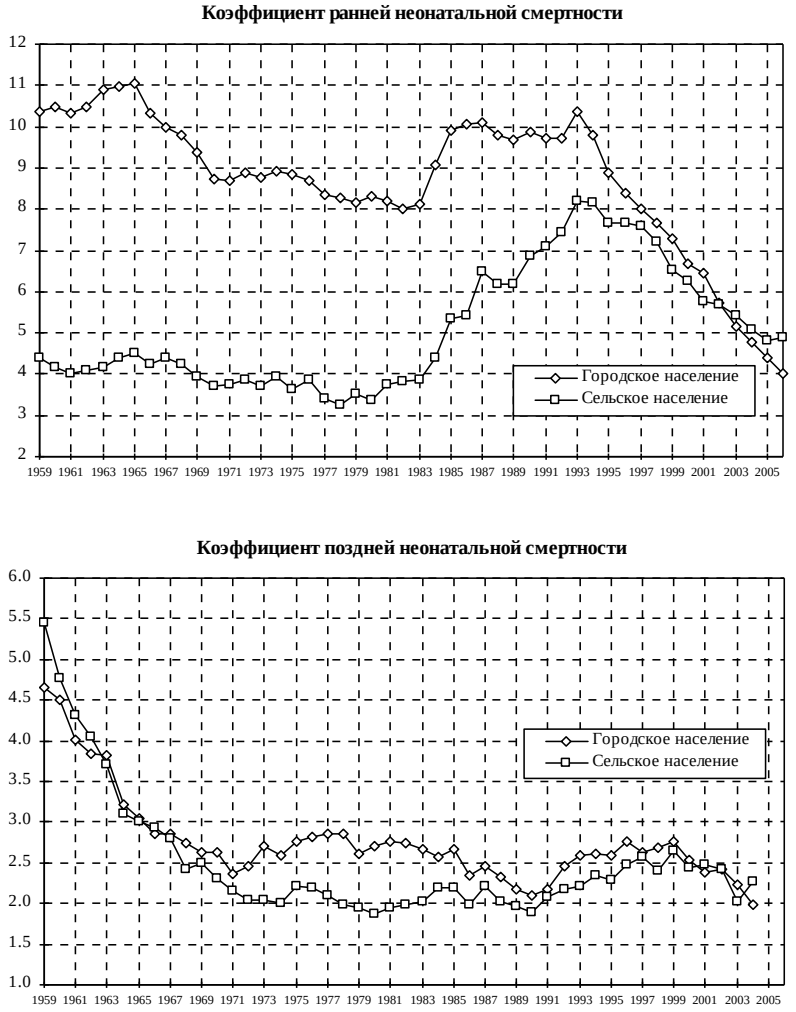

Табл.4 Показатели младенческой смертности по основным группам причин в России в 1981-2000 гг. (на 1000 родившихся)

Год	Инфекции	Болезни органов дыхания	Врожденные аномалии	Отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде	Несчастные случаи	Болезни органов пищеварения	Другие причин	Всего
1981	3.38	6.70	3.29	6.04	1.08	0.35	0.96	21.80
1984	3.20	5.91	3.84	7.33	1.08	0.25	0.78	22.40
1985	2.39	4.81	3.66	7.75	0.90	0.21	0.97	20.68
1986	1.95	3.85	3.80	8.12	0.81	0.17	0.99	19.69
1987	1.90	3.68	4.15	8.76	0.81	0.14	1.06	20.51
1988	1.69	3.44	3.81	7.67	0.73	0.15	1.12	18.62
1989	1.34	2.53	3.30	6.94	0.66	0.13	1.00	15.89
1990	1.13	2.08	3.12	6.76	0.60	0.09	0.89	14.68
1991	1.02	2.22	3.18	6.54	0.64	0.11	0.90	14.60
1992	0.93	2.12	3.07	6.39	0.68	0.11	1.05	14.34
1993	1.07	2.33	3.07	6.63	0.74	0.11	1.04	14.99
1994	1.02	2.06	3.39	7.12	0.80	0.12	1.06	15.56
1995	1.18	2.24	3.87	7.27	0.94	0.10	1.19	16.78

Табл.4 (продолжение)

Год	Инфекции	Болезни органов дыхания	Врожденные аномалии	Отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде	Несчастные случаи	Болезни органов пищеварения	Другие причин	Всего
1996	1.13	2.05	3.83	7.02	0.88	0.12	1.19	16.21
1997	0.98	2.06	3.82	6.59	0.91	0.11	1.14	15.61
1998	1.01	1.99	3.94	6.79	0.96	0.10	1.23	16.02
1999	1.11	2.03	3.74	6.88	1.08	0.12	1.41	16.38
2000	0.93	1.65	3.56	6.79	0.97	0.09	1.38	15.37
2001	0.80	1.44	3.44	6.64	0.92	0.09	0.65	13.98
2002	0.67	1.22	3.13	6.16	0.82	0.08	0.59	12.67
2003	0.59	1.05	3.02	5.70	0.86	0.08	0.42	11.72
2004	0.54	0.96	2.80	5.19	0.80	0.08	0.46	10.83
2005	0.50	0.83	2.69	4.91	0.76	0.07	0.52	10.28

Источники: Население СССР, 1988 (демографический ежегодник). М.: Госкомстат, 1989, с.680; Демографический ежегодник России, 1997. М.: Госкомстат, 1997, с.454-455; Демографический ежегодник России, 2000. М.: Госкомстат, 2000, с.291-292; Демографический ежегодник России, 2006. М.: Росстат, 2006, с.409-410.

Выводы

В конце XIX - начале XX столетия система охраны здоровья населения в России практически отсутствовала. По всем показателям доступности медицинской помощи Россия отставала от развитых европейских стран. Санитарный надзор существовал в зачаточной форме лишь в крупнейших городах. Поэтому уровень общей и в особенности младенческой смертности в России был намного выше, чем в большинстве западноевропейских стран. Развитие системы народного здравоохранения началось по линии улучшения медицинского обслуживания взрослого населения, но в меньшей степени затронуло материнство и младенчество и практически не коснулось санитарии. Поэтому к началу первой Мировой войны Россия подошла с экстраординарно высоким, по сравнению с другими странами, уровнем младенческой смертности.

Система народного здравоохранения в России возникает лишь в 1860-е годы с созданием института земских врачей, сосредоточивших свои усилия в первую очередь на борьбе с острыми и заразными заболеваниями. Проблемы охраны здоровья женщин и детей, развития системы родовспоможения также были в центре внимания земской медицины, но её успехи в этом направлении были более скромными. В начале XX века темпы развития системы народного здравоохранения и растущее общественное внимание к проблемам высокой общей и младенческой смертности позволяли надеяться на скорое ее снижение до уровня европейских стандартов того времени (младенческая смертность порядка 15-20%). Перед началом первой мировой войны в России создаются контуры программы по борьбе с высокой младенческой смертностью, и возникает довольно сильное общественное движение, деятельность которого постепенно меняет характер от научного к практическому.

В ходе политических кризисов 1914–1924 годов поступательное развитие общественного здравоохранения в России прерывается, а созданная ранее инфраструктура оказывается практически полностью разрушенной. Новая политическая власть в России пытается решить вопрос охраны материнства и детства через создание централизованной системы медицинской помощи, а также через развитие сети детских учреждений (ясли, детские сады, школы), принимающих на себя значительную часть ответственности

за воспитание и заботу о детях. Практическое крупномасштабное осуществление эта политика получает лишь с середины 1930-х годов, но её немедленные результаты тушуются в условиях войны 1941–1945 годов.

С конца 1940-х годов в России и в СССР начинается невиданно быстрое снижение младенческой смертности, обусловленное, с одной стороны, созданием мощной инфраструктуры и системы медицинской помощи женщинам и детям, а с другой стороны, – внедрением в широкую лечебную практику новых препаратов, таких, как сульфамиды и антибиотики. Снижение младенческой смертности продолжается до начала 1970-х годов. В первой половине 1970-х годов в СССР отмечается беспрецедентное для европейской демографии явление – рост коэффициента младенческой смертности. Примерно с этого времени младенческая смертность становится аргументом в идеологическом споре между «Востоком» и «Западом». Во второй половине 1970-х годов коэффициент младенческой смертности вновь начинает очень медленно понижаться, сохраняя в целом эту тенденцию до сегодняшнего дня.

Хотя общественный интерес к проблеме младенческой смертности в России проявлялся уже в XVIII веке, она никогда не была предметом систематического исследования по различным причинам. Первоначально это было обусловлено отсутствием системы статистического наблюдения, которая в России начала складываться только в конце XIX века. Отдельные выборочные исследования начала XX века могли бы стать основой полноценного изучения младенческой смертности в России, но они были прерваны Первой мировой войной и последовавшими за ней революциями и Гражданской войной. Полноценная система демографической и моральной статистики складывается в России и в СССР лишь к середине 1930-х годов,[1] но как раз в это время публикация демографических данных сводится к минимуму, а их использование строго регламентируется. Репрессии, обрушившиеся на советских демографов и статистиков в конце 1930-х годов, привели к тому, что

[1] В то время различали собственно демографическую статистику, изучающую явления, «не зависящие от поведения» (например, рост населения или смертность) и моральную статистику, изучающую поведение (рождаемость, аборты, браки и разводы и т.п.).

исследования в области населения вообще и младенческой смертности в частности были практически полностью блокированы почти на 30 лет. Оживление в изучении младенческой смертности в России и в СССР начинается в конце 1970-х – начале 1980-х годов, что во многом обусловлено неожиданным ухудшением показателей в 1971–1976 годах. Тем не менее, этот феномен вызвал оживленные дискуссии и многочисленные публикации по проблеме детской смертности в СССР. В конце 1980-х – начале 1990-х годов наблюдается новый всплеск интереса к проблеме младенческой смертности, обусловленный, на этот раз, введением в научный оборот статистических данных, бывших до этого времени секретными или ограниченными в использовании. Кроме того, интерес подогревался и ожиданиями повышения младенческой смертности в связи с введением нового определения живорождения в начале 1990-х годов в республиках бывшего СССР. Поскольку этого не произошло, интерес к проблеме начал затухать, число оригинальных публикаций вновь уменьшилось, а к концу 1990-х годов этот сюжет практически полностью исчезает со страниц научных изданий. Таким образом, как история, так и перспективы младенческой смертности в России остаются пока загадкой.

В первой половине XX века исследования младенческой смертности в России и в СССР базировались на концепции социальной патологии. В методологическом плане они были весьма прогрессивны для своего времени, так как включали в исследовательское поле не только социально-экономические, но некоторые промежуточные детерминанты, такие, как репродуктивное поведение (возраст матери, интервалы между рождениями, порядок рождения) и питание. К сожалению, из-за неразвитости системы национальной статистики эти исследования носили локальный характер.

Исследования второй половины XX века, а точнее 1970–1990х годов по большей части носят описательный характер. Это во многом обусловлено господством статистико-демографической парадигмы, при которой все гипотезы концентрируются вокруг проблемы качества регистрации и сравнимости данных, а социально-экономические и промежуточные детерминанты практически полностью исключаются из анализа. Но и в рамках статистической парадигмы трудно назвать углубленные исследования,

затрагивающие все аспекты младенческой смертности в этот период. Исследователи, как правило, пользуются весьма ограниченным набором показателей и пытаются в основном объяснить демографическое демографическим.

В 1980-е и в начале 1990-х, во многом благодаря работам зарубежных демографов, в круг интересов вновь попадают промежуточные переменные, а именно загрязненность окружающей среды. Но исследования в этом направлении остаются разрозненными и фрагментарными. Уже после распада СССР наблюдается возврат к исследованию агрегированных социально-экономических детерминант младенческой смертности, но эти единичные работы базируются на ретроспективном материале и имеют лишь исторический интерес.

В целом можно сказать, что изучение младенческой смертности в СССР постоянно находилось под сильным идеологическим давлением равно, хотя и с различным знаком, оказывавшимся как на советских, так и на зарубежных исследователей. Исчезновение в 1990-х годах «идеологического заказа» сняло тот задор, на котором основывалось обсуждение проблемы в 1980-е годы, что и вызвало затухание исследований младенческой смертности. Сегодня очень трудно судить о том, как долго продлится этот период реакции и когда проблема младенческой смертности в России станет объектом комплексного изучения.

Библиография

1. Работы «старой школы»

Бессер Л., Баллод К. (1897). *Смертность, возрастной состав и долговечность православного населения обоего пола в России за 1851-1890 годы.* СПб.

Борткевич В. (1899). *К вопросу о русской смертности*. СПб.

Гиляровский Ф.В. (1866). *Исследование о рождении и смертности детей в Новгородской губернии.* СПб.

Гундобин Н.П. (1906). *Детская смертность в России и борьба с ней.* СПб.

Глебовский С.А. и Гребенщиков В.И. (1907). *Детская смертность в России. Общественное и частное призрение в России*. СПб.

Ершов С.М. (1887). *Опыт сравнительной демографии русской и татарской народностей.* СПб.

Куркин П.И. (1902). *Детская смертность в Московской губернии и ее уездах в 1883-1997 гг*. Москва.

Куркин П.И. (1911). *Смертность малых детей*. СПб.

Лихтенштадт Р.И. (1840). *О причинах большой детской смертности на первом году жизни и мерах к ее отвращению.* СПб.

Медовиков П.С. (1916). *Причины детской смертности.* СПб.

Никитенко В.П. (1901). *Детская смертность в Европейской России за 1893-1896 годы.* СПб.

Новосельский С.А. (1916). *Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России*. Календарь для врачей на 1916 год. Под ред. П.Булатова. Часть II, Петроград, с.66-67

Новосельский С.А. (1916). *Смертность и продолжительность жизни в России*. Петроград.

Новосельский С.А. (1925). О тесноте связи между рождаемостью и детской смертностью. *Вестник статистики*, кн.XXI, №4-6, с.1-21.

Новосельский С.А и Паевский В.В. (1930). *Смертность и продолжительность жизни населения СССР*. М.: Планхозгиз.

Новосельский С.А. (1958). *Выживаемость и смертность детей 0-1 года в Ленинграде в послеблокадный период*. В: Вопросы демографической и санитарной статистики. М.: Медгиз, с.123-130 (первая публикация в 1946 году).

Одляницкий-Почобут В.С. (1903). *Смертность грудных детей в Петербурге в зависимости от времени их рождения по месяцам и времени года в 1896-1900 гг*. СПб.

Пантюхов И.И. (1874). *Статистические заметки о детской смертности в г. Киеве*. Киев.

Птуха М.В. (1960). *Смертность в России и на Украине.* В: Птуха М.В. Очерки по статистике населения. Москва, Госстатиздат, с.175-395. (первое издание: Киев, ЦСУ Украины, 1928 год).

Птуха М.В. (1960). *Эволюция смертности на Украине до начала первой пятилетки*. В: Птуха М.В. Очерки по статистике населения. М.: Госстатиздат, с.396-417 (первая публикация в 1933 году).

Птуха М.В. (1960). *Показатели смертности грудных детей по месяцам г*ода. В: Птуха М.В. Очерки по статистике населения. М.: Госстатиздат, с.418-440. Первые публикации в 1934 (Méthodes pour calculer les taux de mortalité infantile selon les mois de l'année ». *Revue de l'Institut International de Statistique. La Haye, 1934, N°2 p.178-189*)

и 1936 году совместно с М.Н.Трацевским в *Проблемы учета и статистики, выпуск I, Москва, 1936, с.94-118*)

Сифман Р.И. (1979). К *вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой отечественной Войны*. В кн.: Продолжительность жизни: анализ и моделирование. Под ред. Андреева Е.М. и Вишневского А.Г. М.: Статистика, с.50-60.

Снегирев В.Ф. *О смертности детей на первом году жизни.* СПб, 1863.

Соколов Д.А. и Гребенщиков В.И. (1901). *Смертность в России и борьба с ней.* СПб.

Томилин С.А. (1973). *К социально-гигиенической оценке детской смертности на Украине.* В: Томилин С.А. Демография и социальная гигиена. Избранные сочинения. М.: Статистика, с.221-240. Первая публикация в 1930 году: Социально–гигиеническая оценка детской смертности. По материалам международной и украинской статистики. Харьков.

Уиппль Дж.Ч., Новосельский С.А. (1929). *Основы демографической и санитарной статистики*. М.: Госмедиздат.

Филиппов Д.М. (1894). *Смертность детей в возрасте 0-15 лет в Санкт-Петербурге за 1881-1884 годы.* СПб.

Хоменко А.П. (1987). *Смертность младенцев на Украине в зависимости от возраста матери и очередности рождения ребенка*. В: Советская демография за 70 лет (отв. ред. Рябушкин Т.В.). М.: Наука, с.217-228. Первая публикация в *Вісник статистики Украіни*, 1929, №2, с. 110-118.

Янсон Ю.Э. (1892). *Сравнительная статистика населения.* СПб.

2. Современные работы на русском языке

Андреев Е. (1995). Младенческая смертность в России. *Вопросы статистики*, №5. С.66-70.

Андреев Е.М., Ксенофонтова Н.Ю. Оценка достоверности данных по младенческой смертности. *Вестник статистики*. 1991, №8, с.21-28.

Баранов А.А., Альбицкий В.Ю., Комаров Ю.М. (1990). Тенденции младенческой смертности в СССР в 70-80-е годы. *Советское здравоохранение*, №3, с.3-7.

Бедный М.С. (1984). *Демографические факторы здоровья*. М.: Финансы и статистика, с.88-90

Бова А.А. (1986). Некоторые особенности детской смертности в городе-новостройке. *Здравоохранение Российской Федерации*, №10, с.30-31.

Бруй Б.П. (1995). Младенческая смертность: современная ситуация. *Здравоохранение Российской Федерации*, №1, с.34-35.

Булдаков Л.А, Демин С.Н., Любчанский Э.Р. и др. (1991). Анализ влияния радиационных и химических факторов окружающей среды на здоровье новорожденных в районе расположения предприятий атомной промышленности. *Гигиена и санитария*, №6, с.50-53.

Воспроизводство населения СССР (под ред. Волкова А.Г., Вишневского А.Г.). М.: Финансы и статистика, 1983, с.47-126.

Голикова Т.М., Альбац Е.И., Балеева Л.С., Кобринский Б.А. (1982). Влияние социально-биологических факторов на детскую смертность. В: *Медико-демографические исследования*. Отв. ред. М.С.Бедный. М.: МНИИЭМ МЗ РСФСР, с.42-46.

Гринь Н.В., Доценко Т.М. (1980). Влияние атмосферных загрязнений на смертность детей первого года жизни, проживающих в условиях крупного промышленного города. *Санитария и гигиена*, №8, с.19-21.

Дмитриева Р.М., Андреев Е.М. (1986). О средней продолжительности жизни. *Вестник статистики*, №12, с.31-39.

Захаров С.В., Ревич Б.А. Младенческая смертность в России: исторический и региональный аспект. *Рабочие доклады Центра демографии и экологии человека*. Вып.7. Август 1992. Москва.

Игнатьева Р. (1983). Детская смертность: состояние, тенденции, перспективы. *Наше здоровье*. Сер. « Народонаселение », вып.43. М.: Финансы и статистика, с.17-27.

Ксенофонтова Н. (1986). Закономерности дожития в детских возрастах. *Методология демографического прогноза*. Сборник научных трудов. Отв. ред. А.Г.Волков. М.: Наука, с.139-149.

Ксенофонтова Н. (1990). Некоторые тенденции младенческой смертности. *Демографические процессы в СССР*. Сборник научных трудов. Отв. ред. А.Г.Волков. М.: Наука, с.116-134.

О современном состоянии смертности населения Российской Федерации. Комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации. Доклад. М., 1997.

3. Современные работы русских и советских ученых, опубликованные за рубежом и на иностранных языках

Andreev E.M., Ksenofontova N.Ju. (1993). La mortalité infantile en URSS en 1979-1980. Résultats d’une enquête inédite. *Population*. Vol.51, n°3, p. 539-571.

Avdeev A. (1993). Le concept de la planification de la famille et son influence sur la pratique de la gestion d’état en URSS. *Annales de Démographie Historique*.

Avdeev A., Blum A. (1996). La mortalité infantile dans les Etats issus de l'URSS. "Santé et mortalité des enfants en Europe. Inégalités sociales d'hier et d'aujourd'hui." Sous la direction de G.Masuy-Strobant, C.Gourbin et P.Bueken. Chaire Quetelet 1994: Louvain-la-Neuve, 12-24 septembre 1994. Louvain-la-Neuve: Academia-Bruylant L'Harmattan, p.415-435

Avdeev A., Blum A., Troitskaia I. (1994). Histoire de la statistique de l'avortement en Russie et en URSS jusqu'en 1991. *Population*, N°4-5, p.903-935

Avdeev A., Blum A., Zakharov S., Andreev E. (1997). Réaction d'une population hétérogène à une perturbation. Un modèle d'interprétation des évolution de mortalité en Russie. *Population*. Vol. 52, n°1.

Avdeev A., Monnier A. (1994) A la découverte de la fécondité russe contemporaine. *Population*, N°4-5, p.859-902.

Avdeev A., Monnier A. (1996). Mouvement de la population de la Russie 1959-1994: Tableaux démographiques. *Données statistiques*, n°1. Série éditée par l'Institut national d'études démographiques. INED. Paris.

Blum A. (1988). Statistique, démographie et politique. II. Deux études sur l'histoire de la statistique et de la statistique démographique en URSS (1920-1939) *Dossiers et Recher*ches. N° 66, INED.

Ksenofontova N.Ju. (1994). Trends in infant mortality in the USSR. In: *Demographic trends and patterns in the Soviet Union before 1991*. Ed. by W.Lutz, S.Scherbov and A.Volkov, IIASA, London, N.Y. Routledge. p.359-378.

Revich B. (1992). Quality of air in industrial cities of the USSR and child health. *The Science of the Total Environment.* 119. Amsterdam: Elsevier Science Publisher B.V., p.121-132

Zakharov S.V. (1996). The Second World War as turning point of infant mortality decline in Russia. "Santé et mortalité des enfants en Europe. Inégalités sociales d'hier et d'aujourd'hui." Sous la direction de G.Masuy-Strobant, C.Gourbin et P.Bueken. Chaire Quetelet 1994: Louvain-la-Neuve, 12-24 septembre 1994. Louvain-la-Neuve: Academia-Bruylant L'Harmattan, p.311-333

Zakharov S.V. (1995). *Unexpected advance in infant mortality in Russia during the Second World War* . Paper presented on APHA Annual Meeting. October 29 - November 2, 1995. San Diego. California. U.S.A.

4. Современные работы зарубежных специалистов

Anderson Barbara A., Brian D.Silver. (1986). Infant Mortality in the Soviet Union : Regional Differences and Measurement Issues. *Research Report* No 86-93. Population Studies Center of the University of Michigan.

Anderson Barbara A, Brian D.Silver (1986a). Infant Mortality in the Soviet Union : Regional Differences and Measurement Issues. *Population and Development Review*. Vol.12, n°4, December, p.705-738.

Anderson Barbara A., Brian D.Silver (1987). The Changing in the Saisonality of Births as an Indicator of Improvement of registration: The Case of the Soviet Union. *Research Report* No 87-108. Population Studies Center of the University of Michigan.

Anderson Barbara A., Brian D.Silver (1987a). The Changing Shape of Soviet Mortality, 1958-1985 : An Evaluation of Old and New Evidence. *Research Report* No 87-111. Population Studies Center of the University of Michigan.

Anderson Barbara A., Brian D.Silver (1990). Trends in Mortality of the Soviet Population. *Soviet Economy*, Volume 6, No 3, p.191-251.

Anderson Barbara A., Brian D.Silver (1995). The geodemography of the infant mortality in the Soviet Union, 1950-1990. Paper presented at the Seminar on the Geodemography of the former Soviet Union. Radford University, Radford, Virginia, august 5-7, 1994. Revised version of January 16, 1995.

Blum A., Pressat R. (1987). Une nouvelle table de mortalité pour l'URSS (1984-1985). *Population*, 6, p. 843-862.

Blum A., Monnier A. (1988). La mortalité en Union Soviétique. *Population et sociétés*, N°223.

Blum A., Monnier A. (1989). Recent mortality trends in the USSR: new evidence. *Population Studies*, vol.43, n°2, p.211-241.

Blum, A. (1994). *Naître, vivre et mourir en URSS : 1917-1991*. Paris : Plon. 274 p.

Chesnais, J.-C. (1981). La hausse de la mortalité infantile en Union Soviétique. *Population*.1981, n°6, p.1176-1180

Davis C., Feshbach M. (1980). *Rising Infant Mortality in the U.S.S.R. in the 1970's*. US Bureau of the Census. Series P-95, No.74. Washington D.C. 74 p.

Dutton, John Jr. (1979). Changes in Soviet mortality patterns, 1959-1977. *Population and Development Review*, vol.5, No.2, p.267-291

Dunkel R.H. (1985). The Seeming Paradox of Increasing Mortality in the Highly Industrialized Nation: the Example of the Soviet Union. *Population Studies*, vol.39 p.87-97

Feshbach M. (1984). On infant mortality in the Soviet Union. A comment. *Population and Development Review*, vol.10, n°1, p. 87-90.

Field, Mark G. (1986). Soviet infant mortality: a mystery story. In : *Advances in international maternal and child health.* Vol.6. Edited by D.B.Jelliffe and E.F.P.Jelliffe. Clarendon Press Oxford, p.25-65.

Jones E., Grupp F. (1983). Infant mortality trends in the Soviet Union. *Population and Development Review*, vol.9, n°2, p.213-246

Jones E., Grupp F. (1987). *Modernization, Value Change and Fertility in the Soviet Union*. Cambridge University Press.

Kingkade W.Ward (1989). *Soviet Infant Mortality in International perspective*. Centre for International Research. Bureau of the Census Research Note.

Kingkade W.Ward (1990). *Health*. Prepared for Presentation at the IV World Congress for Soviet and East European Studies. Harrogate (U.K.) July 21-26, 1990, p.24

Peterson D.J. (1990). Understanding Soviet Infant Mortality Statistics. *Report on the USSR*, p.4-6

Pinnelli A., Nobile A., Lapinch A. (1994). La mortalité infantile dans les pays développés et les républiques de l'ancienne Union Soviétique. Tendances et facteurs. *Population*, vol.49, n°2, p.369-394.

Ryan, Michael (1987). Infant mortality in the Soviet Union. *British Medical Journal*. Vol.296, p.850-851.

Ryan, Michael (1988). Life expectancy and mortality data from the Soviet Union. *British Medical Journal*. Vol.296, p.1513-1515.

Ryan, Michael (1989). *Doctors and the State in the Soviet Union.* London. MacMillan.

Velkoff, Victoria A. (1990). *Trends in Infant mortality in the Soviet Union*. Paper presented at the International Conference on Health and Mortality. Varna. Bulgaria. Septembre 1990.

Velkoff, Victoria A.and Jane E.Muller (1995). Trends and Differentials in Infant mortality in the Former Soviet Union: How Much is Due to Misreporting? *Population Studies*. Vol. 49, n°2, p.241-258.

Е.Фурса

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКОЙ ДИАСПОРЫ НА ЮГЕ РОССИИ

Статья посвящена изучению исторических, социально-экономических условий формирования и развития немецкой диаспоры на Юге России, в частности, в дореволюционный период, на территории Области войска Донского и Екатеринославской губернии, с 1918 по 1926 гг. – Донской области, и с 1939 по настоящее время – на территории Ростовской области. Донская немецкая диаспора по численности была не самой заметной на территории России, однако, она сыграла важную роль в промышленном и аграрном развитии, как Донского края, так и в целом юга России.[1] Кроме того, условия формирования немецкой диаспоры на Дону имели существенные отличия от диаспор Поволжья, Причерноморья и др. Прежде всего, это выражалось в том, что заселение немецкими колонистами Донской земли осуществлялось без государственного регулирования в лице Попечительских учреждений, ведавшими иностранными колонистами, то есть на свой страх и риск. Более того, местные войсковые власти долгое время не замечали притока поселенцев, которые обосновывались на арендованных или купленных землях.

Образование немецких поселений

Ранние упоминания[2] о немецких колонистах на Дону связаны с появлением в конце XVIII века небольших групп поселенцев среди городских жителей в Таганроге[3], Новочеркасске. С начала 1820-х

---

[1] Численность лиц, считающих родным языком немецкий по данным переписи 1897 г. в Европейской части России составляла 1312188 чел., в области войска Донского 34855 чел.

[2] Терещенко А.Г. Немецкие колонисты на землях Войска Донского // Донской временник, 1996 с. 138.

[3] До 1887 года Область войска Донского состояла из следующих округов: Черкасский, включая гг. Новочеркасск, г. Александовск-Грушевский; Первый Донской округ; Второй Донской, Донецкий, Усть-Медведицкий, Хоперский, Миусский, Калмыцкие кочевья. В 1887 г. после административно-территориальных преобразований в состав Области войска Донского из

годов небольшие евангелические общины состояли в основном из купцов, военных, учителей, чиновников, которые находились на государственной службе. Необходимо отметить, что городское немецкое население имело право проживать в Области войска Донского[1], в отличие от сельских колонистов, которые до реформ 1860-70-х годов практически не имели возможности обосноваться на данной территории. Это было связано с тем, что в области Войска Донского, согласно особому законодательству, не допускалась продажа войсковых земель, которые составляли примерно 85% всех земельных владений.

Информация о немецких поселениях в начале XIX века встречается очень редко, а сам процесс заселения Донской земли носит нерегулярный характер. Городские диаспоры немцев в этот период не отличались устойчивостью, так как военные и чиновники часто переводились в другие регионы России для службы, а ремесленники и купцы были клонны к перемене мест по роду занятий.

Решающим моментом в заселении донских земель немецкими колонистами, а именно сельскими поселенцами, стала вторая половина XIX века. Этому предшествовал ряд реформ, которые осуществило правительство. В январе 1862 года, когда иммиграционная политика государства уже определилась, статус колониста признавался только за сельскими жителями; на ремесленников, торговцев, проживавших как в сельских колониях, так и в городах этот статус не распространялся.[2] В дальнейшем статус колониста был отменен, и иностранные поселенцы приравнивались в правах к другим гражданам России: в 1871 году[3] было упразднено самоуправление посредством Попечительского

Екатеринославской губернии вошли Таганрогский округ, включая г. Таганрог, и Ростовский округ, включая г. Ростов и г. Нахичевань.

[1] Область войска Донского в административном отношении была подчинена Военному Министерству.

[2] Нахтигаль Р. Донские немцы: 1830-1930 гг., Изд-во Waldemar Weber Verlag Augsburg, 2007, С.57.

[3] «Правила об общественном устройстве и управлении поселян-собственников (бывших колонистов) и о передаче их в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений», утвержденные Императором Александром II 4 июня 1871 г.

комитета, в 1874 году введена всеобщая воинская повинность, которую должны были нести немцы, имевшие российское гражданство.

Кроме того, в 1868 году был принят закон, регулирующий порядок передачи земли, которой владело казачье население, лицам других сословий (неказакам). Этот закон оказал большое влияние на процесс заселения области и придал ему систематический характер. Земля, которая принадлежала казачьим станицам и войску, как и прежде, не подлежала продаже. Ее можно было сдать в аренду иногороднему населению. Продавать можно было только землю, находящуюся в собственности у казаков: владения помещиков или официально установленную долю, на которую имел право каждый мужчина казачьего сословия. Доля эта с 1835 года официально была установлена в размере 30 десятин, но при непосредственном разделе была равна в среднем от 12 до 20 десятин. Таким образом, реальными продавцами и арендодателями земли для новопоселенцев являлись только крупные землевладельцы.

Действие закона распространялось на все казачьи войска России. Кроме того, он отменял введенное в 1851 году ограничение, в соответствии с которым казаки имели право сдавать в аренду землю из общего резерва исключительно казакам. Только хозяевам частных поместий, как правило, офицерам, разрешалось продавать часть своих земельных владений, в том числе и представителям других сословий[1].

Однако следует отметить, что еще до 1868 года, когда был издан закон, позволяющий селиться в области войска Донского и приобретать земельные наделы, колонисты, по преимуществу из Причерноморья, стали проникать в окраинные районы области Войска Донского. Они селились на землях под портовым городом Ейском и в Миусском округе[2] (Таганрог), где проживали в основном крестьяне, а доля казачьего населения была незначительна.

Основная масса немецких поселений, как уже упоминалась ранее, была основана с 70-х годов XIX века, в округах которые

---

[1] Нахтигаль Р. Донские немцы: 1830-1930 гг., Изд-во Waldemar Weber Verlag Augsburg, 2007, С.28, 57.

[2] Начиная с 1887 года Миусский округ входил в состав Таганрогского округа (градоначальства).

граничила с Таврической и Екатеринославской губерниями (Табл. в Приложении). Это были «дочерние колонии», основанные выходцами из старых колоний, то есть областей компактного проживания немецких поселений: Херсонской, Таврической, Екатеринославской, Самарской, Саратовской, Волынской, Черниговской, Воронежской губерний и Кубанской области. Отмечается также приток немецких граждан из Германии. Так, по данным переписи 1897 года, среди неместных уроженцев в области Войска Донского прибыло из Германии – 1021 человек.

Основной причиной миграции внутри России была необходимость освоения новых площадей, вытекавшая из системы «недробимости» земельных единиц у немцев[1]. Земля, оставшаяся по наследству, переходила к одному из наследников, с выплатой остальным определенной суммы денег. Накопление достаточного капитала у немецких колонистов давало возможность в дальнейшем купить или арендовать новую землю.

Донская область в 1860-70-х годах отличалась весьма незначительной заселенностью[2] и слабым развитием земледелия. Плодородные земли практически не возделывались, поскольку их владельцы – казачье население - либо вовсе не использовали землю в сельскохозяйственных целях, либо применяли ее для выпаса скота. Новое военное законодательство, принятое в это время, обернулось для казаков заметным снижением жизненного уровня и сделало их длительное пребывание в армии экономически несостоятельным.[3] Правительство пыталось переориентировать донских казаков в пользу земледелия вместо животноводства, но они очень сильно отставали по сравнению с немецкими колонистами, для которых с самого начала поселения на Дону землепашество стало основой хозяйственной жизни. Кроме того, семьи казаков, призванных на

[1] Роот Е.В. Процесс миграции немцев на территорию области войска Донского в последней трети XIX – начале XX вв. // Ростовский Государственный университет, исторический фак-т. Исторические этюды. Выпуск 4. Ростов-на-Дону. 2000, С. 112.

[2] Плотность населения по переписи 1897 г. составляла примерно 18 человек на квадратную версту.

[3]Нахтигаль Р. Донские немцы: 1830-1930 гг., Изд-во Waldemar Weber Verlag Augsburg, 2007 С. 26-27.

службу, терпели убытки из-за долгого отсутствия мужской рабочей силы.

В работах по истории области войска Донского отмечается, что в конце XIX столетия казаки перенимали у немцев наиболее эффективные методы земледелия, особенно в Таганрогском и Донецком округах.[1] Так, например, крестьяне и казаки использовали изобретенный в немецких поселениях многолемешный плуг, также жатки, соломорезки, сеялки. Широкую известность имел механический завод[2], созданный немецкими поселянами, который специализировался на выпуске сельскохозяйственных машин и орудий, оборудования для паровых мельниц и маслобойных заводов.

Бывшее крепостное население, как Донской области, так и других регионов России, которое после отмены крепостного права стало переселяться в поисках свободной земли на восточную территорию Таганрогского градоначальства, а затем в западный Донецкий округ Донской области, также не могло составить немецким крестьянам-поселенцам достойную конкуренцию.[3] После упразднения в 1871 году Попечительских учреждений, ведавших иностранными колонистами, поселенцы ощутили пользу от дополнительных экономических и социальных факторов, чем не могли воспользоваться русские крестьяне, освобожденные в 1861 году, так как они должны были выплачивать выкупные платежи. Также само аграрное законодательство тормозило развитие отдельных хозяйств и лишало свободы перемещения. Русские крестьяне, как правило, не имели экономической базы (капиталов), которой располагали немецкие безземельные поселенцы.

К преимуществам переселенцев в Донскую область можно отнести как экономические факторы, которые выгодно отличали их от русских крестьян, так и факторы нематериального порядка:

1) Немецкие переселенцы располагали денежными средствами, накопленными при фермерском ведении хозяйства в «старых

---

[1] Терещенко А.Г. Немецкие колонисты на землях Войска Донского // Донской временник, 1996 с.137-153; Щербаков И.В. Участие немецких колонистов в хозяйственной жизни области войска Донского // Рубикон. №7, 2000, С. 42-47.

[2] Товарищество К. Мартенс, К. Деффер и В.Дик, расположенное при станции Миллерово в Донецком округе.

[3] Нахтигаль Р. Донские немцы: 1830-1930 гг., Изд-во Waldemar Weber Verlag Augsburg, 2007, С.214.

колониях», а также средствами, получаемыми из прежних структур распущенного в 1871 году Попечительского комитета;

2) Немецкие колонисты пользовались доверием только что открывшихся кредитных учреждений, крестьянских поземельных банков, как работоспособные, платежеспособные и надежные клиенты; кроме того, они не облагались никакими налогами, кроме подушной подати;

3) Немецкие поселенцы, особенно лютеране и меннониты, отличались от русских большей мобильностью и готовностью к риску.

Приобретение земли немецкими колонистами совпало с ранним периодом становления банковского капитала в России (1860-1890), что обеспечило им в дальнейшем преимущество покупки земли по довольно сходным ценам[1]. Немецкие поселенцы стремились покупать землю через кредитные учреждения, предпочитаю эту форму землевладения аренде. Это было связано как с ценой аренды, которая в дальнейшем возросла, так и с договором об аренде, который через определенное время терял силу и мог быть возобновлен, только если против этого не возражал землевладелец. Перед Первой мировой войной в Донской области аренда у немецких землепользователей составляла менее 10% от всех форм землевладения.

Дальнейший процесс образования более поздних колоний протекал гораздо труднее в результате роста цен на землю и спекуляции свободными земельными участками[2]. Эти колонии возникали все больше на арендованных землях и испытывали больше финансовых трудностей, чем колонисты, осевшие на собственной земле в начальной стадии поселения.

Численность и социальный состав немецких колонистов в конце XIX – начале XX вв.

В целом, количество немецких переселенцев в Области войска Донского, начиная с 70-х гг. XIX века, неуклонно увеличивалось. В

[1] В конце XIX - начале XX вв. цена на землю значительно поднялась в Донской области, кроме того появилась проблема нехватки земли.

[2] Нахтигаль Р. Донские немцы: 1830-1930 гг., Изд-во Waldemar Weber Verlag Augsburg, 2007, С. 215.

наиболее активный период – с 1881 по 1897 гг. – немецкое население выросло в 6 раз. В 1881 году в области насчитывалось 5500 немецких поселенцев, в 1897 – 32409. От общего числа жителей Области войска Донского немцы в 1882 году составляли – 0,4%, в 1897 – 1,3%[1].

Согласно переписи 1897 г., основная масса немецкого населения проживала в сельской местности – почти 94% от общей численности, и в городах[2], соответственно, около 6%.

Немецкие поселения по округам области войска Донского распределялись в 1897 году следующим образом: наибольший контингент населения обосновался в Таганрогском округе, затем Ростовский округ, включая г. Ростов-на-Дону, имевший наибольшую долю немецкого городского населения (3,4%) в области войска Донского. Значительное число немецких колонистов проживало также в Усть-Медведицком округе, Донецком и Первом Донском (Табл. 1).

Столь многочисленное присутствие немецких поселений в Таганрогском округе можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, здесь была сосредоточена значительная часть частновладельческих земель, которые немцы могли купить или арендовать. Во-вторых, на территории округа располагались морские порты и транспортные узлы, из которых экспортировалась сельскохозяйственная продукция южной части России. И, наконец, Таганрогский округ находился на границе с теми юго-западными губерниями, из которых шел основной миграционный поток.

---

[1] Роот Е.В. Процесс миграции немцев на территорию области войска Донского в последней трети XIX – начале XX вв. // Ростовский Государственный Университет, Исторический фак-т. Исторические этюды. Выпуск 4. Ростов/ на Дону. 2000, С. 112.

[2] г. Новочеркасск (187 чел.), г. Александровск-Грушевский (51 чел), г. Нахичевань (125 чел.), г. Таганрог (432 чел.), г. Ростов-на-Дону (1182 чел).

Таблица 1

Численность немецкого населения по округам области войска Донского (по данным переписи 1897 г.)

Округа	Численность населения			Доля немецкого населения (%)
	мужчины	женщины	оба пола	
Черкасский	251	230	481	1,3
Донецкий	1195	1141	2336	6,7
Первый Донской	1281	1174	2455	7,0
Второй Донской	212	198	410	1,2
Ростовский	1899	1954	3853	11,0
Сальский	416	362	778	2,2
Таганрогский	9653	9281	18934	54,3
Усть-Медведицкий	2481	2350	4831	13,8
Хоперский	387	390	777	2,2
Итого	***17775***	***17080***	***34855***	***100***

Источник: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897г. т.12, Область войска Донского, Новочеркасск, 1905

Перепись 1897 года позволяет также выявить социальный состав немецкого населения на основе распределения по сословиям и основным группам занятий (Табл. 2).

Так как основная масса немецкого населения проживала в сельской местности, то основным сословием, к которому оно принадлежало, было крестьянское (85,5%). Второе место занимали иностранные подданные и городское сословие – мещане. Доля всех остальных сословий незначительна и колеблется от 0,05 до 0,7%.

Таблица 2

Распределение немецкого населения по сословиям, область войска Донского, 1897 г.

Сословия	Численность населения	Доля населения (%)
Потомственные и личные дворяне и их семьи	261	0,7
Лица духовного звания христианского вероисповедания и их семьи	18	0,05
Почетные граждане и их семьи	72	0,2
Купцы и их семьи	118	0,3
Мещане	1603	4,6
Крестьяне	29803	85,5
Войсковые казаки	-	-
Инородцы	-	-
Иностранные подданные	2918	8,4
Прочие	62	0,1
Итого	***34855***	***100***

Источник: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897г. т.12, Область войска Донского, Новочеркасск, 1905, с.228-229

Распределение населения по группам занятий позволяет представить картину экономического уклада немецких колонистов.[1] Сравнивая великорусское (русское) население с немецким, можно сказать, что эти две группы получали основной доход от занятий сельским хозяйством, в частности, земледелием (Табл. 3). Однако среди немецких поселенцев уровень лиц, занятых земледелием,

[1] Необходимо заметить, что разделение населения на лиц самостоятельно трудящихся и на членов их семей - не дает полной численности лиц действительно занятых в том или ином производстве, промысле, а лишь определяет часть населения, получающего средства к существованию от данного занятия и промысла.

существенно выше. Это было связано с тем, что с самого начала поселения на Дону землепашество стало основой хозяйственной жизни колонистов.

Таблица 3

Распределение населения по группам занятий, область войска Донского в 1897г. (%)

Группы занятий	Великоруссы		Немцы	
	Самостоятельные[1]	Члены семей	Самостоятельные	Члены семей
Государственные и религиозные институты	3,1	1,3	0,6	0,3
Образование, искусство, литература	0,6	0,2	2,8	1,1
Медицина	0,3	0,2	0,5	0,3
Сельское хозяйство	49,8	79,4	66,1	85,4
Добывающая и обрабатывающая промышленность	8,5	3,6	5,9	0,3
Торговля	5,8	3,7	1,7	0,8
Частная прислуга, поденщики	12,1	2,3	8,8	0,3
Строительство	3,0	1,9	0,01	0,3
Изготовление одежды	4,1	2,0	2,6	1,7
Прочие	12,7	5,4	11,0	9,6
Всего	***100***	***100***	***100***	***100***

Источник: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897г. т.12, Область войска Донского, Новочеркасск, 1905, С.160-162

Кроме того, часть немцев работала в качестве прислуги (это относилось в основном к городскому населению), в добывающей и обрабатывающей промышленности: почти половина немцев, работающих в этой отрасли промышленности, занималась обработкой растительных и животных продуктов питания.

[1] Самостоятельные лица по переписи 1897 г. – лица, имеющие самостоятельное занятие от 12 до 60 лет.

По вероисповеданию донские немцы являлись представителями двух крупных ветвей христианской религии – католицизма и протестантизма (лютеранства); также были меннониты и баптисты, а среди городских жителей встречались люди, принявшие православие[1] (Табл. 4).

Сохранить этническую и религиозную принадлежность в городе было сложнее, чем в компактной однородной сельской общине. Смешанные браки и ассимиляция среди коренного населения приводили к обрусению немецких поселенцев.

Таблица 4

Распределение немецкого населения по вероисповеданиям в области войска Донского в 1897 г.

Вероисповедание	Численность населения	Доля населения (%)
Православные	356	1,0
Старообрядцы	-	-
Армяно-григориане	-	-
Католики	5726	16,4
Лютеране	27348	78,5
Реформисты	336	0,9
Баптисты	719	2,1
Менониты	355	1,0
Итого	***34855***	***100***

Источник: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897г. т.12, Область войска Донского, Новочеркасск, 1905

Среди немецких колонистов почти 59% населения было грамотным. По численности грамотных в области войска Донского немецкое население превосходило только еврейское (68,5%). Доля грамотного немецкого населения мужского пола составляла примерно 61%, немецкие женщины были самыми образованными среди женщин Донского края – 56,6%. В это время уже практически не существовало гендерных различий в образовании, мужчины и

[1] По данным переписи 1897 г. в городах Области войска Донского проживало 120 немцев православного вероисповедания.

женщины имели равный доступ к нему. Это объяснялось тем, что каждый немецкий поселок старался завести собственную школу. Все они относились к типу общественных школ, которые содержались, в основном, на средства сельского общества. Школы имели церковно-религиозный характер и часто совмещались с молитвенными домами. Срок обучения составлял 5-8 лет.

Экономическое развитие немецких колоний

В последнюю треть XIX века немецкие сельские поселения развивались быстро и чрезвычайно успешно. Так, например, в Таганрогском округе примечателен высокий уровень развития земледелия и животноводства. К концу XIX века округ превосходил в этом отношении только Донецкий[1]. Поселенцы позднего периода в Таганрогском округе так ускорили хозяйственное развитие этой части региона, что по темпам экономического роста с ним не могли сравниться другие территории Донской области. У немцев-колонистов в основе собственности на землю лежал принцип неделимости первоначального владения. Изначальный надел нельзя было ни продать, ни заложить, что являлось важным для создания системы материального благополучия колоний. Со второй половины XIX в. некоторые разбогатевшие колонисты стали вкладывать деньги в фабрично-заводское производство. Так, колонистами были сооружены кирпично-черепичные и чугунолитейный заводы, машиностроительное товарищество, мельницы, паровая точильня и др.

В начале XX века растущая промышленность снова вызвала приток городского населения в такие города, как Александровск-Грушевский, Миллерово и Луганск, где образовались небольшие немецкие общины.

Быстрыми темпами росли немецкие общины в г. Ростове и г. Таганроге. Так, немецкая община в Таганроге, насчитывавшая первоначально несколько сот человек, смогла в течение десятилетий утвердиться в городе. Однако этот портовый город в последнюю треть XIX века уступил первенство быстро развивающемуся Ростову, где немецкая община также заметно увеличилась. В начале XX в.

[1] Нахтигаль Р. Донские немцы: 1830-1930 гг., Изд-во Waldemar Weber Verlag Augsburg, 2007 С. 25.

Ростов стал главным центром экспортной торговли, промышленности, банковского дела, деловой жизни не только области, но и всего юго-востока России. В этот период в поисках заработка в г. Ростов-на-Дону переселилось множество людей самых различных национальностей (среди которых немцы в 1910 г. составили 4 %)[1].

Успешному немецкому продвижению по Донской земле способствовало также строительство железной дороги Харьков/Екатеринослав - Донбасс - Таганрог - Ростов. Екатерининскую железную дорогу строили с 1869 по 1872 год, то есть как раз в годы переселения сюда немцев[2].

В социальном плане у немецких колонистов следует отметить свободу в выборе места для колонии и в вопросах самоуправления, что согласовалось с ориентацией на обособление – «замкнутость» от инородного окружения – и на сохранение своей этнической самобытности. Так называемая «замкнутость» была единственным признаком, отличавшим немецких колонистов от всех других контингентов земледельческих поселений. Она определялась порядком землепользования в немецких колониях, единым вероисповеданием, общими условиями первоначального поселения, а также принципом «самообеспечения» колоний в хозяйственном, социальном, культурно-учебном, религиозном отношениях.[3]

Согласно списку населенных пунктов области войска Донского, составленному в 1915 году, в Таганрогском округе насчитывалось 60 немецких населенных пунктов. Больше всего немецкие колонисты размещались в юго-западной части Таганрогского округа. Здесь насчитывалось 33 немецких колонии; 22 других населенных пункта с немецким населением были разбросаны по всему округу. Всего в области войска Донского насчитывалось 123 населенных пункта, в которых проживало немецкое население.

---

[1] Роот Е.В. Процесс миграции немцев на территорию области войска Донского в последней трети XIX – начале XX вв. // Ростовский Государственный Университет, Исторический фак-т. Исторические этюды. Выпуск 4. Ростов/ на Дону. 2000, С.

[2] Нахтигаль Р. Донские немцы: 1830-1930 гг., Изд-во Waldemar Weber Verlag Augsburg, 2007, с. 31-32.

[3] Терещенко А.Г. Немецкие колонисты на землях Войска Донского // Донской временник, 1996 с.141.

Часть этих поселений носила русские названия, некоторые немецкие[1].

Параллельно росту немецкого землевладения в Донской области до начала XX века росло и немецкое население, однако затем рост численности населения стабилизируется на уровне 35 тыс. чел. Такая стагнация связана с рядом факторов:

- ✓ с начала XX века наблюдается тенденция к перераспределению немецкого населения внутри области;
- ✓ немецкие колонисты заняли определенную нишу свободных земель и не могли уже приобретать новые земельные площади;
- ✓ войсковые власти не поощряли немецкую колонизацию, вследствие особого военно-политического статуса области;
- ✓ число сельских немецких колонистов сокращалось вследствие миграции в города, где оно подвергалось ассимиляции.

Накануне Первой мировой войны в области войска Донского проживали около 35000 немцев, из которых половина находилась на территории Таганрогского округа. Следующим по численности немцев был Донецкий округ с разветвленным кустом колоний, где жили около 8000 немцев[2]. Третье место занимал Усть-Медведицкий: около 5900 немцев в 1912 году. Ростовский округ, в южной части которого с 1860-х годов имелось несколько колоний и который (вместе с Ростовом, Нахичеванью и с Азовом) насчитывал 4000 немцев, занимал следующее место. Кроме того, в Первом Донском округе в колониях проживало от 2400 до 2900 немцев. Немецкое население Хоперского и Сальского округов могло составлять примерно 1000 колонистов. Несколько сотен немцев проживало во Втором Донском округе и в Черкасском. На территории Черкасского округа находились города Новочеркасск и Александровск-Грушевский с 200 - 300 немцами[3].

---

[1] Терещенко А.Г. Немецкие колонисты на землях Войска Донского // Донской временник, 1996 с.140.

[2] Нахтигаль Р. Донские немцы: 1830-1930 гг., Изд-во Waldemar Weber Verlag Augsburg, 2007, С. 155.

[3] Там же, С. 155.

По площади землевладений и интенсивности землепользования к началу войны также лидировали Таганрогский и Донецкий округа. В Таганрогском округе из 1183747 десятин пахотной земли свыше 80000 десятин находилось в пользовании немцев, преимущественно в форме землевладения. В Донецком округе находилось еще 22% от общего немецкого землевладения в Донской области в целом (от 30000 до 40000 десятин), На остальные округа приходилось лишь около 13%[1].

Последствия первой мировой войны, Октябрьской революции и политики советского государства для развития немецкой диаспоры

Быстрый экономический и социальный взлет немецкой диаспоры, начиная с первой половины XIX века, был практически уничтожен сначала Первой мировой войной, а затем политикой советского государства. В августе 1914 года были закрыты консульства Германии и Австро-Венгрии, одновременно была прекращена деятельность германских и австрийских благотворительных обществ в Ростове. Единственной немецкой организацией в Донской области оставалась евангелическая церковь. В августе-сентябре 1914 года была проведена регистрация иностранцев мужского пола, являвшихся гражданами враждебных государств и имевших призывной возраст. В список были внесены 242 человека, из них 200 германских и 42 австрийских подданных[2]. Для российских граждан немецкой национальности в Донской области по распоряжению министерства внутренних дел от 26 и 28 октября 1914 года были установлены относительно умеренные правила, которые касались только немецких колонистов

На основе переписи 1914-1915 гг. был составлен еще список немецких колоний (Табл. 5)[3]. Согласно этому списку, в области Войска Донского имелось 121 немецкое поселение с 21090 жителями и 2715 хозяйствами (дворами), имевшими во владении свыше 124923 десятин земли. При этом не учитывались данные по Ростовскому, Сальскому и Второму Донскому округам.

---

[1] Нахтигаль Р., op.cit. С. 140.
[2] Там же, С. 164.
[3] Там же, С. 166.

Таблица 5

Немецкие колонии в Донской области по данным переписи 1914-1915 гг.

Округ	Число колоний	Среднее кол-во жителей	Число дворов	Жителей всего
Таганрогский	73	100-400	1 632	13424
Донецкий	26	30-450	632	4621
Усть-Медведицкий	10		45	378
Хоперский	3	110-210	64	506
Черкасский	1	-	22	202
Первый Донской	1	-	42	238
Всего	***123***	**-**	***2 715***	***21090***

В 1915 году были введены законы о ликвидации немецких поселений. В соответствии с этими законами у всех лиц немецкого происхождения, не получивших российского гражданства до 1 января 1880 года, конфисковалась недвижимая собственность, с последующей продажей через банки по аукционному принципу. Исключения делались в тех случаях, когда собственник являлся русским офицером или добровольцем, награжденным в войне против врага, раненым или даже погибшим на поле брани.

Необходимо заметить, что несмотря на все меры, которые принимало правительство России в отношении враждебных государств во время первой мировой войны, преследования немцев в Донской области были более умеренными, чем в других областях России.

На основании многочисленных документов, составленных областным управлением, можно сделать вывод о том, что к исполнению этих мер приступили довольно поздно, лишь в 1916 году[1]. Кроме того, концентрация всех сил на ведении войны на юге

[1] Нахтигаль Р., op.cit. С. 167.

России привела к тому, что невозможно было отказаться от сельскохозяйственной продукции, произведенной немецкими колонистами. Это защитило их от скорой реализации мер по ликвидации земельных наделов. Многочисленные акты о конфискации земли были в 1917 году денонсированы Временным правительством, и еще не покинувшие своих дворов и земель колонисты имели возможность по-прежнему использовать и обрабатывать свои поля.

В городах Донской области некоторым предпринимателям удалось избежать конфискации за счет того, что они либо переписали свои предприятия на русских деловых партнеров, либо смогли заявить и нотариально подтвердить свое российское подданство.

После наступления Октябрьской революции и введения военного положения, ряд регионов Донской области в 1919 году стал полем битвы между Красной Армией, казачьими частями, Белой и германской армией. Прежде всего, были затронуты северные части округа, в Таганрогском и Ростовском округах до начала 1920 года военные столкновения не происходили. Правительство Всевеликого войска Донского[1] не трогало немецких жителей и не имело никаких претензий на их собственность. Однако после поражения белого движения в России из городов Донской области наблюдался отток немецкого населения, сведения о котором практически не сохранились.

В 30-е годы имеются лишь очень скудные данные о числе немцев в Донской области. Так, согласно переписи 1923 года в гг. Ростове и Нахичевани насчитывалось 1506 чел., в Таганроге – 435 чел. По переписи 1926 года в Донском округе насчитывалось 8216 немцев, они составляли 0,7% от общей численности всего населения. 29,6% немцев проживали в городах, а 70,4% – в сельской местности[2].

С конца 1920-х годов сведения о немцах в Донском округе встречаются все реже; после коллективизации и роспуска последних религиозных общин, конфискации культовых зданий и высылки священников они вовсе исчезают. Так, например, в колонии Александровка под Ейском в 1932 году закрыли молельный дом, в

[1] Всевеликое войско Донское было создано в 1918 году.

[2] Фурса Е.В. Этнический состав населения Ростовской области 1897-1989 гг // Население и кризисы: Региональные и этнические особенности демографического развития России и СССР. – М, 2004, Вып. 10, С. 133.

результате раскулачивания были арестованы и сосланы многие землевладельцы[1]. В некоторых районах Донской области сельским немцам отчасти удалось пережить коллективизацию в колхозах, однако речь здесь идет, прежде всего, о мелких крестьянах[2].

В последующие годы численность немецких поселенцев продолжает сокращаться, достигнув своего минимума к началу Второй мировой войны, когда практически все немцы из Ростовской области (38288 чел.) были насильно выселены в Казахстан[3]. В 1943 году органами местного германского управления была проведена перепись в г. Таганроге. Согласно данным этой переписи, в городе проживало 511 немцев обоего пола: 193 мужчины и 313 женщин[4]. В целом, численность немцев сократилась с 33000 человек в 1939 году до 2000 в 1959 и составила 0,06 от общей численности населения Ростовской области. В последующие межпереписные годы численность немецкого населения в Ростовской области колебалась в пределах 0,1-0,2% от общей численности населения (в 1970 году – 4574 чел., в 1979 – 6454 чел., в 1989 – 7457 чел., в 2002 - 6840)[5].

[1] Нахтигаль Р. Донские немцы: 1830-1930 гг., Изд-во Waldemar Weber Verlag Augsburg, 2007, С. 198.
[2] Там же, С. 187-190.
[3] Терещенко А.Г. Немецкие колонисты на землях войска Донского // Донской временник , 1996, с.
[4] Нахтигаль Р. Донские немцы: 1830-1930 гг., Изд-во Waldemar Weber Verlag Augsburg, 2007, С. 207.
[5] Фурса Е.В. Этнический состав населения Ростовской области 1897-1989 гг // Население и кризисы: Региональные и этнические особенности демографического развития России и СССР. – М, 2004, Вып. 10, С. 134-137.

Таблица 6

Численность немецкого населения Ростовской области по данным переписей

Год переписи	Численность немецкого населения	Доля этнической группы в общей численности населения (%)
1939	32968	1,1
1959	2111	0,06
1970	4574	0,1
1979	6454	0,2
1989	7457	0,2
2002	6840	0,16

Литература:

1. Греков А. Хозяйство колонистов в Таганрогском округе // Сборник Областного войска Донского статистического комитета 1(1901).
2. Дитмар Н. Область Войска Донского // Немцы России. Энциклопедия. Т. 2. М. 2004, с. 669 – 672.
3. Нахтигаль Р. Донские немцы: 1830-1930 гг. Изд-во Waldemar Weber Verlag Augsburg, 2007.
4. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (сост. Т. Н. Плохотнюк). Ставрополь, 2002.
5. Плохотнюк Т.Н. Немецкое население Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенной десятилетие 1941 - 1955 гг., с. 98 -114.
6. Плохотнюк Т.Н. Положение евангелическо-лютеранской церкви в России (конец XIX - начало XX в.) // Проблемы истории, языка и современного положения, с. 312 - 320.
7. Плохотнюк, Т. Н.: Российские немцы на Северном Кавказе. М. 2001.
8. Роот Е.В. Евангеле-лютеранская община города Ростова. //Донской временник. Ростов-на-Дону, 2000.

9. Роот Е.В. Процесс миграции немцев на территорию Области войска Донского в последней трети XIX - в начале XX веков // Ростовский государственный университет, Исторический фак-т. Исторические этюды. Выпуск 4, под ред. И.М. Узнародовой. Ростов-на-Дону, 2000.
10. Роот, Е.В. Условия проживания немецкого населения на территории Области Войска Донского (вторая половина XIX в. - 1914 г.) // Немцы в России. Российско-немецкий диалог (ред. Г. И. Смагина). СПб. 2001, с. 377 - 383.
11. Терещенко А.Г. Немецкие колонисты на землях Войска Донского // Донской временник 1996, с. 137 - 153.
12. Терещенко А.Г. Немецкое население Таганрогского (Миусского) округа в условиях немецкой военной администрации (октябрь 1941 - август 1943 г.) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны, с. 235 - 239.
13. Терещенко А.Г., Черненко А.Л. Российские немцы на Юге России. Энциклопедический справочник. Ростов-на-Дону, 2000.
14. Чеснок Е.В. Немецкие колонии Области Войска Донского // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы Российско-Германской научной конференции. Анапа 22 - 26 сент. 1994 г. М. 1995, с. 79 – 98.
15. Щербаков И.В. Германский капитал в экономике Области Войска Донского (конец XIX - начало XX вв.) // Рубикон: Сборник работ молодых ученых. Вып. 5. Ростов н/Д.: РГУ, 1999, с. 87 - 93.

Приложение

Распределение населения области войска Донского по вероисповеданиям, 1867-1883*)

Вероисповедания	1867		1869		1870		1875		1879		1883	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Православные	443692	457916	468505	481966	479359	491874	556159	560744	614820	616793	678353	668424
Единоверцы	1374	1468	2608	2827	4626	4970	1702	1707	1713	1767	5214	5369
Раскольники	39091	41982	38911	41212	37303	38978	47858	49289	48251	49910	48624	49143
Армяно-грегориане	34	16	45	25	77	56	189	146	214	147	325	218
Католики	155	140	444	412	1045	957	1025	884	905	803	1399	1283
Лютеране	**4**	**1**	**85**	**65**	**253**	**221**	**1026**	**941**	**1609**	**1562**	**1293**	**1265**
Иудеи	4	1	71	67	88	99	103	101	188	119	23	30
Мусульмане	33	42	20	19	36	20	79	76	129	14	180	39
Ламаисты	42	26	12239	12290	13049	13097	13765	13795	14221	14278	14524	14843
Другие нехристианские вероисповедания	12076	12038	288	278	79	77	5	7	23	20	1247	1282
Итого	496505	513630	523216	539161	535915	550349	621911	627690	682073	685413	751182	741896

Источник: Материалы Государственного архива Ростовской области, фонд 353.

*) Согласно переписи 1897 г. почти 80% лютеран составляло немецкое население

П.Греус

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРАКИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 30-Е ГГ. XX ВЕКА

Изучение межнациональных браков и этнически-смешанных семей может многое прояснить в понимании современной картины национальных процессов, в том числе ассимиляции и консолидации, в понимании и прогнозировании межнациональных отношений, в закономерностях формирования и эволюции больших групп людей, которые некоторые исследователи называют этнически маргинальными или пограничными. Это тем более актуально для России, на территории которой исторически сложилось многонациональное население, а интенсивные миграционные процессы на протяжении всего XX в. способствовали формированию еще более пестрой этнической карты страны.

Особый интерес в этом отношении представляет период 1920–1930-х гг., когда было разрушено множество законодательных, политических, религиозных барьеров, препятствующих межэтническому взаимодействию, а интенсивные социальные и экономические процессы вывели это взаимодействие на новый качественный уровень. Так было положено начало формированию исторической общности, получившей в советской общественной науке название «советский народ». Сейчас уже очевидно, что многие проблемы современности, в том числе и в сфере межнациональных отношений, уходят корнями не в далекое прошлое, а в бурные и жесткие 1930-е гг. Межнациональные браки, количество которых после революции 1917 года резко увеличилось, являются важнейшим индикатором измерения интенсивности межнационального общения.

Однако, межэтнические браки в 1930-е гг. в отечественной литературе слабо изучены. Поскольку брак и семья, особенно этнические аспекты их формирования, находятся в фокусе внимания различных наук, то и проблема межнациональных браков и смешанных в этническом отношении семей получила освещение со стороны демографов, этнологов, социологов и даже отчасти психологов. Среди наиболее интересных как в теоретическом аспекте, так и с точки зрения фактического материала, хочется особо отметить работы Л.В.Чуйко «Браки и разводы» (1975), В.И.Козлова «Национальности СССР. Этнодемографический обзор» (1982), А.

Сусоколова «Межнациональные браки в СССР» (1997), и конечно, работы А.Г.Волкова «Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав" (1989) и «Этнически смешанные семьи и межнациональные браки» (1991). Существует также достаточно большое количество работ, посвященных смешанным бракам отдельных национальностей в определенных регионах России, начиная с 1950-х гг. Но период 1930-х гг. представлен только в работе М.Б. Денисенко (1997).

Между тем, именно Советский Союз и постсоветская Россия предоставляют практически уникальные возможности для изучения этнодемографических процессов. В программы всех послереволюционных переписей включались вопросы о национальности и родном языке. Кроме переписей, информация о национальности вступающих в брак, о национальности родителей родившихся детей собиралась в ходе текущей регистрации демографических событий. Так, еще в 1920-е годы были опубликованы первые достаточно подробные разработки данных текущего учета населения по брачности с учетом национальностей вступающих в брак. Представленные в виде матриц с указанием национальности жениха (по строкам) и невесты (по столбцам), эти данные являются ценным источником сведений о межнациональных браках на территории РСФСР и союзных республик СССР (ЦСУ СССР, 1928, 1929, 1930; СУ РСФСР, 1928). К сожалению, в конце 20-х гг. публикация аналогичных материалов прекратилась. Однако в статистических учреждениях их разработка продолжалась. В Государственном архиве экономики Российской Федерации сохранились материалы по брачности с учетом национальностей. Это документы из фонда 1562, опись 20 (материалы ЦУНХУ-ЦСУ СССР по статистике населения), которые представляют собой статистические формы 7б «Статистические сведения о распределении по национальностям брачуюшихся», относящиеся к отдельным областям, краям и республикам СССР за 1936, 1937 и 1939 гг. Для Российской же Федерации имеются сведения только за 1936-37 годы. Но они, в отличие от других союзных республик, не охватывают все ее территорию (Табл. 1). Частично это объясняется тем, что в 1937 г. в РСФСР изменилось административно-территориальное деление. Вместе с тем, для некоторых территорий, например, для г. Ленинграда за 1937 или Ростовской области за 1936 и 1937 гг., данные представляются утерянными. Матрицы распределения вступивших в брак по

национальности жениха и невесты за другие годы в архиве обнаружены не были. Кроме данных о браках, существуют также данные о разводах и лицах расторгающих брак с учетом их национальности за 1936-37 гг.

Таблица 1

Области РСФСР, для которых в РГАЭ (фонд 1562, опись 20) имеется форма 7б за 1936-1937 гг.

№	1936	1937
1		Архангельская область
2	АССР Немцев Поволжья (в сост. Саратовской обл.)	АССР Немцев Поволжья
3	Адыгейская АО (в составе АЧК)	
4	Азово-Черноморский край	
5	Башкирская АССР	Башкирская АССР
6	Бурят-Монгольская АССР	Бурят-Монгольская АССР
7		Вологодская обл
8	Воронежская область	
9	Восточно-Сибирская область	
10	Горьковская область	
11	Дагестанская АССР	Дагестанская АССР
12	Дальневосточный край (без Сахалина, Камчатки и Нижне-Амурской область)	Дальневосточный край
13		ДВК Амурская область
14		ДВК Приморская область
		ДВК Уссурийский край
15		ДВК Хабаровская область
16	Западная область	
17	Западно-Сибирский край	
18	Ивановская область	Ивановская область
19		Иркутская область
20	Кабардино-Балкарская АССР	Кабардино-Балкарская АССР
21	Калининская область	Калининская область (с Карельским НО)
22	Карелия	
23	Калмыцкая АССР	
24	Кировская область	Кировская область
25	Коми АССР	Коми АССР
26	Красноярский край	Красноярский край с Хакасской АО
27	Хакасская АО	Хакасская АО (в составе Красноярского края)

Таблица 1 (продолжение)

№	1936	1937
28	Крымская АССР	Крымская АССР
29	Куйбышевская область	
30	Курская область	Курская область
31	Ленинградская область	
32	Ленинград	
33	Марийская АССР	Марийская АССР
34	Мордовская АССР	Мордовская АССР
35	Московская область	
36	Москва	Москва
37	Омская область	Омская область, включая р-ны Крайнего Севера
38		Район Крайнего Севера (в составе Омской области)
39	Орджоникидзевский край	Орджоникидзевский край
40		Карачаевская АО (в составе Орджоникидзевского края)
41		Черкесская АО (в составе Орджоникидзевского края)
42	Оренбургская область	Оренбургская область
43		Орловская область
44		Рязанская область
45	Саратовская область	Саратовская область
46	Свердловская область	
47	Северная область (с ненецким автономным округом)	
48	Северо-Осетинская АССР	
49		Смоленская область
50	Сталинградская область	Сталинградская область
51		Тамбовская область
52	Татарская АССР	Татарская АССР
53	Удмуртская АССР	Удмуртская АССР
54	Челябинская область	Челябинская область
55	Чечено-Ингушская АССР	
56		Читинская область
57	Чувашская АССР	Чувашская АССР
58	Ярославская область	Ярославская область

Говоря о качестве статистической информации, следует подчеркнуть, что в данном исследовании речь идет об изучении

браков, зарегистрированных в книгах записей актов гражданского состояния. В то же время в 1920-30-е гг. были распространены и незарегистрированные браки. Этому в частности способствовало уравнивание по юридическим последствиям фактических и незарегистрированных браков в советском Семейном кодексе 1927 г.

Возможные погрешности и ошибки в анализе смешанных браков связаны с несколькими обстоятельствами, три из которых выделим особо. **Первое** обусловлено спецификой определения национальности вступающими в брак или корректность записей национальности, произведенных в дальнейшем чиновниками. **Второе** обстоятельство связано со степенью дробности этнической номенклатуры, конкретного перечня национальностей, выделяемых при разработке материалов, и, соответственно, наличием в статистических формах графы «прочие национальности». Так, в данных за 1936 г., для Ивановской и Ярославской областей было выделено только две группы: «русские» и «прочие». При исчислении числа смешанных браков трудно сделать какие-либо выводы, когда и жених и невеста попадают под категорию «прочие национальности». Для более точных исчислений нужна дополнительная информация. К счастью, уже в данных за 1937 г. по тем же областям приведен более полный перечень национальностей.

Список национальностей, выделяемых при разработке данных текущего учета в 1930-х гг., видимо, еще не был четко оформлен. Это произойдет чуть позднее, во время подготовки к переписи 1939 г. Например, для Ленинградской области выделены 16 национальностей, а для Ленинграда – только 11. В целом, в 1936 г. было выделено 68 национальностей, а за 1937 – только 59 (см. Табл.2.). Исчезли из списка такие национальности, как балкарцы, вепсы, ижоры, киргизы, но появились другие: кеты, карачаевцы, крымские татары. Отчасти это связано с возможным изменением удельного веса тех или иных народов в регионах после административно-территориальных преобразований.

Однако в целом, на браки, в которых женихи и невесты одновременно попадают в «прочие национальности» приходится небольшая часть наблюдений. Так, в целом в РСФСР они составляют 0.5% от всех браков, хотя в отдельных регионах эта величина была выше. Например, в Бурят-Монгольской АССР она равнялась примерно 5%, а в Карелии даже превышала 10%.

Таблица 2

Словарь национальностей, выделяемых при разработке данных по смешанным бракам в РСФСР в 1936 и 1937 гг.

1936	1937
Абазины	Абазины
Авары	Авары
Армяне	Армяне
Балкарцы	Башкиры
Башкиры	Белорусы
Белорусы	Болгары
Болгары	Бурят-монголы
Бурят-монголы	Греки
Вепсы	Грузины
Греки	Даргинцы
Грузины	Евреи
Даргинцы	Евреи горские
Евреи	Евреи крымские
Евреи горские	Кабардинцы
Евреи крымские	Казахи
Ижоры	Калмыки
Ительмены	Карачаево-балкарцы
Кабардинцы	Карачаевцы
Казаки	Карелы
Казахи	Кеты
Калмыки	Китайцы
Караимы	Коми-зыряне
Карачаево-балкарцы	Коми-пермяки
Карелы	Корейцы
Киргизы	Коряки
Китайцы	Кумыки
Коми-зыряне	Лаки
Коми-пермяки	Латы
Корейцы	Литовцы
Коряки	Манси
Кумыки	Марийцы
Лаки	Мордва
Латгальцы	Нагайбаки

Таблица 2 (продолжение)

1936	1937
Латы	Нанайцы
Лезгины	Немцы
Литовцы	Ненцы
Мансы	Ногаи
Марийцы	Осетины
Мишари	Поляки
Мордва	Русские
Нанайцы	Селькупы
Немцы	Табасараны
Ненцы	Татары
Ногайцы	Татары крымские
Ойроты (алтайцы)	Тувинцы
Осетины	Туркмены
Персы	Тюрки
Поляки	Удмурты
Русские	Украинцы
Саами	Хакасы
Табасараны	Ханты
Татары	Цыгане
Тувинцы	Черкесы
Туркмены	Чуваши
Тюрки	Чукчи
Удмурты	Эвенки
Украинцы	Эсты
Финны	Якуты
Хакасы	
Ханты	
Цыгане	
Черкесы	
Чечено-ингуши	
Чуваши	
Чукчи	
Шорцы	
Эвенки	
Эсты	
Якуты	

Третье обстоятельство обусловлено присутствием обязательной для всех статистических отчетностей графы «неизвестно». Однако доля браков, заключенных «неизвестными» женихами или невестами», в общем числе браков невелика. В РСФСР, она равна примерно 0,5-0,7%, Следует отметить, что национальность в статистических формах не определена чаще у женихов, чем у невест. Кроме того, уровень неопределенности этнической принадлежности у вступающих в брак в сельской местности несколько выше, чем в городской.

Если говорить о результатах предварительной обработки данных, то в начале остановимся на оценках распространенности смешанных браков. Их доля в общем числе заключенных браков в конце 30-х гг. была достаточно велика. В некоторых регионах она превышала соответствующий уровень их распространенности в середине 1980-х гг.

Таблица 3

Доля смешанных браков в общем числе заключенных браков в РСФСР в 1936-1937 гг.

Всего	Города	Крупные города и областные центры	Сельская местность
8,97	12,79	14,73	6,70

Территориальные различия между регионами весьма велики и связаны с целой группой факторов, из которых следует выделить в первую очередь:

а) этнический состав региона;
б) интенсивность и демографическую структуру миграционных потоков;
в) соотношение между городским и сельским населением;
г) культурно-исторические особенности взаимодействующих этнических групп. К последнему фактору относятся, в частности, языковые и религиозные характеристики этносов.

Самый низкий уровень смешанных браков - 2,67%, 2,86%, 2,94% и 3,66% отмечен в Кировской, Ивановской, Рязанской и Ярославской областях соответственно. Такие низкие показатели распространенности в этих регионах объясняются самой однородной в этническом плане структурой населения. В этих, а также в ряде других регионов РСФСР, доля русских приближалась к 100%.

Среди регионов с высоким и очень высоким уровнем этнически смешанных браков можно назвать следующие: Восточно-Сибирская область (16,97%), Читинская область (18,61%), Карелия (24,55%), Дальневосточный край (28,65%), Крымская АССР (36,27%). Это либо районы с исторически сложившейся очень высокой этнической мозаичностью, либо районы активного хозяйственного освоения, соответственно, привлекающие большое число мигрантов.

Традиционно более высок уровень смешанных браков в городах, особенно крупных. Это объясняется многими факторами:

- влиянием миграций село-город на половозрастную структуру населения (в основном в города в поисках заработка стекается молодежь),
- более пестрым этническим составом населения городов, что тоже отчасти является следствием миграций, и соответственно, более интенсивными межнациональными контактами,
- ослаблением влияния традиционной культуры, которая сдерживает рост эндогамии, в частности, межнациональных браков.

Однако, есть и исключение – Дальневосточный край, в котором уровень смешанных браков в сельской местности (30,60%) превышает таковой в городах (27,41%) и особенно, в крупных городах (26,50%). Это объясняется особенностями миграции в данный регион, в частности продолжавшимся аграрным переселением из других регионов страны.

Существует также ряд территорий, для которых разница между уровнем смешанных браков в городах и в сельской местности очень велика. Это, например, АССР Немцев Поволжья (в городах - 25,58%, в сельской местности - 6,44%), Бурят-Монгольская АССР (19,17% - 4,37%), Дагестанская АССР (24,56% - 6,83%), Чувашская АССР (19,31% - 5,40%). Такая разница между показателями объясняется

компактным расселением отдельных народов в сельской местности и развитием многонациональных городов.

Таблица 4

Доля смешанных браков в общем числе заключенных браков в 1936-1937 гг. по регионам РСФСР

Регион	Всего	Города	Крупные города	Село
Архангельская обл.	6,79	7,50	6,94	6,12
АССР Немцев Поволжья	10,98	25,58	30,80	6,44
АЧК	13,85	19,11		9,54
Адыгейская АО	12,06	15,19	15,19	10,51
Башкирская АССР	15,76	17,10	19,55	15,40
Бурят-Монгольская АССР	10,44	19,17	22,01	4,37
Вологодская обл.	3,16	4,87	4,52	2,50
Воронежская обл.	5,17	9,22		3,73
Восточно-Сибирская обл.	16,97	22,51		9,88
Горьковская обл.	4,89	8,15	9,13	2,12
Дагестанская АССР	10,34	24,56	21,19	6,83
ДВ край (без Сахалина, Камчатки и Нижне-Амурской обл.)	28,65	27,41	26,50	30,60
ДВК Амурская обл.	30,81	27,60	21,04	33,58
ДВК Уссурийский край	34,12	35,14	34,18	33,38
Западная обл.	5,58	12,49		2,35
Зап. Сибирский край	11,40	12,02		10,90
Ивановская обл.	2,86	3,70	5,18	1,87
Иркутская обл.	14,09	15,96	17,63	13,83
Кабардино-Балкарская АССР	11,90	20,98		9,11
Калининская обл. с Карельским НО	8,40	11,09	7,49	6,92
Карелия	24,55	26,46		22,64
Калмыцкая АССР	5,31	11,30		4,11
Кировская обл.	2,67	3,60	5,45	2,41
Коми АССР	17,22	37,50		14,70
Красноярский край с Хакасской АО	12,67	13,88	16,40	11,87
Хакасская АО	15,99	15,66		16,22

Таблица 4 (продолжение)

Регион	**Всего**	**Города**	**Крупные города**	**Село**
Крымская АССР	36,27	39,73	42,70	29,79
Куйбышевская обл.	5,96	6,86		5,56
Курская обл.	5,26	11,96	9,61	4,01
Ленинградская обл.	12,58	15,42	16,44	10,32
Марийская АССР	7,13	17,41	18,00	5,08
Мордовская АССР	7,17	19,13	18,69	5,82
Московская обл.	7,56	9,67	14,37	5,65
Омская обл.	11,39	12,67	16,52	10,72
Омская обл. Р-н Крайнего Севера	18,66	20,93		18,07
Орджоникидзевский край	11,20	19,08	11,94	7,52
Орджоникидзевский край, Карачаевская АО	13,46	24,05		12,15
Орджоникидзевский край, Черкесская АО	21,19	14,18		26,53
Оренбургская обл.	14,93	13,94	9,21	15,33
Орловская обл.	6,00	11,64	11,01	3,30
Рязанская обл.	2,94	6,53	6,54	2,39
Саратовская обл.	9,10	11,57	14,10	7,03
Свердловская обл.	6,66	7,95		4,19
Северная обл. (с Ненецким авт окр.)	4,18	6,83		2,23
Северо-Осетинская АССР	19,73	23,34		12,43
Смоленская обл.	6,88	17,13	23,30	3,43
Сталинградская обл.	6,68	8,48	9,02	4,84
Тамбовская обл.	4,51	6,73	8,25	3,58
Татарская АССР	4,65	7,31	6,69	3,61
Удмуртская АССР	8,98	8,75	10,23	9,21
Челябинская обл.	7,66	9,03	10,67	5,87
Чечено-Ингушская АССР	13,68	17,57		7,20
Читинская обл.	18,61	21,92	24,42	16,05
Чувашская АССР	7,59	19,31	24,26	5,40
Ярославская обл.	3,66	5,14	5,26	2,15

Что касается распространенности смешанных браков среди представителей каждого этноса, а также вариантов сочетаний национальностей жениха и невесты, то эти данные требуют дальнейшей обработки. Именно с их помощью можно будет объяснить многие интересные факты. Например, в Восточно-Сибирской области и Дальневосточном крае у китайцев подавляющее число браков было межнациональными. Причем речь не идет только о мужчинах. Число невест-китаянок существенно (в Дальневосточном крае – в несколько раз) превысило число женихов китайцев. Но браки – для невест – более 97,%, для женихов – от 83% до 96,5% (в разных регионах), заключались с представителями других этносов, в основном – с русскими. В то же время для корейцев было характерно совершенно иное брачное поведение. В Дальневосточном крае процент межнациональных браков у этого этноса невысок – у невест – около 10%, а у женихов даже менее 3%. Однако в Восточной Сибири у корейцев эти показатели равны 40% для невест и 76,5% для женихов. Число же собственно китайско-корейских браков невелико.

Таким образом, данные по брачности за 1930-е гг., хранящиеся в РГАЭ, представляют собой чрезвычайно интересный материал для дальнейшего изучения. Их детальная разработка сможет в определенной мере заполнить пробелы, которые существуют в этнической истории, как всей России, так и ее отдельных народов.

М.Денисенко

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС В СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ: ОЦЕНКИ ПОТЕРЬ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

В изучении демографического кризиса 1930-х гг. – прямого следствия социалистических преобразований, проведенных в годы первой и второй пятилеток – можно выделить три этапа. В советский период вплоть до горбачевской эпохи «гласности» и «перестройки» исследований, посвященных непосредственно демографическим тенденциям 1930-хх гг., в отечественной науке не было. О резком ухудшении условий жизни, а тем более о голоде предпочитали умалчивать: говорили о трудностях социалистического строительства, а массовые репрессии связывались исключительно с культом личности Сталина. Вся демографическая статистика за 1930-1940-е гг. хранилась в спецхранах и предназначалась для служебного пользования. Упоминания и указания на кризисные явления в демографической сфере можно было встретить в работах отдельных демографов и статистиков, работавших в 1950-1970-х гг. и имевших доступ к информации, например, Б.Ц.Урланиса и А.Я.Боярского. Вместе с тем, фон, на котором развивался демографический кризис, в той или иной мере был отражен в работах, посвященных истории коллективизации и индустриализации, советского здравоохранения. Прежде всего, стоит отметить работы историков-аграрников В.П.Данилова, Н.А.Ивницкого, Ю.А.Мошкова в которых были отражены различные негативные стороны колхозного строительства и, в частности, зерновая проблема, процесс выселения миллионов так называемых кулаков (Данилов, 1983; Ивницкий, 1972; Мошков, 1966); работы Н.И.Платунова, проследившего основные этапы и направления переселенческой политики Советского государства и методы ее осуществления (Платунов, 1976); О.В.Барояна, показавшего всплеск тяжелых инфекционных заболеваний в начале 1930-х гг. (Бароян, 1968). Необходимо также отметить художественные произведения и публицистику, прежде всего «Колымские рассказы» Варлаама Шаламова и «Архипелаг Гулаг» Александра Солженицина, из которых молодые поколения

читателей, преодолевая все препятствия в доступе к ним, получали бесценную информацию о недавнем и неизвестном прошлом, что называется, «из первых уст».

На первом этапе большой вклад в разработку темы демографических последствий индустриализации и коллективизации внесли зарубежные и эмигрантские историки и демографы, прежде всего, Ф.Лоример (Lorimer, 1946), Ж-Н. Бирабен (1958, 1976), С. Уиткрофт (Wheatcroft, 1981, 1985), С.Роузфильд (Rosefield, 1981, 1983), Б.Андерсон и Б.Сильвер (Anderson, Silver, 1985), В.Максудов (Максудов, 1983, 1984; Maksudov, 1986), И.Дядькин (Dyadkin,1983) и др., которые на основе разного рода источников (партийных и государственных документов того времени, средств массовой информации, воспоминаний очевидцев событий, отрывочных статистических данных), а также специальных демографических методов пытались определить масштабы изменений в уровнях смертности и рождаемости в годы голода и массовых репрессий первых пятилеток. Однако, как и отечественные ученые, в своих исследованиях демографических тенденций 1930-х гг. они не могли использовать государственную статистику населения, которая вплоть до конца 1980-х гг. оставалась для них недоступной.

Сильное влияние на общественное сознание оказали эпохальные книги Роберта Конквеста[1] «Большой террор» (1968) и «Жатва скорби» (1986)[2]. «Большой террор» был опубликован раньше, чем «Архипелаг Гулаг» Солженицина, и до появления последнего давал читателям наиболее яркое представление о размахе политических репрессий в СССР. Но об этих репрессиях знали в первую очередь благодаря Хрущеву и решениям XIX и XX съездов КПСС. Но продолжали спорить об их масштабах. С этой точки зрения «Жатва скорби» имела куда большее научное и общественное значение, поскольку сам факт сильнейшего голода с колоссальным ростом смертности населения в начале 1930-х гг. вызывал сомнения у многих специалистов и рядовых граждан, как в

[1] Роберт Конквест в 1937 году вступил в ряды коммунистов Великобритании. Впоследствии после работы в Болгарии он разочаровался в коммунистическом движении.

[2] «Жатва скорби» является в конечном итоге результатом работы Конквеста совместно с Джеймсом Мейсом в проекте Гарвардского института украинских исследований, начатого в 1982 году.

Советском Союзе, так и на Западе. После прочтения книги эти сомнения у большинства скептиков рассеялись. Однако многие западные ученые сразу не согласились с рядом обозначенных Коквестом деталей и выводов. В частности, критике подверглись бездоказательно высокие оценки демографических потерь от голода и репрессий, а также утверждения о том, что голод имел национально избирательный характер и был направлен на уничтожение отдельных этнических групп, в первую очередь украинцев. С учетом огромного влияния этих книг на западную и советскую общественность, можно утверждать, что Р.Конквест, разрушая одни мифы (об отсутствии или слабости террора), сам того не желая, создавал новые мифы, которые оказывают влияние на формирование политического сознания и в наши дни.

Своеобразным итогом отечественных и зарубежных исследований первого этапа изучения движения населения в сталинский период советской истории явилась монография С.Максудова «Потери населения СССР», изданная в 1989 году в Бостоне (Максудов, 1989; Киселев, 1991).[1] Основываясь на данных переписей населения 1926, 1939 и 1959 гг., данных текущей

[1] Сергей Максудов - псевдоним Александра Бабенышева, историка, демографа, математика. Он является одним из самых известных в мире специалистов по изучению потерь населения СССР в 1918–1956 гг. Преподавал и вел исследовательские работы в Гарвардском и Бостонском университетах (США), в Украинском институте Эдмонтона (Канада). В 60–70 годы, будучи участником правозащитного движения в СССР, А.Бабенышев выступает в защиту арестованных писателей А.Синявского и Ю.Даниэля, распространяет листовки против советского вторжения в Чехословакию, подписывает письмо протеста против высылки А.Солженицына. Он пишет и распространяет самиздат, едет в ссылку к поэту Иосифу Бродскому и академику Андрею Сахарову, с семьей которого был дружен. Составлял «Сахаровский сборник», изданный на Западе на шести языках с предисловием Г.Белля и Л.Копелева. Первая его публикация по оценке потерь советского населения в годы гражданской войны, коллективизации и второй мировой войны вышла в 1977 г. в журнале «Cahiers du Monde Russe» в Париже. В 1981 г. эмигрировал в США. Автор книг «Сахаровский сборник», «Потери населения СССР», «Потери населения в результате коллективизации и голода на Украине», «Неуслышанные голоса», «Документы Смоленского архива», «Кулаки и партийцы», десятков статей, опубликованных в разных журналах стран Запада. См.: Александр Бабенышев (Сергей Максудов). Обращение к украинским парламентариям» http://www.ua-pravda.com/old/articles/lib/1558.php?mode=printable

статистики населения, опубликованных в справочных изданиях статистических органов СССР, публикациях отдельных авторов (Корчак-Чепурковского, Урланиса, Сифман и др.), С.Максудов с помощью методов демографического прогнозирования попытался оценить потери населения всего СССР и Украины, выявить их географическую дифференциацию, восстановить ряды демографической динамики за 1927-1958 гг.

Второй этап начался в эпоху «перестройки» и «гласности», когда постепенно стали устраняться все преграды для изучения ранее запретных тем советской истории, открывались архивы, благодаря чему демографическая статистика 1930-х гг. стала доступной. За архивной (информационной) революцией последовала историографическая. С конца 1980-х гг. на читателей обрушивается шквал работ отечественных историков и демографов, посвященных разным сторонам жизни советских людей в годы первых пятилеток, в том числе голоду и сталинским репрессиям. В 1989 г. произошло важное для историков и демографов событие: в Центральном государственном архиве экономики (ЦГАНХ)[1] были обнаружены сохранившиеся материалы «утраченной» Всесоюзной переписи населения 1937 года. Коллектив историков Института российской истории под руководством Ю.А.Полякова и В.Б. Жиромской подготовил к публикации материалы переписи 1937 г. и неизданные материалы переписи 1939 г., а также серию публикаций по малоизученным проблемам демографической истории России в первой половине XX века (Араловец, 1995; Жиромская,1990; Жиромская, Киселев, Поляков, 1996; ИИ СССР, 1991; ИРИ, 1994, 2000; др.). Е.В.Цаплин (Цаплин, 1989; Цаплин, 1991) одним из первых обнародовал данные о движении населения в 1930-х гг., хранившиеся ЦГАНХ. В.В.Кондрашин (Кондрашин, 1991) первым привлек для изучения голода в Поволжье нетрадиционные для историков источники: книги актов гражданского состояния за период с 1927 по 1940 г., хранящиеся в архивах районных ЗАГСов, а также результаты специального опроса «Свидетель голода 1932—1933 годов в деревне Поволжья».

Следует также назвать исследования упоминавшихся ранее историков В.П. Данилова (Данилов,1988 (а), 1988(б), 1989, 1990 и

[1] Ныне Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

др.), Н.А. Ивницкого (Ивницкий, 1995, 2000 и др.), которые обогатили наши представления о коллективизации деревни, ликвидации кулачества, причинах демографического кризиса новыми данными и оценками. Демографические аспекты системы ГУЛАГа и насильственных переселений в 1930-х гг. достаточно подробно представлены в работах В.Н. Земскова (Земсков, 1990, 1991, 1992, 2003). Характеристика объемов и направлений принудительных миграции в СССР до начала второй мировой войны также дана в работах российского географа П. Поляна (Полян, 2001). Вопросы изучения жизни и потребления людей в условиях карточной системы 1928-1935 гг., становление советской централизованной системы снабжения, а также влияние изменений в системе распределения на демографические процессы рассмотрены в работах Е.А. Осокиной (Осокина, 1991, 1993). Открытие архивов стимулировало дальнейшее развитие историко-демографических исследований в отдельных частях Советского Союза. Появляются обстоятельные исследования демографической ситуации в 1930-х гг. в Украине (например: Перковський, Пирожков, 1989; Pyrozhkov, 1996; Кульчицкий, 1989, 1991, 2003), в Центральном Черноземье (Загоровский, 1998), Сибири (Исупов, 1990, 1991), в Северном Кавказе от Дона до Терека (Осколков, 1991), в Казахстане (Абылхожин, Козыбаев, Татимов, 1989; Козыбаев, Абылхожин, Алдажуманов, 1992). В самом начале 2000-х гг. демографические последствия сталинской индустриализации и коллективизации были обобщены в монографиях двух известных отечественных историков В.Б.Жиромской (Демографическая история России в 1930-е гг., 2001) и В.А.Исупова (Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века, 2000).

Российские демографы, несмотря на их относительную по сравнению с историками малочисленность, также активно включились в изучение демографических процессов 1930-1950-х гг. после открытия информации, которая длительное время ждала в архивах своих исследователей. Как известно, в отличие от представителей других социальных наук, демографы отличаются тщательной проверкой качества данных о населении, для чего привлекаются специальные методы анализа. В частности, они показали, что перепись населения 1937 г. не была дефектной. Отечественные демографы сходятся во мнении, что недоучет

населения в переписи 1937 г. не превышает аналогичный показатель в других советских переписях и составляет порядка 0,3%-0,4% (Волков 1990; Лифшиц 1990; Тольц, 1988, 2003). В изучении демографической истории СССР особняком стоят исследования Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковой. Эти известные российские демографы выполнили уникальную работу по коррекции архивных данных и восстановлению динамики численности населения, возрастного состава и основных демографических показателей для СССР и России (Андреев, Дарский, Харькова, 1991,1993,1998). Позже, аналогичную работу применительно к Украине проделала группа, включавшая в себя французских, российских и украинских специалистов (Vallin, Mesle, Adamets, Pyrozhkov, 2002).

Открывшиеся архивы позволили зарубежным ученым уточнить свои собственные оценки потерь населения Советского Союза и концепции о причинах возникновения демографического кризиса в 1930-х гг., а также провести целый ряд новых исследований. (Davies, Graziosi, Tauger, Wheatcroft и др.). Новые исследования, прежде всего выполненные во Франции совместно российскими и французскими демографами, были посвящены оценке демографических последствий голода (Adamets, Blum, Zakharov, 1994), распространению абортов в СССР в 1920-1950-е гг. (Avdeev, Blum, Troitskaja, 1993) и др. Отдельно следует выделить книгу по демографической истории Советского Союза «Родиться, жить и умереть в СССР», написанную известным французским историком и демографом А.Блюмом. Эта книга была издана во Франции в 1994 году, а в 2005 году была переведена на русский язык.

Исследования второго этапа позволили во многом восстановить картину демографического развития страны и ее регионов, очертить круг возможных причин демографического кризиса 1930-х гг. и оценить масштабы его последствий. Но важно отметить и другую сторону в изучении историко-демографических процессов 1930-х гг. – политическую. Все исследования этого периода и на первом, и на втором этапе были в той или иной мере политизированы. Однако, если на первом этапе их характер имел четкий антисоветский подтекст, то на втором этапе отношение к рассматриваемому периоду стало менее однозначным, особенно в

бывших союзных республиках. Наивысшей ступени политизации достигла проблема голода на Украине, где, начиная с конца 1980-х гг., истолкование событий 1932–1933 годов оказало решающее воздействие на размежевание сторонников демократизации и поклонников старых порядков. «Голодомор» оказался в центре политической и культурной жизни, стал предметом обсуждения и краеугольным камнем в процессе построения нового государства и создания новой национальной идентичности (Грациози, 2007).

В определенном смысле начало исследованиям подобного рода было положено созданием при президенте Р.Рейгане в 1984 году специальной комиссии Конгресса США по изучению голода на Украине, которую возглавил известный советолог Джеймс Мейс. В итоговом документе Комиссии 1988 года голод 1932-1933 гг. называется актом геноцида против украинского народа со стороны руководства СССР. С начала 2000-х годов, еще при президенте Кучме тема Голодомора стала основополагающей во внешней и внутренней политике Украины. Основной целью украинского руководства стало получение международного признания Голодомора в качестве акта геноцида со стороны сталинского руководства СССР. Научное обоснование этого акта было обеспечено целым рядом исследований украинских и западных ученых. Например, в 2003 году 28 участников конференции по Голодомору в Виченце (Италия) обратились к Правительству Италии и Европарламенту с предложением признать голод 1932-1933 гг. актом геноцида против украинского народа (Масе, 2003). В итоге 28 ноября 2006 года Верховная Рада Украины приняла Закон Украины «О Голодоморе 1932-1933 годов в Украине». В преамбуле Закона дано определение геноцида, которое соответствует действующим международным правовым документам. Установлено, что «публичное отрицание Голодомора 1932–1933 годов в Украине признается надругательством над памятью миллионов жертв Голодомора, унижением достоинства Украинского народа и является противоправным». Президент Виктор Ющенко внёс поправки к этому закону, позволяющие привлекать к уголовной ответственности лиц, публично оспаривающих версию событий 1932-1933 гг., изложенную в законе. 25 государств – членов ООН, в том числе Австралия, Азербайджан, Грузия, Италия, Канада,

Молдова, Польша, США, признали голод 1932-1933 годов актом геноцида против украинского народа.

В то же время целый ряд исследователей и общественных деятелей из разных стран мира, в том числе Александр Солженицын и Сергей Максудов, выступили с несогласием принятых в данном Законе положений о геноциде. Сегодня, как справедливо заметил Грациози, историки делятся на две категории: категория «А» включает тех, кто изучает голодомор 1932-1933 гг. как национальную (этническую) проблему; категория «Б» изучает проблему демографического кризиса конца 1920–30-х гг. в масштабах всего Советского Союза. В поиске истины нужен шаг, чтобы принять самые убедительные тезисы гипотез каждой категории «А» и «Б», а неудовлетворительные их элементы отбросить (Грациози,1991).

Таким образом, вопросы о причинах демографического кризиса 1930-х гг., его последствиях и потерях по-прежнему стоит на повестке дня. Ответы на эти вопросы, по мнению ученых, может дать переход к изучению демографических процессов на уровне сельских районов, а также отдельных населенных пунктов. Такой переход, как показывают работы ряда историков и архивистов (Кондрашин, 1991; Голодомор1932-1933 рр. на Чернігівщині …, 2003; др.), уже начался, и он определит содержание третьего этапа исследований демографического кризиса 1930-х гг., и его главной составной части – голода.

Оценки потерь населения

На сайте Президента Украины размещены материалы «Голодомор 1932-1933 років – геноцид в Україні» Института истории национальной академии наук Украины, в которых в следующей форме ставится вопрос о потерях: «Число прямых и непрямых жертв Голодомора точно установить на сегодняшний день трудно. Между историками идут дискуссии, сколько людей погибло: 5, 7, 9 или 10 миллионов? Но, так или иначе, речь идет о миллионах безвинных жертв». Создается впечатление, что, действительно, количественная оценка потерь – дело второстепенное. Какая, собственно говоря, разница — погибло 2, 4, 10 миллионов человек? Тем более что истинную цифру погибших установить невозможно. Но разница за этими цифрами стоит огромная, многие из них далеки

от истины. Как справедливо отмечал С.Максудов, трагические события тех лет требуют бережного, трепетного отношения, в точности и аккуратности проявляется уважение к жертвам потерь, а пренебрежительное публицистическое «не все ли равно» является оскорблением их памяти (Бабенышев, 2007). К этому следует добавить, что именно количественные оценки определяют масштабы демографической катастрофы в целом, на отдельных территориях и среди разных народов. Они являются главным аргументом в обосновании тех или иных политических выводов, например, об ответственности тех или иных групп за многочисленные жертвы, о геноциде, о сравнении голода на Украине с нацистским холокостом и т.д.

В Таблице 1 приведены наиболее авторитетные или/и обоснованные, на наш взгляд, оценки демографических потерь населения с конца 1920-х до конца 1930-х гг. в СССР, а также в России, Украине и Казахстане, выполненные разными учеными на протяжении прошедших 60 лет. При этом речь идет об оценках, как общих демографических потерь, так и их отдельных составляющих, связанных с ростом смертности сверх «нормального» уровня (людские потери), резкого падения рождаемости ниже «нормального» уровня (дефицит рождений) и миграционного оттока населения. «Нормальный» уровень рождаемости и смертности, т.е. тот, который бы наблюдался при отсутствии кризисных явлений в демографической сфере, определяется на основе разного рода гипотез. Иногда в людские потери включают и миграционный отток населения.

Таблица 1

Оценки потерь населения в годы коллективизации и индустриализации (млн. человек)

Авторы	Год публикации	Оцениваемый интервал	Территория	Демографические потери	Людские потери	Дефицит рождений	Миграционный отток
До открытия архивов (1989)							
Лоример	1946	1927-1938	СССР		5-5,5		
Конквест	1986	1930-1937	СССР		14,5		
		В т.ч. от голода			8		
Роузфильд	1981	1929-1938	СССР	17,9	11,5	5,4	1
Андерсон, Сильвер	1985	1927-1938	СССР	12,6 (средний вариант)	3,2-5,5*		
Уиткрофт	1981	1932-1934	СССР		3-4		
Максудов	1989	1927-1938	СССР		9,8±3		
			Украина		4,4	-	0,6
После открытия архивов (1989)							
Уиткрофт, Дэвис	2004	1931-1933	СССР		5,5-6,5		
Исупов	1990	1927-1938	СССР	12-13	8-9	4	
Цаплин	1991	1927-1936	СССР		6,6		2

Таблица 1 (продолжение)

Авторы	Год публикации	Оцениваемый интервал	Территория	Демографические потери	Людские потери	Дефицит рождений	Миграционный отток
Андреев, Дарский, Харькова	1993	1927-1941	СССР	13,5	7,0	6,5	
Андреев, Дарский, Харькова	1998	1933	Россия		2,4		
Перковский Пирожков	1990	1932-1933	Украина		4		
Валлен, Месле, Адамец, Пирожков	2002	1927-1938	Украина	4,6	2,6	1,1	0,9
Кульчицкий	2002	1932-1933	Украина	5,1	3,4	1,7	
Абылхожин Козыбаев Татимов	1989	1927-1938	Казахстан		2		

*) без смертей родившихся в исследуемый период.

Первая оценка была сделана еще в середине 1940-х гг. выдающимся американским демографом Франком Лоримером (Lorimer, 1946). Как видно, оценки потерь варьируют в значительных пределах. Расхождения в оценках, очевидно, были наибольшими в период до открытия архивов в 1989 году. Отсутствие данных ученым-историкам здесь заменяли гипотезы. Хотя, надо заметить, что оценки демографов того периода хорошо вписываются в палитру оценок, выполненных после архивной революции. Здесь следует отметить, что методологии получения оценок у историков и демографов различались. Первые оперировали главным образом оценками численности населения, числами родившихся и умерших или общими коэффициентами рождаемости и смертности из опубликованных статистических данных и результатов переписей, а позже – из архивов. На основе этих данных и гипотез рассчитывались параметры «нормальных» демографических изменений в кризисные годы. Полученные результаты сравнивались с имеющимися в распоряжении историков данными. Анализ возрастных структур и изменения численности поколений, который можно провести по данным переписей населения, историками, как правило, не проводился. В основе оценок потерь населения, сделанных демографами, лежит анализ половозрастных структур. Поскольку в этом они опирались на одни данные - переписей населения и использовали один метод - демографического прогнозирования, оценки, выполненные демографами, находятся в более узких пределах, чем у историков. Сравните, например, оценки для СССР Лоримера, Андерсон и Сильвера, Андреева, Дарского и Харьковой, с одной стороны, и Коквеста, Роузфильда, Уиткрофта, с другой.

После открытия доступа к информации, хранившейся в архивах и, прежде всего, к материалам переписи 1937 года, различия между оценками специалистов для СССР уменьшились. Однако, они продолжают оставаться существенными, когда речь идет об отдельных компонентах демографических потерь (людских потерь, дефицита рождений или миграционного оттока), или о потерях отдельных территорий или этнических групп.[1] Так, известный украинский историк-демограф С.Кульчицкий определяет общие демографические потери Украины от голода в 1932-1933 г. без

[1] В данном случае речь не идет о спекулятивных цифрах типа 10 млн. умерших от голода на Украине.

миграции в 5,1 млн. человек, из которых людские потери, вызванные повышением уровня смертности, составляют 3,4 млн. человек (Кульчицкий, 2002; Кульчицький С., Єфіменко, 2003). В то же время французско-российско-украинская группа исследователей определяет общие потери Украины за период с 1927 по 1938 гг. в 4,6 млн. человек, из которых людские потери составляют 2,6 млн. человек, дефицит рождений – 1,1 млн., а вынужденные переселения – 900 тыс. человек (Vallin, Mesle, Adamets, Pyrozhkov, 2002). Интересно, что оценка людских потерь от голода для России – 2,4 млн., полученная российскими демографами (Андреев, Дарский и Харькова, 1998), почти совпадает с вышеприведенной оценкой для Украины – 2,6 млн.

В чем причины расхождений в современных оценках потерь населения от голода, общего ухудшения условий жизни в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг., массовых репрессий, которые не прекращались вплоть до смерти Сталина? Во-первых, они кроются в том, как ученые работают с имеющимися статистическими данными: например, делают ли поправки на недоучет смертей или рождений, корректируют ли результаты переписей населения на недоучет или возрастную аккумуляцию. Во-вторых, многое зависит от различий в исследовательских гипотезах об изменениях в рождаемости, смертности и миграции в течение изучаемого периода. Эти гипотезы разрабатываются на основе не только демографической статистики, но и с привлечением других, недемографические данных. В следующей части статьи мы остановимся на трех проблемах в изучении 1930-х гг.: статистических данных, изменениях в рождаемости и миграции. В литературе перечисленным проблемам уделяется чуть меньше внимания по сравнению с такими вопросами, как, например, причины демографического кризиса, динамика и уровень смертности и заболеваемости, уровень жизни населения, масштабы вынужденных переселений и репрессий.

Состояние демографической статистики в 1930-х гг.

Для изучения демографических процессов в годы первых пятилеток сегодня в распоряжении ученых имеются:

- данные переписей населения 1926, 1937 и 1939 гг.;
- данные местных переписей населения;

- данные текущего учета естественного и миграционного движения, причем на низовом административно-территориальном уровне;
- другие недемографические данные, например, о переселениях, движении населения в местах заключения, статистика заболеваемости острозаразными болезнями, снабженческого учета и др.

Однако эти данные пока используются не в полной мере. Так, как уже отмечалось выше, до настоящего времени анализ ведется преимущественно на уровне республик, краев и областей.

Следует отметить, что исследователи с разной степенью критичности подходят к анализу имеющихся данных. Как известно, качество учета естественного движения населения на территории СССР до начала кризиса было неравномерным. Оно было относительно высоким в европейской части СССР, где население достаточно быстро адаптировалось к гражданской системе регистрации, введенной в 1917 году взамен церковного учета, а система ЗАГСов охватывала все население. По мере продвижения на восток и юг качество учета ухудшалось, что было связано с наличием территорий, где отсутствовали ЗАГСы, а население не привыкло к регистрации рождений, смертей или браков.

В 1920-х гг. демографическая информация регулярно публиковалась в разных статистических сборниках. Однако, с конца 1920-х гг. качество учета населения ухудшается, а количество публикуемой статистической информации о нем резко сокращаются. И в литературе того времени, и в некоторых современных работах отмечается, что вся система учета населения в начале 1930-х гг. находилась в плачевном состоянии. Текущий учет был дезорганизован, в частности, из-за неполного учета миграций (включая спецпереселенцев), которые со второй половины 20-х гг. приобрели массовый характер, наличия территорий, где он по-прежнему не охватывал значительную часть населения (в первую очередь в Средней Азии, Казахстане, на Кавказе и отдельных регионах Сибири и Дальнего Востока, к которым, вероятно, в голодные годы добавились территории, в которых значительная часть населения была выселена или умерла). Так, в РГАЭ хранятся оценки того времени, показывающие, что в 1933 г. 17% населения СССР проживало на территориях, где отсутствовала систематическая регистрация рождений и смертей. Среди городского населения систематической регистрацией не было

охвачено 6%, а среди сельского - 30%. В определенной мере дезорганизации статистики населения способствовали и репрессии против инженерно-технической интеллигенции и грамотного крестьянства, что обостряло проблему кадров в организации учета, и административно-территориальные преобразования, а также реформы центрального статистического аппарата. В 1930 г. ЦСУ (Центральное статистическое управление) было передано в ведомство Госплана, при котором было создано ЦУНХУ (Центральное управление народно-хозяйственным учетом) с сопутствующими кадровыми перестановками.

По мнению Андреева, Дарского и Харьковой, в начале 1930-х гг. значительная часть демографических событий не была зарегистрирована. Для СССР в 1930-1933 гг. их поправка на неполноту учета составила 49,9% от всех зарегистрированных смертей и 10% от всех зарегистрированных рождений, а с учетом территорий, не охваченных систематической регистрацией, общий процент недоучета составлял 41,5% для рождений и 93,5% – для смертей. По их оценкам, выполненным для России, с 1929 по 1933 г. процент недоучета рождений вырос с 11% до 18% , а умерших – с 25% до 44,5%. Для Украины величина недоучета смертей в 1933 г. оценивается гораздо меньшей величиной – 22% (Vallin, Mesle, Adamets, Pyrozhkov, 2002).

Имеющиеся в РГАЭ документы показывают, что в районах, охваченных голодом, недоучет смертей был значительным. Так, в рапорте М.Курмана начальнику сектора населения и здравоохранения тов. Каплуну «О результатах проверки состояния учета естественного движения населения в б. Северо-Кавказском крае», проведенной в сентябре и ноябре 1933 года, недоучет смертей по краю оценивался в 62,5%. В сельсоветах, охваченных голодом, недоучет мог превышать число зарегистрированных смертей в 2 и более раз.[1] Очевидно, что в 1933 г. качество учета, например, в Москве, на Кавказе или в Западной области было различным. Этот момент должен учитываться в анализе демографической ситуации тех лет и при расчетах потерь населения. Завышение уровня недоучета ведет к завышению потерь населения.

Кроме того, на наш взгляд, развернувшаяся кампания против якобы неудовлетворительной работы статистиков на местах в значительной степени представляет собой попытку власти уйти от

[1] РГАЭ, ф. 1562, оп. 328, д.131.

ответственности за развернувшийся в стране кризис и передать в конечном итоге статистические органы в ведомство НКВД. После голода в 1934 г. ЗАГСы были переданы из ведомства Центрального Управления Народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) в ведомство Народного Комиссариата внутренних дел. НКВД стал контролировать всю статистическую информацию о населении (Собрание законов, 1934). К концу 1930-х гг. качество текущего учета демографических событий в СССР, в первую очередь за счет тех территорий, где он был не полным или не был налажен вообще, улучшилось.

Хотелось бы обратить внимание также на один важный факт, который в историко-демографической литературе не упоминается – это смена критериев живорождения. Так, в медицинской литературе отмечается, что в 1932-1933 гг. наблюдалась сильная скученность рожениц в родильных домах крупнейших городов (Москва, Ленинград и.др.) вследствие наплыва в предыдущие годы мигрантов. Среди матерей было больше обычного гриппозных и с послеродовыми заболеваниями. Большим было количество родовых травм, возрос процент смерти доношенных детей. Вместе с тем, там же подчеркивается, что московские (и возможно другие) данные 1933 г. несопоставимы с данными за предыдущие годы, поскольку теперь нежизнеспособными стали считать детей весом меньше 1200 г, а не 1000, как ранее (Морозова, Гок-Смрчек, Ковтун, 1936).

В результате неполного учета естественного движения и, в первую очередь, из-за не налаженного учета миграции, в стране в первой половине 1930-х гг. не было надежных оценок численности населения. Так, по городу Москве перепись 1937 года насчитала на 200 тыс. людей больше, чем считало Московское городское управление милиции. "Основная причина неудовлетворительного учета населения, – отмечал в 1935 г. советский статистик А.Антонов, – состоит в длительном отрыве от переписной базы. Не лучше обстоит дело и с учетом структурных сдвигов. Это вызвано несовершенством методов текущего статистического учета" (Антонов, 1935, с.32).[1] Определение численности и структуры населения проводилось в то время на основе сочетания различных

[1] Как известно, длительный отрыв от переписной базы и неполнота учета мигрантов явились причиной ухудшения качества текущих оценок численности населения России, ее регионов и городов в конце 1990-х гг. Численность населения Москвы при этом была также сильно занижена.

оперативно-учетных работ. Главнейшими из них были: центросоюзовский снабженческий учет городского населения, паспортизация 1933 г., налоговый учет сельского населения, проводимый финансовыми органами и др.

Между тем, народнохозяйственные интересы страны требовали точного учета численности населения. Эта необходимость осознавалась статистиками, учеными, руководящими работниками. Поэтому в ряде местностей в начале 1930-х гг. были проведены локальные переписи населения (Семенов, 1931): в Крыму, Кузбассе, Карелии, в Баку, в Ростове-на-Дону и др. К сожалению, материалы этих переписей не привлекались в полной мере к изучению демографических процессов в соответствующих регионах.

В начале 1932 г. на правительственном уровне был поставлен вопрос о проведении Всеобщей переписи населения в конце 1933 – начале 1934 гг. В качестве подготовительной операции к ней в том же году в 4-х районах Московской области была проведена пробная перепись. В дальнейшем дата проведения переписи переносилась, по крайней мере, четыре раза (Волков, 1990а, 1990б), и состоялась перепись лишь в 1937 году. Однако Совет Народных Комиссаров СССР постановил признать перепись 1937 года неудовлетворительной, а сами материалы переписи – дефектными, и обязал ЦУНХУ провести новую перепись в 1939 году. (Волков, 1990а; Андреев, Дарский, Харькова, 1990; Лифшиц, 1990). Что касается данных переписей, то демографы, в отличие от большинства историков, как правило, вносили в них поправки на недоучет численности детских возрастов, на общий недоучет населения, корректировали возрастную структуру, выравнивали и распределяли лиц неизвестного возраста.

С помощью материалов переписей многие авторы пытались установить потери от голода и репрессий отдельных народов СССР. Но к решению данной задачи в те годы следует подходить очень осторожно, поскольку идентичность, например, генетически близких друг другу русских и украинцев на Юге Украины и России формировалась под нажимом властей по мере превращения их в титульные народы. Соответственно, их численность менялась не только в результате демографических процессов, миграции или ассимиляции, но и политических решений властей. Для этого достаточно посмотреть результаты переписей по областям не только 1926 и 1937, 1939, но и 1920 года.

Путь к ответу на многие вопросы демографического развития страны в 1930-е гг. лежит в широком вовлечении информации на уровне районов, малых городов и даже сельсоветов, а также там, где это возможно, – местных переписей населения. Это позволит также лишний раз уточнить уровень качества статистических данных и оценки демографических потерь населения.

Снижение рождаемости

Оценки уровня рождаемости в 1930-х гг. имеют важное значение как с точки зрения изучения процесса демографического перехода на территории СССР, так и с точки зрения оценки потерь населения. Завышение уровня рождаемости влечет за собой переоценку (в сторону повышения) дефицита рождений и увеличение числа жертв среди родившихся в годы демографического кризиса.

Имеющиеся статистические данные и оценки различных ученых показывают, что к 1934 г. в стране произошло резкое падение абсолютных (Табл. 2) и относительных показателей рождаемости. Причем это снижение, как свидетельствуют данные ЦУНХУ, в равной мере охватило городское и сельское население. Так, в городах Европейской части РСФСР общий коэффициент рождаемости снизился на 41%, в сельской местности – на 35%, в городах Украины – на 40%, в селах – почти на 50%, в Белоруссии, где голода не было, в городах – на 37%, в сельской местности – на 47%. Примерно на ту же величину снизился суммарный коэффициент рождаемости. Согласно оценкам Андреева, Дарского и Харьковой, это снижение составило за 1927-1934 гг. в СССР почти 40%, в РСФСР – 46%. По оценкам, представленным в монографии Ж.-К. Шене (Chesnais, 1986), СКР за 1928-1935 г. сократился на 57.5%. Вместе с тем, стоит отметить, что данные свидетельствуют о пониженных показателях физического развития детей, родившихся в 1933-1934 гг. (Мерков, 1965).

Столь значительное падение уровня рождаемости не может объясняться сдвигами в возрастно-половой структуре, поскольку в эти годы в наиболее репродуктивных возрастах находились достаточно многочисленные поколения женщин 1905-1915 годов рождения. Падение рождаемости явилось реакцией населения страны на сложившуюся социально-экономическую обстановку, которая по целому набору признаков напоминала военную: разрыв супружеских связей в результате репрессий, миграции мужчин на

стройки социализма, ухудшение условий быта и питания, рост эпидемиологической кривой и пр. Среди непосредственных причин этого падения назовем резко возросшие миграции, рост внутрисемейного регулирования рождаемости (по крайней мере, в ряде регионов Советского Союза) и ухудшение здоровья населения. О важности последнего фактора свидетельствуют исследования демографов и медиков, проведенные в различных регионах мира, охваченных голодом, войнами, экономическими кризисами. Голод ограничивает физические возможности человека в сфере репродукции. Можно предположить, что, как во время любого кризиса, определенное количество браков, а, следовательно, и рождений, было отложено.

Таблица 2.

Динамика чисел родившихся в РСФСР*, УССР и БССР, 1927-1937

Годы	РСФСР		УССР		БССР	
	Родившиеся	1927 = 100%	Родившиеся	1927 = 100%	Родившиеся	1927 = 100%
1927	4167	100	1184	100	195	100
1928	4276	102,6	1139	100	187	95,8
1929	4139	99,3	1081	96,2	179	92,0
1930	3919	94,0	1023	91,3	184	94,5
1931	3573	85,7	975	86,4	183	94,3
1932	3340	80,2	782	82,3	158	81,1
1933	2705	64,9	471	66,0	124	63,7
1934	2628	63,1	572	39,7	110	56,4
1935	3340	80,2	759	48,3	153	78,5
1936	3648	87,5	895	64,1	177	90,9
1937	4198	100,7	1214	75,6	194	99,5

* - без Якутской АССР

Источник: РГАЭ, ф.1562,оп. 329, д.256.

Коллективизация сельского хозяйства с раскулачиванием, высокими нормами хлебозаготовок, оказала значительное влияние на брачное поведение населения. Были нарушены стимулы раннего вступления в брак у крестьян. По имеющимся оценкам число зарегистрированных браков в Центрально-Черноземном районе уже в марте 1930 года уменьшилось в 3,4 раза по сравнению с мартом 1929 года (Загоровский, 1993). Вплоть до 1934 г. в этом районе, как и в большинстве других областей России, Украины и Белоруссии повышения уровня брачности не наблюдалось.

Украинские демографы А.Л.Перковский и С.И.Пирожков попытались обосновать механизм снижения рождаемости при переходе от индивидуального хозяйства к коллективному следующим образом: "Объективный ход демографического развития, обусловленный именно сменою типа воспроизводства населения в результате демографической революции, был нарушен развернувшимися процессами индустриализации и коллективизации, которые существенно изменили демографическое поведение сельской семьи. Если раньше единоличник был заинтересован в рождении и воспитании большого числа детей как своих помощников и вместе с тем и наследников при семейном хозяйствовании на земле, то в условиях колхозного производства, когда крестьянский двор утратил самостоятельную производственную функцию, а трудовая деятельность его трудоспособных членов сместилась в основном в сферу коллективного хозяйства, Сказался и экономический интерес к большой численности детей, которые перестали быть для отцов опорой в хозяйстве. Поскольку большинство населения страны и республики [*Украины - М.Д.*] составило колхозное крестьянство, изменение его репродуктивного поведение играло решающую роль в формировании средних и малодетных семей" (Перковський, Пирожков, 1989).

В ряде работ отмечается, что в начале 1930-х гг. население страны, особенно сельское, не имело опыта сознательного ограничения деторождений и не было подготовлено к этому. Никакие средства контрацепции в это время широко не применялись. Поэтому низкое число учтенных рождений или соответствующих возрастных групп, полученных по результатам переписей 1937 г. и 1939 г., отражает смерти беременных и недоучет рано умерших детей (Максудов, 1989; Андреев, Дарский, Харькова,

1993). Однако с этим утверждением можно поспорить. В частности, о каких смертях беременных можно говорить в Белоруссии и ряде областей России, где не наблюдался резкий рост смертности, а рождаемость снизилась столь же сильно, как в районах, переживших голод. Как известно по литературе, первая мировая война явилась во многих странах генератором широкого распространения практики контроля рождаемости. В период первой мировой и гражданской войн значительная часть населения, прежде всего в городах европейской части страны, также приобрела знания и опыт в сфере ограничения рождаемости (Денисенко, 1994). В дальнейшем распространению этого опыта способствовала и легализация абортов в СССР в 1920 г.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что практика ограничения деторождений в стране заметно расширилась с конца 20-х гг. В период коллективизации количество абортов значительно возрастает в украинской деревне. Так, в Глинской сельской больнице на Кременчугщине число абортов за 1930-1933 гг. возросло в 4 раза (Левин Я., Левин М., 1943). Согласно данным медицинской статистики, в городах Украины в 1933 году на 100 рождений приходилось почти 400 абортов (!), а в сельской местности – 60, в целом по республике – 140. Эти цифры вполне сопоставимы с оценками уровня абортов в современной Украине (в городах даже заметно превышают его). В 1934 г. после насильственно проведенной коллективизации и тяжелейшего голода в сельской местности Украины на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет приходилось 75 абортов, а по республике в целом - 94 (Максудов, 1989). Для сравнения отметим, что в 1989 г. в УССР соответствующий показатель был равен 85,4 абортов на одну женщину в возрасте 15-49 лет.

Рост абортов наблюдался также в России. По данным Наркомздрава, в 1934 г. в РСФСР было произведено 700 тыс. абортов на 3 млн. рождений, в том числе в городах на 1000 населения приходилось 13,7 аборта, в селе – 4,4.(в 1926 г. только в 10 губерниях европейской части РСФСР эти цифры равнялись 9.1 и 0.5 соответственно) (Урланис, 1963). Но в отдельных районах, в первую очередь в крупных городах, распространенность абортов была значительно выше. Так, в Москве и в Ленинграде в 1932 году на 100 родившихся приходилось 150 абортов. В 1934 г. эти величины выросли соответственно до 285 и 197, что превышает

уровень современных аналогичных показателей. Заявки ленинградского медснабтреста на снабжение Ленинграда презервативами возросли с 3 млн. в 1933 г. до 4 млн. штук в 1934 г.

Влияние миграционных процессов на рождаемость в начале 30-х гг. отмечали известные отечественные демографы. Так, Б.Ц.Урланис связывал снижение рождаемости в стране в 1931-1935 гг. с "трудностями периода коллективизации и с большими миграционными процессами в связи с начавшейся индустриализацией страны" (Урланис, 1977). Подобную точку зрения разделял и другой видный советский демограф А.Я.Боярский: "В первой половине 1930-х годов имела место огромного масштаба миграция, а миграция всегда снижает рождаемость. Одновременно страна переживала трудности с продовольствием, была введена карточная система, что оказывало аналогичное влияние на рождаемость" (Боярский, 1974). Как известно, миграция влияет на снижение рождаемости следующим образом:

1) нарушает возрастно-половую структуру населения в районах выбытия мигрантов, разрывает на определенное время семейные узы;
2) у мигрантов, прибывающих из села в город, изменяется репродуктивное поведение в сторону малодетности;
3) трудности адаптации к новым условиям могут заставить мигрантов воздержаться от вступления в брак или рождения детей.

Миграционные процессы в 1930-х гг. по объему (миграционный оборот в 1935 г. достиг колоссальной величины - 24.4 млн. человек) и характеру были подобны воинским мобилизациям. Они надолго порой разлучали супругов, вызывали резкую диспропорцию полов. Например, на одной из важнейших строек первой пятилетки – Кузбассе – в начале 1931 г. среди горожан на 100 мужчин в возрасте от 18 до 39 лет приходилось 82 женщины, а 10% глав семей жили без своих семей. Следует также учитывать, что в этот период распространяется такая форма институциональных домохозяйств, как мужские и женские общежития.

Во второй половине 30-х гг. уровень рождаемости значительно повысился вследствие послекризисного компенсаторного процесса и

запрета абортов. Стремясь преодолеть последствия демографического кризиса, ЦИК и СНК СССР 27 июня 1936 г. принимают постановление "О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах" (Известия, 28 июня 1936 г.). Но последняя мера советского правительства имела лишь временный эффект.

Миграционные процессы

Оценки объемов и географии миграционных потоков в СССР – самое слабое место в изучении развития населения 1930-х гг. А без них трудно воссоздать реальную картину демографических изменений и оценить потери населения. Сложность проблемы связана как с противоречивостью имеющейся статистической информации, так и с тем, что миграционные процессы в годы социалистической индустриализации и коллективизации развивались очень бурно. Так, в период с конца 1926 г. по начало 1939 г. в стране наблюдались высокие темпы урбанизации и ежегодного миграционного прироста населения городов, средняя величина которого за период 1930-1940 гг. достигала примерно 2,4 млн. человек. Доля городского населения в общей численности населения страны увеличилась за этот период с 18 до 33%. Сельское население сократилось при этом не только относительно, но и абсолютно. В результате миграций и голода его численность уменьшилась на 9,8 млн. человек. Масштабы и интенсивность миграционных процессов в 1930-е гг. были самыми высокими в истории СССР (исключая, пожалуй, годы Великой Отечественной войны). Как видно из Табл. 3, миграционный оборот (сумма прибывших и выбывших) в среднем за 1928-1935 гг. достигал, несмотря на неполноту данных, 17 млн. человек, а в 1935 г. приближался к 25 млн. человек.

Резкое сокращение притока населения в города в 1933 г. вызвано переходом страны на паспортную систему с обязательной пропиской по месту жительства (Собрание законов, 1932). В газете "Известия" от 2 февраля 1933 г. ее введение объяснялось следующим образом: "Города растут чрезмерно. Снабжение городов, снабжение новостроек и обеспечение больших промышленных центров всеми

необходимыми продуктами становится делом сложным и трудным... Передвижение огромных масс населения сильно затрудняет его снабжение, загружает невероятно города, создает немыслимые жилищные условия...В это самое время многочисленные противники колхозов из деревни бегут в города". Введение паспортной системы явилось началом становления советской системы учета мигрантов. Паспортная система предопределила такую отличительную черту миграционного перехода в СССР как непосредственный контроль и организация переселений государством, усилившиеся с конца 30-х гг. Согласно оценкам А.В.Топилина, организованные миграции в 1930-40-е гг. занимали 30-40% общего объема миграционных потоков. С 1931 по 1940 гг., в порядке оргнабора в промышленность, на стройки и транспорт прибыло 28.7 млн. человек, причем в годы первых пятилеток – главным образом из сельской местности.

Таблица 3

Прибытие, выбытие и оседание населения в городах (тыс. чел.)

Годы	Прибыло	Выбыло	Механический прирост
1928	6 477	5 414	1 062
1929	6 958	5 566	1 392
1930	9 534	6 901	2 633
1931	10 810	6 710	4 100
1932	10 605	7 886	2 719
1933	7 416	6 644	772
1934	11 856	9 404	2 452
1935	13 526	10 999	2 527

Источник: Социалистическое строительство СССР. М., 1936.

Значительные изменения в размещении предприятий народного хозяйства – освоение природных ресурсов Севера и Востока и создание на их основе гигантских предприятий – предопределили основные направления в размещении населения. Всего из других районов страны в Сибирь, на Урал, на Дальний Восток за межпереписной период с 1926 по 1939 гг. в добровольной и принудительной формах переселилось более 3 млн. человек. На новостройки Казахстана и Средней Азии за те же годы переселилось 1.7 млн. человек. Интенсивным был отток сельского населения в промышленные центры, находящиеся в районах старого заселения в

Европейской части СССР. Московская область (включая столицу) поглотила в 1930-е гг. приблизительно 3.5 млн. человек, Ленинградская область вместе с городом на Неве – свыше 3.8 млн. Свыше 5.5 млн. человек мигрировали с территории, примыкавшей к Московской области в радиусе 350 км, преимущественно в Москву, Ленинград, Горький (Сонин, 1940). В шахтерских центрах Донбасса и Кривого Рога, в индустриальных Днепропетровске и Харькове миграционный прирост составил более 2 млн. человек, прибывших, главным образом, из западных областей Украины и из Центрально-Черноземного региона России. Около 0.5 млн. человек переселилось в нефтяную столицу страны – Баку.

С процессом коллективизации связано выселение значительного числа крестьян в отдаленные районы страны. Всего за 1930-1932 гг. в кулацкую ссылку за пределы своих регионов было отправлено более 380 тыс. семей общей численностью 1803,4 тыс. человека. За период с 1932 по 1940 гг. было выселено 2178 тыс. человек (Земсков, 1990, 2003; Ивницкий, 1962, 1995, 2000; Полян, 2001). К началу 1941 г. в местах спецпоселений находилось 930 тыс. бывших кулаков. Крестьяне-спецпоселенцы были активными участниками освоения природных богатств Севера, Сибири и Дальнего Востока, строителями многих строек-гигантов первых пятилеток. С их помощью удовлетворялась потребность государства в дешевой рабочей силе. Так, в Коми АССР более 8 тыс. кулацких семей (примерно 35 тыс. человек или более 10% населения республики) осваивали бассейн реки Печоры. Треть трудоспособных была занята на лесозаготовках (Ивницкий, 1972). Еще более значительными по объему были перемещения осужденных в места ссылки и заключения в 30-е гг. Общая численность заключенных только в системе ГУЛАГа увеличилась со 179 тыс. в 1930 г. до 1.7 млн. в 1940 г.

Последствия голода, раскулачивания с массовой высылкой крестьян в северные районы страны, а также уход крестьян в города были особенно печальны для южных и восточных областей Украины, Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Казахстана. Опустели целые сельские районы с плодородными землями, сельскохозяйственным инвентарем и постройками. В главных житницах порой не хватало людей, чтобы собирать урожай 1933 года и растить новый. С целью заполнения образовавшихся демографических пустот правительство СССР решает переселить

часть крестьян в пострадавшие районы. На Украину и в Сталинградскую область за осень 1933 – зиму 1934 гг. было переселено из центральных областей России более 200 тыс. человек. Кроме того, на Украине было организовано переселение из менее потерявших сельское население областей (Киевская, Винницкая, Черниговская) в более индустриальные и пострадавшие от голода (Донецкая, Одесская, Днепропетровская, Харьковская). В то же время на Северный Кавказ – очаг "контрреволюционного казачества" – было переселено свыше 40 тыс. бывших красноармейцев и членов их семей (Платунов, 1976).

Существенную роль в развитии страны в эти годы играли переселения из одних республик в другие. Так, по данным статистики в 1935 г. доля прибывших в города из других союзных республик составляла в РСФСР 12,8%, на Украине – 29,1%, в Белоруссии – 40,4%, в республиках Закавказья - 59.6%, в Узбекистане - 77.1%, в Туркмении – 66,5%, Таджикистане - 100%. Как мы видим, городское население Средней Азии и Закавказья формировалось главным образом за счет выходцев из Европейской части СССР. Эти данные являются достаточно приблизительными. Однако, гораздо большие трудности существуют при оценках межреспубликанских и межрегиональных переселений до 1935 года, поскольку система учета, основанная на процедурах прописки, еще не сформировалась. Мы знаем много о вынужденных переселениях в эти годы, но гораздо меньше – о добровольных. В РГАЭ (ф. 1562, оп.329) имеется информация о механическом приросте регионов СССР с 1927 по 1933 г. (Таблица 4). Очевидно, она не включает в себя информацию о вынужденных переселениях кулаков, но, вероятно, включает откочевки казахов за пределы страны. Но в целом методы получения приведенных в таблице цифр не известны. Тем не менее, из таблицы следует, что Украина, Белоруссия и Россия были регионами, отдававшими население Средней Азии и Закавказью.

Большая определенность существует в оценках внешней миграции СССР, поскольку с конца 1920-х гг. граница страны была закрыта. Эмиграционный отток из СССР в 1930-х гг. явился результатом перевода кочевников на оседлый образ жизни. За пределы Казахстана откочевало до 1,5 млн. человек, из них по разным оценкам от 200 до 600 тыс. человек - за границу СССР, главным образом в Китай (в 1960-1963 гг. вернулось 355 тыс.

бывших откочевщиков и их потомков) и Монголию (Абылхожин, Козыбаев, Татимов, 1989; Марианьский, 1966). По данным Р.Рупена, не менее 50 тыс. бурятов и хакасцев откочевало в те же страны (Конквест, 1988).

Таблица 4

Механический прирост регионов СССР с 1927 по 1933 г.

Регион	Прирост	Регион	Прирост
РСФСР	***-600 450***	Крымская АССР	5 408
в том числе: Северный край	123 035	Восточно-Сибирский край	81 127
Карельская АССР	69 271	Казахская АССР	-391 388
Ленинградская область	1 088 344	Каракалпакская АССР	15 569
Западная область	-656 049	Киргизская АССР	132954
Московская область	1 213 466	Якутская АССР	623
Ивановская промышленная область	-297 950	Дальне-Восточный край	412 993
Горьковский край	-210 568	Западно-Сибирский край	-246 006
Уральская область	307 628		
Башкирская АССР	-243 667	***Украинская ССР***	***-187 127***
Татарская АССР	-198 003	***Белорусская ССР***	***-262 410***
Средне-Волжский край	-407 574	***Узбекская ССР***	***311 491***
Центрально-Черноземная область	-572 060	***ЗСФСР***	***426 687***
Нижне-Волжский край	-582 445	***Таджикская ССР***	***168 509***
Северо-Кавказский край	-245 158	***Туркменская ССР***	***143 300***

Заключение

Демографическому кризису в СССР, разразившемуся в годы первых пятилеток, посвящено много исследований. После открытия в 1989 г. доступа к статистической информации, хранившейся в советских архивах, демографы и историки смогли продвинуться

вперед в воссоздании картины демографического развития страны и ее регионов, а также выявлении круга возможных причин демографического кризиса и оценках масштаба его последствий. Тем не менее, вопросы о причинах кризиса, его последствиях и потерях по-прежнему стоят на повестке дня. Это наглядно демонстрирует дискуссия, развернувшаяся вокруг истолкования проблемы голода на Украине, как акта геноцида против украинского народа.

Приблизиться к истине при изучении демографических процессов в один из ключевых моментов отечественной истории позволит, во-первых, переход к изучению демографических процессов на низовом территориальном уровне, т.е. на уровне сельских районов и отдельных населенных пунктов. Во-вторых, следует пересмотреть качество имеющейся статистической информации и разного рода оценок с учетом их региональных особенностей. В-третьих, при изучении тенденций и оценок потерь в 1930-х гг. следует уделять большое внимание не только смертности, но и процессам рождаемости и миграции. Не секрет, что величина как общих демографических, так и людских потерь, особенно для отдельных республик и регионов, очень чувствительна к ошибкам в оценках показателей этих двух компонент изменения численности населения.

Литература:

Абылхожин Ж., Козыбаев М., Татимов М. Казахстанская трагедия // Вопросы истории, 1989, № 7.

Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Опыт оценки численности населения СССР 1926-1941гг. // Вестник статистики 1990а, № 7.

Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Население Советского Союза: 1921-1991. – М.: Наука, 1993.

Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Демографическая история России: 1927-1959. – М.: Информатика, 1998.

Антонов Я. Повысить качество учета населения // План, 1935, № 6.

Араловец Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995, №1.

Александр Бабенышев (Сергей Максудов). Обращение к украинским парламентариям», 2007. http://www.ua-pravda.com/old/articles/lib/1558.php?mode=printable

Багатурова Л.М., Неймарк С.М. Пеллагра в СССР // Советская педиатрия, 1935, № 12.
Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые вопросы современной эпидемиологии. – М.: Медицина, 1968.
Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР. – М.: Новое издательство, 2005.
Боярский А.Я. (ред.) Курс демографии. – М., 1974.
Волков А.Г. Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. Экспресс-информация, серия: история статистики, выпуск 3-5 (часть III). – М.: Информцентр Госкомстата СССР, 1990 (а).
Волков А.Г. Шаг к правде (О статье Ф.Д.Лившица) // В сб.: Демографические процессы в СССР. Под ред. Волкова А.Г.- М.: Наука, 1990 (б).
Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998.
Вишневский А.Г. (ред.) Демографическая модернизация России. – М.: ОГИ, 2006.
Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М.:АН СССР. Ин-т истории СССР, 1991.
Голодомор 1932-1933 рр. на Чернігівщині мовою документів. Тематичний перелік. Чернігів, 2003.
«Голодомор 1932-1933 років – геноцид в Україні». Президент України Віктор Ющенко. Офіційне Интернет-представництво http://www.president.gov.ua/content/golodomor75_1.html
Голотик С.И., Минаев В.В. Население и власть. Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. – М., 2004.
Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. – М.: Росспэн, 2001.
Грациози А. Советский голод и украинский голодомор // Отечественные записки 2007, №1.
Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М.: Наука, 1983.
Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. и “демографической катастрофе” 30-40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3 (а).
Данилов В.П. Коллективизация: как это было. В кн.: Страницы истории КПСС: факты, проблемы, уроки. – М., 1988 (б).

Данилов В.П., Ивницкий Н.А. О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг. Под ред. В.П.Данилова и Н.А.Ивницкого. – М., 1989.

Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990, № 5.

Денисенко М.Б. Демографический кризис 1914-1922 гг. // Вестник Московского университета. Серия 18 Социология и политология. 1997, №2.

Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 гг. // История СССР, 1990, № 3.

Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом секретно. Всесоюзная перепись 1937 года. – М.: Наука 1996.

Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. – М.: РОССПЭН, 2003.

Загоровский В.П. Историческая демография Центрального Черноземья. В 20-30-е гг. XX в.: социальный и политический аспект // Тезисы докладов и сообщений Межвузовской научной конференции по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. 1993.

Загоровский В.П. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х гг. – Воронеж, 1998.

Земсков В.Н. Кулацкая ссылка в 30-е годы // Социологические исследования, 1990, № 10.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы (По документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования, 1990, № 11.

Земсков В.Н. Гулаг (историко-социологический аспект) // Социологические исследования, 1991, № 6-7.

Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект // История СССР. 1991, №5.

Земсков В.Н. "Кулацкая ссылка" накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования, 1992, № 2.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. – М.: Наука, 2003.

Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932). – М.: Наука, 1972.

Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов: кто виноват? Судьбы российского крестьянства. – М., 1995.

Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.). – М., 2000.

ИИ СССР (Институт истории СССР АН СССР) Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. – М., 1991.

ИРИ (Институт российской истории РАН) Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. – М., 1994.

ИРИ (Институт российской истории РАН) Население России в XX веке. Т.1 – М.: РОССПЭН, 2000.

Исупов В.А. Демографическая среда в эпоху сталинизма // В сб.: Актуальные проблемы истории Советской Сибири. – Новосибирск: Наука (Сиб. отд. АН СССР), 1990.

Исупов В.А. Смертность населения Западной Сибири (1932-33 гг.) / Тезисы докладов и сообщений VII всесоюзной конференции по исторической демографии (Донецк, 14-16 мая 1991 г.), часть 1. М.,1991.

Исупов В.А., Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. – Новосибирск: «Сибирский хронограф». 2000.

Каминский Л.С. Сдвиги в продолжительности жизни населения Ленинграда // В сб.: Каминский Л.С. Медицинская и демографическая статистика. – М.: Статистика, 1974.

Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективи-зация в Казахстане: трагедия крестьянства. – Алматы, 1992.

Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // В сб.: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. – М.: Экономика, 1989.

Киселев И.Н. Естественное движение населения в 1930-х гг. // В сб.: Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. – Москва, 1994.

Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов в деревнях Поволжья // Вопросы истории, 1991, № 6.

Кондрашин В.В. Общие демографические потери деревни Поволжья во время голода 1932-33 гг. / Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии (Донецк, 14-16 мая 1991 г.), часть 1. М.:1991.

Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. – Новосибирск: Статсектор Запсибкрайплана, 1931.

Культурное строительство СССР. Статистический сборник. – М.-Л.: Госпланиздат, 1940.

Кульчицкий С.В. Демографические последствия голода 1933 г. на Украине // Философская и социологическая мысль, № 6. – Киев: 1989.

Кульчицкий С.В. Сколько нас погибло от голодомора в 1933 году? Зеркало недели, № 45 (420) 23-29 ноября 2002 г. http://www.zn.ua/3000/3150/36833/.
Кульчицький С., Єфіменко Г. Демографічні наслідки голодомору 1933 р. в Україні. Всесоюзний перепис 1937 р. в Україні: документи та матеріали. – Київ, 2003.
Курман М. К вопросу об учете естественного движения населения // План, 1935, № 4.
Кусянгалиев М. В борьбе за оседание трудящихся казаков // Народное хозяйство Казахстана, 1932, № 10-11.
Левин Я.М, Левин М.М. Аборт на селе // Журнал акушерства и женских болезней, 1934, т.35, № 4.
Лившиц Ф.Д. Перепись населения 1937 г. // В сб.: Демографические процессы в СССР. – М.: Наука, 1990.
Максудов С. География голода 1933 года // СССР: внутренние противоречия, 1983, № 7.
Максудов С. Голод 1933 года в партийных и правительственных постановлениях // СССР: Внутренние противоречия, 1984. Вып.10.
Максудов С. Потери населения СССР. Benson (vt), 1989.
Марианьский А. Современные миграции населения. – М.: Статистика,1966.
Мерков А.М. Физическое развитие новорожденных Харькова // В сб.: Здоровье населения и методы его изучения. – М.: Статистика, 1965.
Морозова А.Н., Гок-Смрчек В.А., Ковтун З.П. Анализ причин смертности новорожденных за 1931-1934 гг. // Акушерство и гинекология, 1936, N 5.
Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929-1932 гг.). – М., 1966
Наше отечество. Опыт политической истории. т. 2. – М.: 1991.
Осколков Е. Н. Голод 1932 -1933. – Ростов на Дону., 1991.
Осокина Е.А., Жертвы голода 1933 года: Сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991 № 5.
Осокина Е.А., Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения.1928-1935 гг. – М.: Издательство МГОУ. 1993.
Перковський А.Л., Пирожков С.І. Демографічні втрати Української РСР у 30-ті роки // Український історичний журнал, 1989, № 8.
Писарев И.Ю. К итогам переписи населения СССР 1939 г. // Проблемы экономики, 1940, № 7.

Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 - июнь 1941г.). – Томск: Изд. Томского университета, 1976.
Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования, 1990, № 6-8.
Полян П. Не по своей воле…История и география принудительных репатриаций в СССР. – М.:ОГИ - Мемориал, 2001.
Прокопович С.Н. Идея планирования и итоги пятилетки. – Париж: 1934.
Санитарно-гигиенический очерк г. Кемерово. – Новосибирск:1937.
Семенов Т. Местные переписи населения 1931 г. // Народное хозяйство СССР, 1932, № 3-4.
Сломить кулацкий саботаж хлебозаготовок. – М.: 1932.
Смулевич Б. Усилить внимание демографическому фронту // Вестник коммунистической академии, 1934, № 4.
Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, 1932 № 8.
Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, 1934 № 36.
Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, 1936 № 44.
Соколов М.Н. К характеристике аборта в Ленинградской области / В сб.: Медицинский сборник. Вопросы социальной патологии и клиники в районах Ленинградской области. – Л.: Изд. Леноблздравотдела, 1934.
Сонин М.Я. Вопросы переселения в третьей пятилетке // Проблемы экономики, 1940, N 3.
Социалистическое строительство СССР. – М.: 1934.
Социалистическое строительство СССР. – М.: 1936.
Социалистическое строительство СССР за 1933-1938 гг. – М.: 1939.
Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927-1939. – М., 1999-2004.
Тольц М.С. Дело о пропавшей переписи // Огонек, 1988
Тольц М.С. Статистика как инструмент политики Советского Союза // Социологический журнал, 2004, № 4.
Топилин А.В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. – М.: Статистика, 1975.
Трет'я Конференція Комуністичої партіі (більшовиків) Украіни, 6-9 липня 1932 року. Стенографічний звіт. – Харків: 1932.
Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. – М., 1963.

Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти // В кн.: Брачность , рождаемость, смертность в России и в СССР. Под ред. Вишневского А.Г. – М.: Статистика, 1977.

Цаплин Е.В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов // Вопросы истории, 1991, N 4-5.

Цаплин Е.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории, 1989, № 4.

ЦСУ СССР. Численность, состав и движение населения СССР. Статистические материалы. – М.,1965.

Чураев А. Улучшить учет естественного движения населения // План, 1935, № 1.

Adamets S., Blum A., Zakharov S. Disparitiés et variabilités des catastrophes démographiques en URSS // Dossiers et Recherches, N°42. Paris : INED. 1994.

Anderson B.A., Silver B.D. Demographic Analysis and Population Catastrophes in the USSR // Slavic review, 1985, Vol.44, № 3.

Avdeev A., Blum A., Troitskaja I. L'avorment et la contraception en Russie et dans l'ex-URSS: histoire et présent. Dossiers et Recherches, N° 41. Paris : INED. 1993.

Biraben J.N. Naissances et réparation par age dans l'Empire russe et en Union Soviétique // Population, 1976, № 2.

Biraben J.N. Essai sur l'Evolution Démographique de l'URSS // Population, 1958 June, XIII, № 2a.

Blum A. Naître, vivre et mourir en URSS. – Payot, Paris, 2004 (1re édition, 1994)

Chapman J. Consumption and Economic Trends in the Soviet Union. – Cambridge: Harvard University Press, 1963.

Chesnais J.C., La transition démographique. – Paris: PUF, 1986.

Conquest R. The Harvest of Sorrow. – London: Arrow books, 1988.

Dalrymple D.G. The Soviet Famine of 1932-1934 // Soviet Studies, 1964, Vol. XIV, № 1.

Dalrymple D.G. The Soviet Famine of 1932-1934. Some Further Reference // Soviet Studies, 1965, Vol. XVI, № 4.

Davies R.W. The Industrialization of Soviet Russia. Volume 1: *The Socialist Offensive:* The Collectivization of Soviet Agriculture 1929-1930. – Harvard University Press, 1980.

Davies R.W. The Industrialization of Soviet Russia. Volume 2 *The Soviet Collective Farm, 1929-1930.* – Harvard University Press 1980.

Davies R.W. The Industrialization of Soviet Russia. *V*olume 3. *Soviet Economy in Turmoil, 1929-1930.* – Harvard University Press, 1989.

Davies R.W., Wheatcroft S.G. Stalin and the Soviet Famine of 1932-33: A Reply to Ellman. // Europe-Asia Studies, 2006, Vol. 58, № 4.
Davies R.W., Wheatcroft S.G. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931-1933. Volume 5 of The Industrialization of Soviet Russia. – Basingstoke (England) and New York: Palgrave Macmillan, 2004.
Dyadkin I.G. Unnatural Deaths in the USSR 1928-1954. – New Brunswick, New Jersey, Transaction Books, Rutgers. The State University, 1983.
Eason W.W. Labour Force in Economic Trends in the Soviet Union. – Cambridge: Harvard University Press, 1963.
Graziosi A. The Great Famine of 1932–33: Consequences and Implications // Harvard Ukrainian Studies, 2001, № 3/4.
Lorimer F. Recent population trends in the Soviet Union // American Sociological Review, № 3, 1944.
Lorimer F. The population of the Soviet Union: history and prospects. – Geneva: League of Nations, 1946
Mace J.E. Famine and Nationalism in Soviet Ukraine // Problems of Communism, Vol. XXXIII, № 3, 1984 (May-June)
Mace J. Intellectual Europe on Ukrainian Genocide // The Day Weekly Digest, Kyiv, Tuesday, October 21, 2003.
Maksudov S. Pertes subies par la population de l'URSS, 1918-1958 // Cahiers du monde russe et soviétique , 1977, № 18.
Maksudov S. Ukraine's Demographic Losses 1927-1938 // In: Roman Serbyn and Bohdan Kravchenko eds, Famine in Ukraine. – Edmonton, 1986.
Nove A. How Many Victims in the 1930s? // Soviet Studies, 1990, № 42.
Pyrozhkov S. Les pertes démographiques en Ukraine dans les années 1930 et 1940 // Population 1996, Vol.51, №4-5.
Rosefield S. An Assessment of the Sources and uses of Gulag Forced Labour 1929-56 // Soviet Studies, Vol. XXXIII, № 1, 1981.
Rosefield S. Excess mortality in the Soviet Union: a reconsideration of the demographic consequences of Forced Industrialization 1929-1949 // Soviet Studies, 1983, Vol. XXXV, № 3.
Rosefield S. New demographic Evidence on collectivization Deaths: A Rejoinder to Stephen Wheatcroft // Slavic Review, 1985, Vol. 43, № 3.
Tauger M. The 1932 Harvest and the Famine of 1933 // Slavic Review 1991, Vol. 50, Spring.
Wheatcroft S.G. Famine and factors affecting mortality in the USSR: the demographic crises of 1914-1922 and 1930-1933. – CREES, Birmingham. 1981.
Wheatcroft S.G. On assessing the size of forced concentration camp labour in the SU 1929-1956 // Soviet Studies, Vol. XXXIII, № 2, 1981.

Wheatcroft S.G. New Demographic Evidence on Excess Collectivization deaths: yet another klukva from Steven Rosefield // Slavic Review, 1985, Vol. l43, № 3.

Wheatcroft S.G. More light on the scale of repression and excess mortality in the Soviet Union in the 1930s // Soviet Studies, Vol.42, № 2, April 1990.

Wheatcroft S.G. Towards Explaining the Soviet Famine of 1931-1933: Political and Natural Factors in Perspective // Food and Foodways. 2004. Vol. 12, №. 2-3, pp. 104-136.

Vallin J., Mesle F., Adamets S., Pyrozhkov S., A new estimate of Ukrainian population losses during the crises of the 1930s and 1940s // Population Studies, 2002, Vol. 56: 249-264

В. Жиромская

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война унесла не только миллионы жизней, но и подорвала здоровье людей. Трудности и лишения военного и послевоенного периода способствовали оживлению тех болезней, с которыми отечественной медициной успешно велась борьба все предвоенные годы. Это такие болезни как оспа, тиф со всеми его разновидностями, туберкулез, малярия и т.д.

Оглядываясь назад, в то далекое для нас время, надо признать, что тогда люди, несмотря на крайнее напряжение всех физических и духовных сил, отданных во имя победы, совершили в послевоенное время трудовой подвиг не менее великий, чем победа над фашизмом, ценой невероятных усилий за короткое время восстановив страну. Все эти трудности имели долгосрочные последствия для здоровья людей.

География распространения инфекционных заболеваний в первые послевоенные годы была достаточно обширной. Отдельные их вспышки наблюдались почти повсеместно. Проблема, стоявшая перед отечественной медициной, – не допустить возникновения эпидемий – продолжала оставаться актуальной.

Малярия стала подлинным бичом и проклятьем послевоенного периода. Следует отметить, что климат на большей части территории страны не располагал к развитию этой болезни, и традиционно российское население малярией в своем большинстве не страдало. Однако активные перемещения населения в военное время и в первые послевоенные годы, эвакуация людей, а затем – их реэвакуация, строительство новых промышленных баз в южных и восточных районах РСФСР и СССР, и связанные с этим активные миграции между Россией, Казахстаном и Средней Азией были причиной повышенной заболеваемости малярией. Этому способствовало также отсутствие у населения большинства районов России противомалярийного иммунитета.

В период острого течения болезни малярия буквально изматывает человека, снижая его не только трудо-, но и жизнеспособность. На людей, ослабленных войной и трудностями

послевоенного периода, она действовала особенно сильно. Опасность малярии, которая может привести и к летальному исходу, усугубляется тем, что она поражает людей разного возраста, в том числе детей. У людей, переболевших малярией, часто остаются последствия – увеличение и боли в селезенке, нарушения в работе печени. Малярия оставляет долгий, практически пожизненный след в составе крови. Переболевшие не могут быть донорами, даже для близких родственников. У матерей, переболевших малярией, дети рождаются с увеличенной селезенкой. Иногда это с возрастом проходит, но не всегда.

В 1945 г. в РСФСР насчитывалось 2 млн. больных малярией, причем 33% из них относилось к «свежезаболевшим» (по терминологии того времени). Малярия фиксировалась во всех без исключения районах и областях России. Например, в Новгородской области – 10 тыс. случаев, из них 44% «свежих», в Рязанской – 34 тыс. случаев (42% «свежих»), в Смоленской – 57 тыс. случаев (42% «свежих»), во Владимирской – 17 тыс., из них 47% «свежих».[1] Статистика позволяет отметить наиболее крупные очаги заболеваемости малярией в 1945 году. Свыше 100 тыс. заболевших насчитывалось в Краснодарском крае, Брянской и Воронежской областях, свыше 50 тыс. – в Красноярском крае, Московской, Горьковской, Куйбышевской, Курской, Орловской, Ростовской, Саратовской, Смоленской, Сталинградской, Тамбовской, Чкаловской областях, Башкирской и Татарской АССР[2]. Везде было значительное число «свежих» заболеваний.

Эффективная борьба с малярией велась на государственном уровне. Осушение болот, обработка водоемов, разработка новых лекарственных препаратов, широкое применение профилактических мер, на что были выделены немалые по тем временам средства, довольно быстро начали давать положительные результаты.

В 1946 г. число больных начало уменьшаться, даже в условиях продолжающихся активных миграций. Так, больных в РСФСР насчитывалось уже 1,6 млн., то есть заметно меньше, чем в предшествующем году. Но из них «свежезаболевших» было по-прежнему более 30%. Лечение проводилось успешно, но перелома в росте заболеваемости еще не было. Для этого потребовалось

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д.362. Л.78-79, 83-84 (подсчеты автора).
[2] Там же.

несколько лет. В 1946 г., хотя число крупных очагов сократилось, болезнь еще фиксировалась во всех регионах России. В Краснодарском крае число больных превышало 100 тыс., в Брянской, Московской, Смоленской, Чкаловской, Татарской АССР – по 50 тыс.

Были и районы, где ситуация с заболеваемостью малярией существенно не улучшилась. Это, прежде всего, уже неоднократно упоминавшиеся Смоленская и Чкаловская области, кроме того - Приморье, Красноярский и Хабаровский края, а также Кемерово, Новосибирская область, Якутская АССР. В этих регионах, впрочем, малярия было распространена традиционно.

Рост заболеваемости отмечен в Чувашской и Северо-Осетинской АССР, а также в Ленинграде и Ленинградской области. В последнем случае это было связано с возвращением в Ленинград эвакуированного населения, в том числе из районов, сильно зараженных малярией.

В районах, нетипичных для распространения этого заболевания, как правило, произошло заметное сокращение и заболевших, и «свежезаболевших». Во Владимирской области за год число больных уменьшилось на 29%, а «свежезаболевших» (первичных) – на 25%, в Ярославской – на 30 и 41% соответственно, в Ивановской – на 23 и 20%, в Пензенской – несколько менее – на 10 и 2,5%[1], однако и здесь все же сокращение наметилось. В очень многих районах сократилось число больных, в основном за счет излечившихся. Смертность от малярии была невысока, а приток заболевших все еще значителен. Болезнь была более распространена в сельской местности, на которую приходилось 70% заболевших. Госпитализация использовалась редко, только в самых тяжелых случаях. Госпитализировано было в 1946 г. всего 11% больных.

Таким образом, благоприятные тенденции в структуре заболеваемости малярией уже начали проявляться.

Во многих регионах России фиксировались вспышки и отдельные случаи опасного остроинфекционного заболевания – **брюшного тифа**. Городское население было больше подвержено заболеваемости брюшным тифом, что объясняется и большей плотностью заселения, и постоянным притоком мигрантов.

Не является неожиданным и тот факт, что более всего случаев наблюдается в 1945 г. в Москве – более 2,7 тыс. зарегистрированных

[1] Там же (подсчеты автора).

больных[1]. Следует заметить, что санитарно-противоэпидемический контроль тогда охватывал практически всю территорию России, и число зарегистрированных случаев достаточно точно отражает действительное положение вещей. Причем практически все больные в Москве были госпитализированы. Вне больниц проходило лечение не более 10 человек: несложные случаи или случаи, когда болезнь была определена уже на стадии выздоровления.

В Ленинграде обстановка в этом плане была более благополучной, но и там в 1945 г. было зафиксировано около 1 тыс. случаев заболевания брюшным тифом.

В 1945 г. тиф чаще всего встречался в Сибири и на Урале. Дальний Восток и Европейская Россия были задеты им в меньшей степени. Так, в Алтайском крае было отмечено 1,5 тыс. случаев заболеваний, в г. Новосибирске – около 2 тыс., в Иркутской и Омской областях – около 1 тысячи случаев в каждой, в Свердловской – 1,3 тыс., в Кемеровской – 2,5 тыс., в Красноярском крае – 1 тыс. В Читинской области было также зарегистрировано около тысячи больных, в Хабаровском и Приморском краях уровень заболеваемости был невысок – заболевшие исчислялись несколькими сотнями.

Фиксировался брюшной тиф и в областях, пограничных с Казахстаном: например, в Курганской области было в 1945 г. около тысячи заболеваний.

Что касается Европейской России, то там случаи тифа встречались чаще в южных и северных районах. Однако далеко не все северные и далеко не все южные районы были отмечены распространением этого заболевания. Так, в Вологодской области зафиксировано 960 заболевших, а в Коми АССР – менее 100, в Ростовской области – 1100, а на Северном Кавказе – единичные случаи. Обстановка в Поволжье (несмотря на то, что желудочно-кишечные инфекции очень часто распространяются в районах, прилегающих к руслам больших рек) была в 1945 г. довольно благополучной: в Чувашии, Удмуртии, Саратовской, Горьковской областях вспышек «брюшняка» не отмечалось. Даже в Астрахани, где желудочные инфекции особенно активны, было отмечено менее 500 случаев, что относительно немного для данного периода. Однако были и тревожные ситуации. В Ярославской области была

[1] Там же. Л.3-4.

зарегистрирована явная вспышка – 1,3 тыс. заболеваний[1]. Это явление было тревожным симптомом, создавая угрозу для прилегающих к водной артерии районов.

Таким образом, в конце войны этот тип кишечно-желудочной инфекции отмечался во многих районах, но явной угрозы эпидемии не было. Борьбе с этим заболеванием уделялось со стороны врачебно-санитарных органов большое внимание. Лечение осуществлялось в специализированных инфекционных больницах. Из всех заболевших в целом по РСФСР было госпитализировано 99%. По районам этот процент колебался от 98 до 100.

Смертность от брюшного тифа в этот период была очень низкой, подавляющее большинство больных выздоравливало.

Таким образом, вопреки распространенному мнению, география заболеваний не связана прямо и единственно с расположением мест заключения, хотя этот фактор, безусловно, играл роль. Вспышки брюшного тифа были и в районах сосредоточения эвакуированных, и в перенаселенных промышленных центрах, и в районах крупных транспортных развязок.

В 1946 г. эпидемий брюшного тифа также не было, но, вместе с тем, имевшиеся отдельные вспышки требовали усиленного внимания медиков и администрации, прежде всего городской. По-прежнему в основном страдало городское население, но и в сельской местности наблюдались случаи заболеваемости. Так, в большинстве регионов, где отмечались в 1946 г. вспышки тифа, на городское население приходилось от 55 до 85 % от всех заболевших: в Кемеровской области – 84%, в Краснодарском крае – 63%, в Пензенской области – 63, в Ростовской – 72, в Саратовской – 55%, и т.д. В целом по РСФСР доля горожан среди заболевших брюшным тифом составляла 61%[2]. Естественно, что в районах с преобладанием сельского населения случаев заболеваний в деревне было больше, однако все-таки лидировало городское население. Но бывали и исключения. Например, в Воронежской области более 70% заболевших приходилось именно на сельское население. Хотя недоучета заболеваний в тот период было немного, но они все-таки встречались, и в основном в сельской местности, поэтому число

[1] Там же.
[2] Там же.

заболевших там было несколько больше, чем зарегистрировано статистикой. Однако госпитализировалось сельское население в не меньшей степени, чем городское. В той же Воронежской области в 1946 г. отмечена стопроцентная госпитализация заболевших и по городу, и по селу. Результативность этих мер подтверждается успешным предотвращением массовых эпидемий.

Это предотвращение требовало напряженного и постоянного внимания со стороны медицинских и санитарных учреждений. Стоило медикам, санитарному контролю и статистикам «расслабиться», последствия этого были бы необратимы. Вспышки и учащение случаев заболеваний фиксировались то там, то здесь. Будучи подавлены в одном регионе, они тут же возникали в другом. Это относится не только к тифозным, но и ко многим другим видам инфекций. Почва для их распространения была подготовлена войной. Это и интенсивные миграции, в том числе из удаленных мест, резкая смена привычных условий жизни, поток демобилизованных, затрудненность адаптации в местах эва- и реэвакуации, истощенное, измотанное физически и морально войной население; это и постоянно возникающий и не изживаемый в этих сложных условиях дефицит лекарств и медицинских кадров, нарушения в санитарном состоянии поселений и учреждений, это и огромная перегруженность городского и междугороднего транспорта – все вместе взято крайне способствовало возникновению широкомасштабных эпидемий. Для их предотвращения необходимо было вести энергичную антиинфекционную кампанию.

Большую роль в распространении тифа сыграл начинающийся голод. По России число заболевших брюшным тифом с 1945 по 1946 г. увеличилось с 48 до 59 тыс.

В Москве и в 1946 г. был отмечен более высокий, чем прежде, уровень заболеваемости брюшным тифом – 3,4 тыс. больных, то есть их число увеличилось на 26%. Такая ситуация связана, кроме прежде называвшихся причин высокой заболеваемости инфекционными болезнями в крупном промышленном, административном и транспортном центре, еще и распространением тифозной инфекции в Центральном районе и Поволжье. Оттуда в Москву прибывал интенсивный пассажирский поток, в том числе в связи с реэвакуацией и начинавшимся бегством из голодных мест.

Действительно в Поволжье, в Промышленном и Черноземном центре России фиксировалось в 1946 г. значительное число

заболеваний, в отличие от 1945 г. Так, в Саратовской области было в 1946 г. зафиксировано 1,2 тыс. заболевших, а сверх этого в городе Саратове – 1,5 тыс., в Ярославской области – около 1 тыс., в Рязанской – 1,1 тыс., в Воронежской – 2,3 тыс., в Курской – 2,4 тыс., Тамбовской – 1,5 тыс., в Пензенской – 1,6 тыс.[1] и т.д.

В автономиях Поволжья не было особого напряжения в плане заболеваемости брюшным тифом: в Чувашии – менее 100 случаев, в Марийской АССР – менее 80 и т.д. Выделяется довольно большим числом заболеваний Татарстан – 600 случаев, причем на 20% больше, чем в 1945 г.

Повысилась заболеваемость брюшным тифом на Юге России: в Краснодарском крае – до 1 тыс. случаев; в Ростовской области (Ростов-на-Дону) – до 3,2 тыс. (это был один из эпицентров заболеваемости). При этом на Северном Кавказе была стабильно низкая заболеваемость: в его районах и автономиях отмечалось по нескольку десятков такого рода случаев, иногда – немногим более 100.

В Северном и Северо-Западном регионах заболеваемость брюшным тифом оставалась низкой, а в тех районах, где в 1945 г. отмечалось оживление этого типа инфекции, число случаев сократилось. Иными словами, происходила нормализация обстановки. Так, в Мурманской области отмечено в 1946 г. всего 60 случаев заболеваний, в Коми АССР – около 100, в неблагополучной в предшествующем году Вологодской области – 420 случаев (то есть сокращение произошло почти вдвое), в Ленинграде – 800 случаев, что на 11% меньше, чем в 1945 г. Конечно, в Ленинграде сокращение заболеваемости относительно невелико, однако для столь крупного города, жестоко пострадавшего в войну, в условиях активно идущей демобилизации и реэвакуации это – проявление благоприятной тенденции. В целом в центре и на юге России ситуация с заболеваемостью брюшным тифом в 1946 г. была тревожной[2].

В Сибири и в Уральском регионе в 1946 г. ситуация заболеваемостью брюшным тифом нормализовалась, число заболеваний сократилось. В Красноярском крае и на Алтае число заболеваний снизилось вдвое, в Кемеровской области – в 2,5 раза, в Свердловске – на 33%. Более чем в четыре раза сократилась

[1] Там же.
[2] Там же.

заболеваемость брюшным тифом в Курганской области. Однако даже в Сибири положение не было устойчиво благополучным. Например, в г. Новосибирске сохранялся по-прежнему высокий уровень заболеваемости – более 1,6 тыс. случаев за год. Тревожной была ситуация в Читинской области, где число заболеваний возросло на 60% и превысило 1,6 тыс.[1]

На Дальнем Востоке число заболевших заметно возросло. Так, в Приморском крае было зафиксировано более 750 случаев заболеваний вместо 460 в предшествующем году, а в Хабаровском крае – более 700 случаев вместо 300. Нельзя сказать, чтобы это были самые неблагополучные в плане заболеваемости тифом регионы Российской Федерации, однако значительный рост числа заболеваний налицо.

Сыпной тиф - остроинфекционная болезнь также возникала в послевоенные годы в виде вспышек в отдельных эпицентрах. Эпидемию удалось предотвратить, хотя угроза ее возникновения продолжала существовать. Ситуация была более сложной, чем с брюшным тифом. В 1945 г. было зафиксировано довольно много случаев заболевания сыпняком – 122,8 тыс[2]. Причем заболевания фиксировались практически во всех регионах России. Довольно высокая заболеваемость фиксировалась в Западном, Северо-Западном и Южном регионах, на Северном Кавказе, во всем Поволжье, в Центральном Черноземье, в Промышленном Центре, в Сибири, в Уральском регионе (см. Табл.1).

Столь значительное число очагов заболевания несло в себе реальную опасность возникновения эпидемии. Причин существования и распространения сыпного тифа в послевоенной России хватало: истощение, недостаточное питание, распространение педикулеза, с которым отчаянно боролись санитарно-медицинские организации, однако он вспыхивал вновь и вновь. Влияли на распространение тифозной инфекции и лагеря, в том числе лагеря для военнопленных. Способствовали распространению сыпняка и мигранты. Не следует забывать, что на оккупированных территориях фашисты специально заражали население различными инфекциями и не оказывали медицинской помощи. Эти действия являлись частью политики геноцида «расово неполноценных» неарийских народов.

[1] Там же.
[2] Там же. Л. 23-24.

Особенно активно подобные действия осуществлялись оккупантами при отступлении гитлеровской армии. Не случайно мы видим в 1945 г. вспышки инфекции в западных, северо-западных и некоторых центральных областях, подвергшихся оккупации.

Таблица 1

Число случаев заболевания сыпным тифом в 1945 году*

Регион	Число случаев (тыс.)	Регион	Число случаев (тыс.)
Смоленская обл.	4.5	Воронежская обл.	3.4
Брянская обл.	3.8	Тамбовская обл.	2.5
Псковская обл.	2.0	Рязанская обл.	2.6
Новгородская обл.	2.8	Тульская обл.	2.5
Дагестан	4.0	Московская обл.	3.0
Кабарда	2.0	Тюменская обл.	2.3
Ставропольский край	2.6	Омская обл.	2.8
Краснодарский край	1.8	Новосибирская обл.	2.5
Татария	3.2	Челябинская обл.	2.0
Чувашия	3.0	Башкирия	3.7
Горьковская обл.	3.3	Красноярский край	3.2
Курская обл.	3.8	Алтайский край	4.5

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д.362. Л. 23-24.

Относительно благополучная обстановка наблюдалась лишь на Дальнем Востоке: в Хабаровском крае было отмечено менее 200 случаев заболевания сыпным тифом, в Приморье – лишь 60.

В крупнейших городах обстановка была довольно тревожной, особенно в Москве, где в 1945 г. насчитывалось более 1,8 тыс. заболевших сыпным тифом, а в Ленинграде – 0,8 тыс.[1].

В 1946 г. практически повсеместно наблюдается снижение заболеваемости сыпным тифом, причем значительное. В целом по России отмечено 64,5 тыс. случаев заболевания, то есть на 50% меньше, чем в 1945 г. В Сибири это снижение достигает 50%, в Западных областях – почти 60, в Центральных – 40-50% и.т.д.

[1] Там же. Л.23.

Несколько слабее происходит это снижение в Поволжье (Татарская, Удмуртская АССР, Куйбышевская область) – на 30-35%, несколько быстрее в Чувашии – почти в 2 раза. В Саратовской же области, например, заболеваемость сыпняком осталась на том же уровне. В Москве хотя и произошло ощутимое снижение числа заболеваний, но их еще довольно много – 1,1 тыс. В Ленинграде количество больных снизилось до 0,4 тыс.

Особенно значительно снизилась заболеваемость в автономиях Северного Кавказа: в Дагестане – в 4 раза, в Кабарде – в 2, составив по 1 тыс. случаев, в Северной Осетии – с 1,5 тыс. до 0,2 тыс.

Однако были и немногочисленные районы, где заболеваемость сыпняком повысилась – в Рязанской области с 2,6 до 3,8 тыс. заболеваний, в Тамбовской – с 2,5 тыс. до 3,3 тыс., в Коми АССР – с 0,8 до 1,2 тыс.[1] Иными словами, несмотря на заметные успехи в подавлении тифозной инфекции, терять бдительность органам здравоохранения было рано. Сама дисперсность названных очагов внушала тревогу, особенно если учесть надвигавшийся голод.

Традиционно больных сыпным тифом госпитализировали. Доля госпитализированных в 1946 г. составляла 98% от всех заболевших.

Сыпной тиф был распространен как в городской, так и в сельской местности. В сельской даже более: из всех заболевших сыпным тифом в России в первый послевоенный год только 22% случаев пришлось на городскую местность, остальные – на сельскую. Естественно, что в индустриально-развитых областях процент заболевших в сельской местности несколько ниже – 45-55 (например, Свердловская, Челябинская). Напротив, в Черноземье он достигает 90 (Орловская, Тамбовская)[2].

Возвратный тиф сразу после войны был относительно мало распространен, причем заболеваемость им сокращалась. В 1945 г. в России было отмечено всего 15,9 тыс. случаев заболевания, а в 1946 г. значительно меньше – 6,8 тыс.[3] Во многих регионах эта болезнь практически отсутствовала, в некоторых – отмечались отдельные случаи. Однако в 1945 г. было несколько очагов на территории Европейской России: в Брянской области – 2,5 тыс., в

[1] Там же. Л.23-24.
[2] Там же.Л. 23 (подсчеты автора).
[3] Там же. Л.28.

Калужской – 2,2 тыс., в Астраханской – 2,8 тыс. случаев заболеваний. Неблагополучно было в этом плане на Северном Кавказе: в Краснодарском крае была зафиксирована 1 тыс. случаев, в Грозненской области – 0,9 тыс., в Дагестанской АССР – 1,3 тыс.[1] В 1946 г. заболеваемость во многих из названных районов многократно уменьшилась. Например, в Астраханской области было зафиксировано всего 0,4 тыс. заболеваний, в Калужской – 0,3 и т.д. Упорнее был очаг на Северном Кавказе – в Грозненской области заболеваемость осталась почти на прежнем уровне, а в Дагестане даже повысилась на 30%[2].

Вспышки возвратного тифа наблюдались в январе-феврале. Болезнь была распространена преимущественно в сельской местности – из всех зарегистрированных в 1946 г. случаев 65% пришлось на сельское население. Например, в Калужской области – 90%, в Астраханской – 87%, в Дагестанской АССР – 65% случаев заболевания было отмечено в сельской местности.

Даже в крупнейших городах, где, как мы видим, с инфекционной обстановкой было неблагополучно, возвратный тиф не имел особого распространения. В 1946 г. в Москве был отмечен 121 случай заболевания, в Ленинграде – 17.

Больные возвратным тифом лечились в основном стационарно. Из всех заболевших было госпитализировано 99%[3].

В последний военный и первый послевоенный год **паратиф** был распространен незначительно. Случаи заболевания паратифом фиксируются в регионах России, как правило, десятками, иногда несколькими сотнями. Больше всего случаев заболеваний паратифом в 1945 г. было в Москве – более 700, в Саратове – также более 700, и в Ленинграде – более 500[4]. В 1946 г. по количеству заболеваний паратифом выделяются Москва – около 1 тыс., и город Саратов – более 700 случаев. В целом, кроме этих двух эпицентров, ситуация была благополучной. Преобладали отдельные случаи, а не очаговые вспышки. Заболевших, как правило, лечили в больничных условиях.

[1] Там же. Л.28-29.
[2] Там же (подсчеты автора).
[3] Там же (подсчеты автора).
[4] Там же. Л.8.

Из всех зарегистрированных заболевших было госпитализировано 99%[1].

Большинство заболевших находилось на момент заболевания в городах. Однако во многих областях России паратиф больше был распространен в сельской местности. В Горьковской области в селах и деревнях было отмечено 62% из всех случаев заболевания, в Воронежской – 75%, в Калининской – 58%, в Калужской – 66%, в Курской – 57%, в Рязанской – 60%, в Сталинградской – 72%, в Тульской – 56%[2] и т.д.

Даже в военных условиях удалось избежать распространения **оспы** в России. В 1945 г. были отмечены единичные случаи этого заболевания. В 1946 г. в связи с интенсивными миграциями, в том числе из восточных регионов, эта болезнь фиксировалась несколько чаще – более 50 случаев. Практически все они приходились на май и были отмечены как в городах, так и в сельской местности. Однако в мегаполисах этой болезни не было благодаря усиленному санитарному контролю. Болезнь отмечалась в Приморье, Красноярском крае, Иркутской, Читинской и Великолукской областях[3]. Практически 100-процентное излечение проводилось в больничных условиях в сочетании со строгой изоляцией больных, что было одним из обязательных и в то время строго соблюдавшихся условий предотвращения распространения заболеваемости оспой.

Сложнее была ситуация с заболеваемостью **сибирской язвой**. Случаи заболеваний насчитывались сотнями, причем в 1946 г. составили 600 случаев – на 50% больше, чем в 1945 г. 22% заболеваний пришлось на города, остальные – на сельскую местность. Большинство заболеваний было зарегистрировано летом, в июле-августе; 94% заболевших было госпитализировано. География заболевания была довольно широкой. Очаги были отмечены в Краснодарском крае, Ставрополье, в Грозненской области, в Северной Осетии, в Дагестане, в Ростовской, Воронежской, Курской, Пензенской, Тамбовской областях. Сибирская язва была также зафиксирована во многих районах Поволжья – в Сталинградской, Куйбышевской, Саратовской областях, Татарской АССР. В Сибири и Уральском регионе она в

[1] Там же.
[2] Там же. Л.8-9.
[3] Там же. Л.70.

первые послевоенные годы почти не встречалась. Спокойно в этом отношении было на Северо-Западе, Западе и практически во всем Промышленном Центре России. В мегаполисах заболеваний было мало – в Ленинграде вообще 1 случай за 2 года (видимо, у приезжего), а вот в Москве все-таки было отмечено более 10 случаев заболевания сибирской язвой[1].

В санитарно-медицинской статистике отмечено оживление **туляремии** – природно-очаговой, бактериальной инфекции, опасного заболевания, поражающего лимфатические узлы, сопровождающегося лихорадкой и интоксикацией. Учитывая некоторые черты сходства клинической картины с чумой, ее даже называют "малая чума". Туляремия передается человеку от грызунов и кровососущих насекомых, а также при использовании некачественной пищи (злаков, испорченных грызунами-носителями заболевания), при обработке зараженной сельхозпродукции (например, обмолоте зерна), или продуктов животноводства и т.д.[2] В период военных действий во многих странах в связи с разрушением хозяйства, нехваткой питьевой воды, отсутствием санитарного контроля за качеством продуктов питания, а также ослаблением вакцинаций населения наблюдалось и до сих пор наблюдается оживление этой опасной болезни. Примером может служить недавняя вспышка туляремии в Косово.

Во время Великой Отечественной войны туляремия была широко распространена на территории России и представляла собой грозную опасность для населения. Высокий уровень заболеваемости туляремией сохранялся и некоторое время после войны. Так, например, только в 9 областях Северо-Западного региона России с 1946 по 1949 гг. было зарегистрировано 4592 случая туляремии, т.е. ежегодно заболевало в среднем 1148 человек[3].

Эпидемиологическая ситуация по туляремии резко улучшилась после того, как началась широкая и систематическая иммунизация населения туляремийной вакциной. Ослабление прививочной кампании обычно приводит к вспышкам болезни. В целом в России в

---

[1] Там же. Л.74 - 75.

[2] Руководство по эпидемиологии инфекционных болезней. М.: Медицина. 1993. Т. 1 и 2.

[3] Сергеева Н.А., Сомов Н.М., Ключник Н.С. О туляремийных очагах Северо-Запада РСФСР // Труды Ленингр. ин-та им. Пастера. 1967. N 31.

1945 г. было отмечено довольно много случаев заболевания – 134 тыс., а в 1946 г. уже видно явное их сокращение – 75 тыс. Болезнь была в основном распространена в сельской местности. И в 1945, и в 1946 годах основные центры заболеваемости были в районах с большим аграрным сектором: в Тамбовской области 72 тыс. заболеваний в 1945 г. и 18 тыс. в 1946, в Рязанской – 24 и 13 тыс., в Воронежской – 14 и 11 тыс., в Ростовской – 7 и 4.5 тыс., в Краснодарском крае – 5 и 2 тыс. соответственно. Мы видим заметное понижение заболеваемости, однако справиться с туляремией было не так просто. В том же 1946 г. возникло несколько новых очагов заболеваемости: Курская область – 3.5 тыс. случаев, Астраханская – 3.2 тыс., Тульская – 1.6 тыс., Пензенская – 1.5 и т.д. Устойчивость заболеваемости туляремией объяснялась, помимо других причин, появлением уже в 1946 г. очагов голодания на территории России[1].

Среди инфекционных заболеваний следует также отметить в послевоенный период вспышку **бруцеллеза**. В 1946 г. больных бруцеллезом насчитывалось в России около 30 тыс., из них 5,5 тыс. – свежих заболеваний. Бруцеллезом люди заражаются от домашнего скота. Это заболевание широко распространено во многих странах мира, особенно в тех, где развито животноводство. В России бруцеллез традиционно встречается в Краснодарском и Ставропольском краях, на Южном Урале и в других областях. В 1945-1946 гг. география заболеваемости расширилась. Человек заражается бруцеллёзом при употреблении сырого молока от больных животных и приготовленных из него молочных продуктов (сыр, масло, творог). Ситуация сразу после войны, характеризовавшаяся нехваткой пищевых продуктов, зачастую их низким качеством, привела к довольно широкому распространению бруцеллеза: Алтайский край – свыше 2 тыс. заболевших, то же – в Красноярском крае, около 2.5 тыс. больных в Тюменской области, более 2 тыс. – в Омской, около 2 тыс. – в Челябинской и в Читинской. Самое большое число больных – 3,5 тыс. – было отмечено в Чкаловской области. Там же каждый год отмечалось по 550-700 случаев «свежих» заболеваний. Следует отметить, что лечение бруцеллеза достаточно длительно и трудно. Он поражает больше сельское население, лечится в домашних условиях, тем более что от человека к человеку не передается, и необходимости в строгой

[1] Там же. Л. 68-69.

изоляции больных нет. Кроме названных районов, бруцеллез упорно встречался в Саратовской и Куйбышевской областях, в Ставрополье, Дагестане и ряде других районов.[1] Бруцеллез излечим, не влияет на потомство, однако опасен осложнениями для перенесшего его человека в виде местных гнойных инфекций костей и суставов (в 20-85% случаев): артриты, бурсит, остеомиелит, позвоночные или парапозвоночные абсцессы, эндокардит, тромбофлебит, поражение нервной системы и т.д.

В первое послевоенное время смертность от **дизентерии** была еще значительна, и в медицинской статистике эта болезнь стояла в одном ряду с тяжелейшими инфекционными заболеваниями. Дизентерия – опасное кишечное заболевание, чреватое опасными осложнениями, обычно распространяется летом и осенью. Причиной его часто бывает употребление немытых овощей, ягод, фруктов. В популярной медицинской литературе дизентерию называли одно время «болезнь грязных рук». Однако одного мытья рук и плодов для предотвращения этого заболевания недостаточно. Летом и ранней осенью водоемы – пруды, озера – бывают зачастую заражены возбудителем дизентерии. Употребление сырой воды также приводит к заболеваниям. До появления антибиотиков дизентерия представляла реальную опасность для жизни, особенно в младенческом и детском возрасте. Лечение дизентерии при помощи антибиотиков, как правило, позволяет избежать летального исхода и даже победить болезнь за короткий срок, но, в ряде случаев оставляет в качестве осложнения дисбактериоз. В послевоенный период антибиотики (пенициллин) уже применялись, но препаратов, восстанавливающих кишечную флору, практически не было. Теоретические разработки подобных препаратов велись, но до внедрения их в широкую практику предстояло пройти почти двум десятилетиям.

В 1945 г. в России было зафиксировано более 70 тысяч случаев заболевания дизентерией. Как и в случае с тифом, она была очень распространена в крупных городских центрах: в Москве - почти 10 тыс. случаев заболеваний, в Ленинграде – 8,5 тыс. Иными словами, на столицы пришлось 26% всех случаев заболеваний по Российской Федерации. Кроме этих городов, выделяется печальной статистикой Свердловск – более 3 тыс. заболеваний. Причины те же, что и для

[1] Там же. Л.99-105.

заболеваемости тифом – скученность, несовершенство коммунальных служб, нарушения санитарной обстановки, обилие мигрантов. Что касается региональной географии распространения заболеваемости дизентерией, то в 1945 г. ее вспышки фиксировались на Дальнем Востоке (в Приморье – 2,6 тыс. случаев заболеваний, в Хабаровском крае – 3,6 тыс.); в Сибири (в Красноярском крае – 1,4 тыс. случаев, в Новосибирской – 1,1 тыс., с эпицентром в г. Новосибирске – более 900 случаев, в Якутской АССР – около 900 случаев); на Урале (в Свердловской области, включая г. Свердловск – 5,8 тыс., в Челябинской – около 2 тыс.). Неблагополучно было также в Чкаловской области – более 1 тыс. случаев, в Ростовской – более 900 случаев, и в ряде других регионов[1].

Центральный район не был особенно затронут дизентерией в 1945 г., за исключением уже упоминавшихся города Москвы и Московской области. В последней, без учета заболеваемости собственно в столице, насчитывалось 3,5 тыс. случаев заболевания дизентерией. В Промышленном Центре следует также отметить вспышку дизентерии в Ивановской области, где было зафиксировано 1,7 тыс. заболевших. В Поволжье, где дизентерия обычно летом частый гость, 1945 г. был в этом отношении довольно спокойным. Только в г. Куйбышеве была отмечена вспышка – 1,2 тыс. случаев заболевания. При этом в Куйбышевской области обстановка не вызывала тревоги – менее 150 заболевших[2].

Среди благополучных в этом плане районов следует отметить Центральное Черноземье. В Орловской, Пензенской, Калужской, Воронежской, Курской областях случаи заболевания были малочисленны: обычно не более 150-200 случаев по каждой из областей. Немного заболеваний было и в Западном и Северо-Западном районах, кроме, как уже говорилось, Ленинграда. Так, в Брянской области было зафиксировано 220 случаев заболевания дизентерией, в Новгородской – 190, в Псковской – 300[3]. На Севере заболеваемость была несколько выше: в Вологодской и Архангельской областях насчитывалось до 700 случаев заболеваний в каждой, однако это также не может быть отнесено к явной вспышке.

---

[1] Там же. Л.13-14.
[2] Там же. Л.13.
[3] Там же.

1946 г. привел к заметным негативным изменениям в уровне заболеваемости дизентерией. По России было зафиксировано уже более 100 тыс. случаев заболевания, то есть на 30% больше, чем в 1945 г. Практически во всех отмеченных в предшествующем году неблагополучием районах случаи дизентерии участились, причем значительно.

Особенно изменилась в неблагоприятную сторону обстановка в Москве и Ленинграде. В Москве заболеваемость возросла по сравнению с 1945 г. в 2 раза, число случаев достигло 19,9 тыс., в Ленинграде – в 1,8 раза, число заболеваний - 15,3 тыс.[1] Положение дел беспокоило правительство. Госплан СССР запросил статистические сведения по главнейшим эпидемическим болезням в г. Ленинграде за 1946 г. Особое внимание в составленной по запросу аналитической записке было уделено распространению в городе дизентерии. В записке это объяснялось «значительным наплывом нового населения в Ленинград, еще недостаточно устойчиво устроенного в бытовом отношении, а также недостаточной санитарной культурой, как в области личного обихода, так и в отношении пользования пищевыми продуктами».[2] Эти причины, безусловно, играли свою роль, но сказывались и недостаточность медицинского обслуживания, и недооценка городскими властями и медицинскими организациями этой проблемы. Нельзя исключать и поставок недоброкачественных продуктов, и нарушений режима их хранения.

В 1946 г. в Москве основная вспышка заболеваемости дизентерией была в июле, в Свердловске – в августе, в Ленинграде же очень упорная активная заболеваемость фиксировалась с июля по сентябрь.

Высокий уровень заболеваемости дизентерией существовал в 1946 г. во многих районах Сибири и Дальнего Востока: в Красноярском, Приморском, Хабаровском краях, в Читинской, Новосибирской областях и т.д. При этом в Хабаровском крае было заметное увеличение заболеваемости дизентерией – на 60% (число случаев заболеваний достигло 6 тыс. в год), в Читинской области – на 85% (1,5 тыс. случаев в год); в Приморском крае – на 8% (2,8 тыс. случаев). В Новосибирской области заболеваемость дизентерией

[1] Там же. Л.13-14.
[2] Там же. Д. 360. Л. 30.

осталась на прежнем довольно высоком уровне, а собственно в г. Новосибирске даже несколько увеличилась (1,1 тыс.). Некоторое понижение заболеваемости дизентерией отмечено в Красноярском крае и на Алтае. Однако в целом ситуация ухудшилась по сравнению с 1945 г. Правда, следует отметить и наличие благополучных областей с небольшим числом заболеваний – Томская, например.

В Свердловской области, включая Свердловск, и собственно в г. Свердловске число заболеваний заметно понизилось, при этом число случаев оставалось значительным – соответственно 3,4 тыс. и 1,6 тыс. Заметное понижение произошло и в Челябинске. На Урале в целом распространение дизентерии уменьшилось.

В Северных и Западных районах очагов заболеваемости стало, напротив, больше. И в Вологодской, и в Архангельской областях заболеваемость дизентерией выросла за год в первом случае на 13% , а во втором – даже 29%. Что до западных Брянской и Смоленской областей, то там фиксируется резкий подъем заболеваемости – в 2,5 и в 1,5 раза[1].

Расширяются имевшиеся ранее очаги заболеваемости в Центрально-Промышленном районе и в Поволжье. В Центрально-Промышленном, кроме уже упоминавшейся Москвы, отмечается большое число случаев заболеваний в Ивановской области – 2 тыс., то есть значительное увеличение по сравнению с предшествующим годом. Кроме того, почти в 3 раза повысилась заболеваемость дизентерией во Владимирской области. Число случаев там достигло 650 – не самая большая цифра в Европейской России, однако резкий рост позволят говорить об опасном очаге распространения этой инфекционной болезни. В Тульской и Рязанской областях также число случаев заболевания выросло более чем в 2 раза. В Поволжье заболеваемость остается высокой (свыше тысячи случаев – в Куйбышеве), при этом она явно увеличивается: в Саратовской области до 1,2 тыс., в Горьком – 1,7 тыс., в Татарской АССР 0,9 тыс., в Удмуртской – 0,6 тыс. В последнем случае показатель не особенно высок, однако по отношению к 1945 г. он составил 125%[2].

Значительно изменилась в негативную сторону ситуация в Центральном Черноземье. В ряде областей этого региона в июле-августе 1946 г. наблюдается резкое повышение заболеваемости

[1] Там же. Д. 362. (подсчеты автора).
[2] Там же. Л.14.

дизентерией. В Воронежской области рост заболеваемости по отношению к 1945 г. составил 165% (почти 500 случаев), в Калужской – 230% (около 800 случаев). В Пензенской, Орловской областях сохранялась спокойная обстановка, однако быстрое распространение дизентерии отмечалась и в этом регионе.

На Юге Европейской части России наблюдался рост заболеваемости в Краснодарском крае. В Ставропольском она оставалась на прежнем уровне, как и в автономных республиках Северного Кавказа, хотя и испытывала незначительные колебания в сторону то уменьшения (Дагестан), то увеличения (Кабарда, Северная Осетия). Однако число случаев заболевания было невелико.

Очевидно, возрастание заболеваемости дизентерией в 1946 г. было связано, прежде всего, с дефицитом пищевых продуктов, жилья, нарушениями в военные годы систем жизнеобеспечения населения – водоснабжения, канализации, транспортных коммуникаций, снабжения товарами первой необходимости. В этих условиях были необыкновенно интенсивны миграционные потоки. Люди, истощенные войной и непосильным трудом по восстановлению разрушенного хозяйства страны, были очень подвержены желудочно-кишечным заболеваниям в силу авитаминоза, нервного истощения, нарушения обменных процессов.

Дизентерия чаще была распространена в городах, однако и село сильно от нее страдало. В целом по России 70% зарегистрированных случаев заболевания дизентерией приходилось на города, как крупные, так и малые. Однако были районы, где заболеваемость дизентерией в селе была выше, чем в городе. Это, прежде всего, районы Поволжья, Центрального Черноземья, Промышленного Центра России и некоторые другие. Например, в Брянской области на сельских жителей приходилось 77% зарегистрированных случаев заболевания дизентерией, в Орловской – 70%, в Калужской – 65%, в Великолукской – 57%, в Костромской – 54%, в Пензенской – 53%, в Рязанской – 70%, в Смоленской – 68%, во Владимирской – 50%, столько же в Марийской АССР, в Мордовской АССР – около 60% и т.д.

Медицинскими учреждениями обращалось особое внимание на лечение дизентерии. Больных, как правило, госпитализировали, хотя данное заболевание может быть успешно излечено и в домашних условиях. Однако путем госпитализации старались предотвратить распространение болезни, так как при существовавшем дефиците

жилья невозможно было соблюдать элементарные санитарно-гигиенические нормы. В результате в 1946 г. в России было госпитализировано 146,6 тыс. больных дизентерией, то есть 92% от всех заболевших.

Учитывая опасность дизентерии в младенческом и раннем детском возрасте, отечественная медицинская статистика особо фиксировала сведения по заболеваемости дизентерией детей в возрасте до 2-х лет. В первые послевоенные годы детскому здоровью и выживаемости младенцев уделялось особое внимание. Видимо, в результате мер, принимаемых по охране детского здоровья в 1945 г. заболеваемость младенцев и детей до 2-х лет дизентерией была невелика и во многих районах ограничивалась несколькими десятками, а иногда и единицами случаев. Снова выделяются большим числом случаев заболевания города Москва и Ленинград - по 2,2 тыс. в каждом из них. Довольно много случаев дизентерии в раннем возрасте в Приморье и Хабаровском крае – соответственно около 0,6 и 1 тыс. случаев. Более 0,5 тыс. случаев было зафиксировано в Свердловске. Болезнь появлялась в летне-осенний период, в июле-августе, в некоторых случаях – в июле-сентябре. В 1946 г. общее ухудшение положения с заболеваемостью дизентерией сказалось и здесь. Заболеваемость возросла по России с 13,2 тыс. случаев в 1945 г. до 26,1 тыс. в 1946, то есть практически в 2 раза, хотя число случаев все равно было не особенно велико. Увеличилась заболеваемость в уже называвшихся эпицентрах. Так, в Москве она возросла в 2,5 раза, достигнув рекордной по стране цифры – 5,3 тыс. случаев заболевания; Ленинграде – в 2 раза, превысив 4 тыс. случаев заболевания. В Хабаровском крае отмечался рост заболеваемости на 63% (1,6 тыс. случаев), в Приморском - соответственно на 67% (1 тыс. случаев). В Свердловской области заболеваемость сохранилась на прежнем уровне[1].

Появились и новые очаги повышенной заболеваемости: Новосибирская область с г. Новосибирском – 0,5 тыс. случаев, Горьковская область – 0,7 тыс., Ивановская область – 0,5 тыс. Тревожным фактором было и расширение географии заболеваемости. Во многих регионах число заболеваний, оставаясь и в 1946 г. незначительным, резко возросло: например, в Саратове с 90 случаев в 1945 г. до 170 в 1946 г., в Ростове-на-Дону соответственно с 0 до 196

[1] Там же. Л.18-19.

случаев и т.д. По всему Поволжью и Северному Кавказу заболеваемость возросла в 1,5-2 раза[1]. Правда, были и районы, где заболеваемость младенцев и детей дизентерией сокращалась, но в целом сложившаяся обстановка требовала концентрации усилий медицинских, санитарных и детских учреждений на борьбе с распространением дизентерии. Лечили ее в условиях 98-процентной госпитализации.

По этому виду заболевания – что осложняло ситуацию – как правило, в рассматриваемый период имел место недоучет случаев заболеваний в сельской местности. Если по тифозным и ряду других остроинфекционных заболеваний диагнозы достаточно точно ставились и в городской, и в сельской местности, то здесь в сельской местности определить именно дизентерию, отделив ее от других видов острых кишечных расстройств у детей, было достаточно сложно. Для этого требовались анализы на посев, то есть наличие оборудованных лабораторий, которых в селах, как правило, не было. В город за анализами ездили не всегда, особенно если удавалось перебороть болезнь и добиться положительной динамики в ее протекании. Поэтому зафиксированные в послевоенные годы случаи младенческой заболеваемости дизентерией на 90% приходятся на города.

Гастроэнтероколит поражал обычно детей до 2-х лет и для них был очень опасен. Как и прочие кишечные заболевания, он был весьма распространен после войны из-за ослабленности населения и нехватки и недоброкачественности питания, а начинающийся голод 1946-47 гг. усугубил и без того тревожную ситуацию. Распространялся гастроэнтероколит летом и ранней осенью, поражал в равной степени и городское, и сельское население: на город, например, приходилось в 1946 г. 56 % заболеваний. Госпитализировалась небольшая часть заболевших – 12 %, остальные, как правило, лечились на дому. В 1945 г. детей, страдающих этим заболеванием, довольно много – 235 тыс., но в 1946 г. отмечается очень заметный рост – в 1,5 раза. Число больных превышает 340 тыс. Нет ни одного района, где бы не отмечались многочисленные заболевания. Особенно выделялись повышенным уровнем заболеваемости Краснодарский, Хабаровский, Алтайский край, Ленинград, Москва, Свердловская, Ярославская, Ростовская

[1] Там же (подсчеты автора).

области. Практически во всех этих очагах увеличивается в 1946 г. число заболевших. Так, в Хабаровском крае его рост составил 40%, в Московской области –86%, в Свердловской области – 50%, Ярославской – 45%, Ростовской – 20%, в Ленинграде –30%.[1] Появились и новые многочисленные очаги – Воронежская, Горьковская, Курская, Кировская, Молотовская, Пензенская, Саратовская, Челябинская области, Башкирская, Удмуртская АССР и ряд других. Были, конечно, районы, где число заболевших за год уменьшилось, например, на севере страны, в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке. Но в целом, соответственно районам распространения послевоенного голода, очаги детских кишечно-желудочных заболеваний охватывают постепенно южные, юго-восточные районы, все Поволжье, Приуралье и Зауралье, Центральное Черноземье.

Менее других инфекционных заболеваний была распространена в 1945 г. **токсическая диспепсия**. Больных было зафиксировано 16 тыс. по всей России. Обычно в областях и районах число больных было невелико: в Калининской области – 78 случаев заболевания, в Брянской – 50, в Пензенской – 85 и т.д. На этом фоне выделялись несколько очагов с относительно высокой заболеваемостью. Более всего случаев было в Ленинграде – 2,4 тыс., в Москве – значительно меньше, но также относительно много: 0.7 тыс.[2]. В целом же, кроме этих крупнейших городских центров диспепсия в Европейской части страны особого распространения не имела, зато фиксировалась в Сибири, на Дальнем Востоке, Уральском регионе. Так, в Хабаровском крае было отмечено 1 тыс. случаев заболевания, в Приморском – 0,8 тыс., в Свердловской области – 0,4 тыс., в Молотовской области – 0,5 тыс. В 1946 г. картина резко изменилась. Появились негативные тенденции в динамике заболеваемости диспепсией и тревожные симптомы. Прежде всего, это резкий рост заболеваемости по России в целом. В 1946 г. было зафиксировано уже более 30 тыс. случаев заболевания. Затем последовал значительный рост заболеваемости в уже называвшихся очагах и появление новых. В Ленинграде насчитывалось уже 3,2 тыс. случаев; естественно, речь идет о «свежих» заболеваниях. В Москве соответственно фиксируется уже

[1] Там же. Л.93-94 (подсчеты автора).
[2] Там же. Л.33-35.

1,4 тыс., в Хабаровском крае – 2 тыс., в Приморском – 1,8 тыс., в Свердловской области – 1,1 тыс., в Молотовской – 0,9 тыс. Появляются новые эпицентры, например, Ивановская область – 0,8 тыс. заболевших.[1] В принципе, и в тех местностях, где случаев не так уж много, очевидно их учащение: в Пензенской области число заболевших больше соответствующего показателя 1945 г. на 114%, в Томской – на 196%, в Саратовской – на 172%, во Владимирской – на 190%, в Удмуртской АССР – на 135%[2]. Из приведенных данных следует вывод не только об увеличении числа случаев заболеваемости, но и о расширении ее географии.

Болезнь развивалась летом и ранней осенью – в июле-сентябре. Уже сказывается продовольственное неблагополучие в ряде районов. На этой болезни, как на примере дизентерии или брюшного тифа, это особенно видно. Как и многие кишечно-желудочные инфекции, токсическая диспепсия была более распространена в городах из-за скученности, прилива мигрантов, нарушения санитарных норм. На городские поселения приходилось 70% случаев заболевания. Лечение проходило в основном в больничных условиях, хотя процент госпитализированных – 73 – здесь значительно ниже, чем при тифозной инфекции.

Заболеваемость **полиомиелитом** в послевоенные годы была невелика. Борьба против него велась очень активно, существовали действенные вакцины. Так как эта болезнь особенно страшна для детей, медицина уделяла борьбе с ней особое внимание. В результате в 1945 г. по РСФСР было отмечено всего 235 случаев полиомиелита, а в 1946 г. – значительно меньше: 133 случая. Почти все они были зарегистрированы в Ленинграде и Ленинградской области[3]. Больные довольно часто госпитализировались, однако многие лечились в домашних условиях.

Сложнее обстояло дело с **эпидемическим энцефалитом**. Случаи заболеваемости в России были не часты, в 1945 г. было отмечено немногим более 100 заболевших, а в 1946 г. вдвое меньше. Однако эта болезнь, особенно у детей, проявляется не всегда ярко. Страшные же ее последствия: скованность (ригидность) мышц,

[1] Там же.
[2] Там же (подсчеты автора).
[3] Там же. Л.66.

замедленность движений, бедность мимики, монотонность речи, мелкое ритмическое дрожание, охватывающее как конечности, так и голову (паркинсонизм) – сказываются не сразу. Обычно между первой стадией, характеризующейся субфебрильной температурой и сонливостью, и второй, где уже в полной мере проявляются вышеназванные признаки болезни, проходит относительно большой срок. Поэтому случаев заболевания фактически могло быть значительно больше, но они не были вовремя выявлены и правильно диагностированы[1].

Среди инфекционных заболеваний в первые послевоенные годы отмечены массовые заболевания **гриппом**. В то время грипп, как правило, протекал довольно легко, мало отличаясь от острых респираторных заболеваний. Смерти от гриппа были редки. Однако гриппозные эпидемии уже утвердились в жизни российского населения. В 1945 г. гриппом болело 5,7 млн. жителей России, а в 1946 г. – 7,6 млн. Городское население было более подвержено гриппу, особенно в крупных городах. Например, в 1946 г. в Москве болело более 1 млн. человек, в Ленинграде – около 700 тыс.[2]. Однако госпитализировано было не более 3%.

Для полноты представления о трудностях послевоенной ситуации с заболеваемостью населения необходимо остановиться еще на одном весьма специфическом заболевании – **цинге**. Сейчас мало кто помнит ее признаки. Вспоминают обычно описанные в художественной литературе кровоточивость десен и пятна на коже у участников экспедиций и строителей-первопроходцев на Крайнем Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке.

Согласно медицинским справочникам, цинга – это авитаминоз С в стадии ярко выраженных клинических проявлений в виде распространенных кровоизлияний в ткани, изменения структуры костей, атрофии мышц, расстройств функций практически всех органов. У больных цингой особенно часто кровоизлияния происходят в ткани, подвергающиеся механическим воздействиям, — в кожу и подкожную клетчатку, десны, мышцы, сухожилия. Нарушается функция некоторых клеток иммунной системы (отмечается выраженное снижение противоинфекционной иммунной

[1] Там же. Л.64.
[2] Там же.Л. 88-89.

защиты), возникает ряд поражений желудка и тонкой кишки (геморрагии, катаральный антерит, при осложненном течении – фолликулярные и фолликулярно-язвенные энтерит и колит), отмечается кровоточивость десен, их разрыхление, отек, и нередко язвенный стоматит. В костях развивается остеопороз с возникновением в ряде случаев патологических переломов.

Основная причина цинги – длительное (в течение 1-3 месяцев) непоступление в организм аскорбиновой кислоты (витамина С) с пищей. Это наблюдается при голодании (когда цинга может сочетаться с алиментарной дистрофией), а также употреблении в пищу концентратов и консервов, не содержащих витамина С, например, участниками дальних походов и экспедиций (особенно в полярных зонах в зимнее время), оказавшимися в длительной изоляции. Наряду с авитаминозом С в формировании проявлений цинги участвует и неизбежный при неполноценном питании дефицит других витаминов (особенно содержащихся в тех же видах пищи, недостаток которых приводит к авитаминозу С), в частности дефицит витамина Р и фолиевой кислоты.

Среди способствующих развитию цинги факторов немалую негативную роль играли интенсивная мышечная работа и стресс.

Давно отмечена связь заболевания с неполноценным питанием населения в голодные годы из-за неурожая или вследствие социальных потрясений, особенно в периоды войн, когда заболеваемость приобретала характер массовой вспышки. Высокая заболеваемость цингой отмечалась в русской армии во время Первой мировой войны, а в период Великой Отечественной войны наиболее значительная массовая вспышка цинги наблюдалась среди населения блокадного Ленинграда.

Однако статистика заболеваемости населения России в 1945-1946 гг. показывает широкое распространение цинги, не ограниченное составом армии или жертвами блокады. Больных насчитывалось около 50 тыс.[1]. Учтем при этом, что к врачебной помощи обращались не все заболевшие, а лишь с запущенным и тяжелым заболеванием. Многие в начальной стадии болезни лечились народными средствами. При этом любопытна география распространения цинги. Не удивительно, что тысячи случаев заболевания были отмечены в Красноярском, Хабаровском краях, в

[1] Там же. Л. 110-111.

Тюменской, Архангельской и Вологодской областях. Но тысячи случаев фиксируются и в Воронежской области, Брянской, Курской, Орловской, Московской областях, в Мордовии, Чувашии и Татарии. Многие сотни заболевших были во Владимирской, Костромской, Ульяновской, Свердловской и Саратовской областях.[1] Причем, во многих случаях отмечается повышение заболеваемости в 1946 по сравнению с 1945 г. Распространена она была, в основном, в сельской местности.

В принципе, лечение, особенно на ранних стадиях, действенно, однако требует и питания, и лекарств. В Ленинграде большими усилиями ситуацию с цингой удалось переломить, и в 1946 г. там отмечено всего 58 случаев. Однако в целом в стране ситуация вызывала тревогу.

Голод 1947 г. несколько изменил структуру заболеваемости населения в большинстве российских регионов. Тревожные симптомы проявились уже в 1946 г., особенно во второй его половине; в 1947 и затем 1948 гг. ситуация усугубилась. Результатом голода, как в острых, так и в латентных формах непременно является оживление ряда желудочно-кишечных заболеваний, в том числе инфекционных и особенно детских. Это, естественно, связано с нарушениями питания матерей и младенцев, нерегулярностью и недостаточностью питания, употреблением в пищу некалорийных, «грубых» (жмыхи) и откровенно недоброкачественных продуктов. В итоге тяжелых нарушений питания наблюдается ослабление детского и взрослого организма, снижается сопротивляемость, иммунитет к инфекциям ослабевает. В условиях расширения очагов заболеваемости проявляется дефицит лекарственных препаратов. Ослабление же организма ведет к тому, что традиционные и, как правило, доступные лекарственные средства (отвары, настои, прогревания) теряют эффективность и становятся недостаточными. Борьбу с кишечными инфекциями в условиях дефицита продуктов питания сильно затрудняет сложность, а часто невозможность соблюдения больными необходимых лечебных диет. Массовые перемещения беженцев из неурожайных районов способствуют распространению инфекций.

[1] Там же.

В голодное время обычно активизируются тифозные заболевания. Активизация брюшного тифа, начавшаяся в 1946 г., как мы видели, в Поволжье, на юге России и в крупных городах Центрального региона, в 1947 г. еще не прекратилась. Правда, усилиями медиков, в частности, активной вакцинацией и развитием санитарного контроля за качеством пищевых продуктов, особенно ввозимых в города, а также за составом питьевой воды и санитарного состояния жилищ и детских учреждений удалось избежать масштабной эпидемии и даже понизить в ряде регионов уровень заболеваемости брюшным тифом и паратифом, но лишь отчасти. Обе эти опасные и свойственные голодному времени болезни все еще регистрируются во многих районах России, проявляясь с упорством. Здесь особенно интересна статистика по городам, так как основной поток мигрантов и беженцев устремлялся, прежде всего, в города, и особенно в крупные, в надежде найти организованное снабжение продуктами питания и работу. Заболеваемость брюшным тифом в 1947 г. по-прежнему отмечается в очень многих регионах России. Правда, уровень заболеваемости понизился в большинстве из них на 20-30%: в Москве – на 23%, в Свердловске – на 37%, в Ростове-на-Дону – на 13%[1]. Однако в значительной части Поволжья – Куйбышевской области, Сталинградской и ряде других – он остался на прежнем уровне. А в северо-западных районах уровень заболеваемости брюшным тифом даже повысился, например, в г. Ленинграде – на 10%[2]. Еще более неспокойной была картина заболеваемости паратифом. Несмотря на принимаемые меры, снижение ее уровня отмечается лишь в небольшом числе районов Промышленного Центра. В южных же районах, в Среднем и Нижнем Поволжье, на Урале, в Сибири в 1947 г. отмечается рост заболеваемости паратифом, причем значительный – в 1,5-2 раза. Так, в Новосибирске заболеваемость паратифом выросла за год вдвое, в Челябинске – в 1,7 раза, в Куйбышеве – в 1,5 раза, в Ростове-на-Дону – в 1,6 раза[3].

Однако наиболее тревожным было быстрое распространение в 1947 г. заболеваемости сыпным тифом. Она быстро растет повсюду, причем многократно. Уже образуются чреватые эпидемией

[1] Там же. Д.418. Л. 18-64. (подсчеты автора)
[2] Там же. Л.32. (подсчеты автора).
[3] Там же. Л. 18-24. (подсчеты автора).

эпицентры: в г. Челябинске по сравнению с прошедшим 1946 г. в 1947 г. заболеваемость возросла более чем в 10 раз, в г. Свердловске – в 5 раз, в г. Ленинграде также почти в 5 раз.[1] Не намного отставала и столица, где число заболевших, несмотря на усиленный санитарный контроль, достигло 4 тыс. человек, то есть более чем в 3 раза по сравнению с предшествующим годом.[2] Сыпной тиф быстро распространялся в Среднем и Нижнем Поволжье, в южных и северо-западных районах и т.д. Так, в Горьком и Саратове число больных сыпным тифом увеличилось в 2 раза, в Куйбышеве и в Сталинграде – в 3 раза, в Молотове – в 1,5 раза, в Ростове-на-Дону – в 2,3 раза.[3] Если в 1946 г. множество случаев фиксировалось в сельской местности, то в 1947 г. очень быстро увеличивается заболеваемость сыпняком именно в городах и, прежде всего, в больших. Принимаемые администрацией и медицинскими учреждениями меры стали явно недостаточными в условиях усилившегося притока беженцев из пострадавшей от неурожая и голода сельской местности. В больших городах в условиях жилищного голода, сверхплотной заселенности и все еще не восстановленного в полной мере городского хозяйства, опасность возникновения эпидемий была очень велика. В связи с этой ситуацией в 1947 г. особое внимание медиками уделялось прививкам против сыпного тифа. Количество вакцинированных значительно больше, чем в предшествующие годы, а в медицинской отчетности появилась специальная графа по вакцинации против сыпного тифа. Меры по снабжению городов продовольствием, по увеличению производства лекарств и медикаментов и т.д. были усилены. Все это дало результаты, и эпидемию удалось предотвратить. К концу 1940-х гг. заболеваемость этим видом инфекции резко понизилась.

Спутниками голода являются обычно такие заболевания как дизентерия, прежде всего детская, гастроэнтероколит, также у детей, и токсическая диспепсия. Все эти заболевания оживились в 1947 г.

Заболеваемость дизентерией взрослого населения выросла на 30% в большинстве регионов, например, в Западной Сибири. Если в Новосибирске в 1946 г. дизентерии почти не было, то в 1947 г. отмечены тысячи случаев. В Поволжье, в Саратове, заболеваемость

[1] Там же. Л. 32, 37, 43. (подсчеты автора).
[2] Там же. Л. 35 (подсчеты автора).
[3] Там же. Л. 18, 28, 34, 40, 43, 52, 64. (подсчеты автора).

выросла в 6 раз.[1] В крупнейших городах рост не был таким резким, однако число заболеваний в 1947 г. отмечалось немалое: в Ленинграде свыше 10 тыс. заболевших, в Москве – около 26 тыс.[2] В итоге количество больных дизентерией в РСФСР составило 150 тыс. человек[3].

Что касается дизентерии у детей в возрасте до 2-х лет, то заболеваемость ею выросла повсеместно и очень быстро: в целом по РСФСР – более чем в 2 раза, составив более 60 тыс. больных.[4] Значительное увеличение заболеваемости дизентерией в младенческом и раннем детском возрасте отмечалось во всех районах и городах Среднего и Нижнего Поволжья, на Урале, в Центральном Юго-Восточном и Северо-Западном районе и т.д. Так, в Москве и Ленинграде число случаев заболевания дизентерией в возрасте до 2-х лет возросло вдвое, в Поволжье – в Горьком – в 1,5 раза, в Куйбышеве – в 2 раза, в Саратове – более, чем в 5 раз, в Сталинграде – втрое; на Урале и в Приуралье (Молотове и Челябинске) – в 4-5 раз, в Свердловске – вдвое; в Сибири (Новосибирске) – в 2,5 раза; на юге (в Ростове-на-Дону) – в 3,5 раза и т.д.[5] Нарастает и число смертельных исходов при заболевании дизентерией детей в возрасте до 2-х лет.

Резко, как и младенческая дизентерия, подскочила, прежде всего, в связи с голодом, и заболеваемость детей в возрасте до 2-х лет гастроэнтероколитом (острая форма). По сравнению с 1946 г., когда уже отмечалось возрастание числа заболевших, в 1947 г. заболеваемость составила 230%[6]. В России в 1947 г. насчитывалось более 770 тыс. больных. Число заболевших увеличилось во всех уже называвшихся по данным за 1946 г. регионах, причем даже там, где прежде было относительно благополучно – Восточная Сибирь, Север – больные насчитывались многими тысячами.

Заболеваемость токсической диспепсией также возросла, причем все в тех же районах (кроме Свердловска). Особенно чувствительное увеличение было зафиксировано в Новосибирске,

---

[1] Там же. Л. 37-41. (подсчеты автора).
[2] Там же. Л. 32, 35. (подсчеты автора).
[3] Там же. Д. 419. Л.11.
[4] Там же. Л. 61.
[5] Там же. Л. 18-64 (подсчеты автора).
[6] Там же. Д.420. Л. 56. (подсчеты автора).

Челябинске, Ростове-на-Дону и Куйбышеве – в 2-3 раза, а в Новосибирске – более чем в 4 раза[1].

Естественно, что в условиях распространения голода не снизилась и заболеваемость цингой. По-прежнему больных насчитывалось почти 50 тыс. человек, причем, продолжали фиксироваться сотни случаев заболевания в Центрально-Промышленном, Центрально-Черноземном, Юго-Восточном, Поволжском районах[2], то есть там, где обычно это заболевание не возникает. Разумеется, им страдали нередко беженцы, но не только они. Местное население также болело цингой из-за крайней недостаточности и некалорийности питания, а также общего ослабления иммунных свойств организма.

Кроме того, что голод спровоцировал специфические и характерные заболевания, он еще и усугубил прямо не связанные с ним недуги. Например, снизил эффективность борьбы с малярией. В итоге в 1947 г., хотя заболеваемость малярией несколько сократилась, однако все еще в России было зафиксировано очень большое количество больных – 1,4 млн., из них «свежей» малярии – около 500 тыс., или 36% от всех заболеваний.[3] Важно, что процент «свежих» случаев заболеваемости не только не сократился, но даже увеличился, что непосредственно было связано с дальнейшим ослаблением здоровья многих сотен тысяч людей.

При том, что ситуация с распространением остроинфекционных заболеваний после войны была тревожна и неоднозначна, инфекций фиксировалось множество, в том числе очень опасных и остро заразных, проявлялись они во многих регионах России, но и борьба с ними со стороны государственных медицинских учреждений велась очень активная.

Большую роль играла профилактика заболеваемости остроинфекционными болезнями. Делались прививки против наиболее опасных заболеваний. Регулярно проводились прививки против брюшного тифа. В 1945 г. ими было охвачено 19,5 млн. человек в России, в том числе 10,7 млн. в городах, остальные – в сельской местности.[4] Городское население было больше охвачено

[1] Там же. Д.362. Л. 43, 37, 64, 40, 28. (подсчеты автора).
[2] Там же. Д.420. Л. 7. (подсчеты автора).
[3] Там же. Д.420. Л. 16-36. (подсчеты автора).
[4] Там же. Д. 331. Л. 125.

прививками, однако и в селе их делались миллионы, особенно в местностях, где было зафиксировано данное заболевание, а также в прилегающих районах. Поскольку не было возможности провести поголовную вакцинацию против тифа, действовали методом «подавления» очага заболеваемости. Такая политика в те годы себя оправдывала. Следует отметить, что в 1945 г. прививок пришлось сделать почти на 2 млн. больше, чем планировалось. Опасность распространения тифа привела к оправданному и необходимому в данной ситуации «перевыполнению плана». Так же активно, с перевыполнением намеченного в начале года плана, производилась противотифозная вакцинация и в 1946 г. Как уже отмечалось, брюшной тиф то и дело давал вспышки. В итоге в 1946 г. прививками было охвачено 21,5 млн. человек, из них 12 млн. в городах[1]. В частности, большое число прививок было сделано в Московской, Кемеровской, Свердловской, Саратовской, Куйбышевской областях, Башкирии и т.д. В 1947 г. прививки от брюшного тифа в связи с проявлениями голода и интенсификацией потоков беженцев из голодных мест становятся еще более многочисленными – за год привито 23 млн. человек[2], причем, значительное число прививок делается практически во всех районах страны. Если учесть большое число вакцинированного населения в предшествующие годы, становится ясным, сколь значительное число людей подверглось профилактике против брюшного тифа. В 1947 г. в связи с осложнением эпидемиологической ситуации в России разворачивается также вакцинирование против сыпного тифа. Эта вакцина была введена 5,5 млн. человек[3].

Все эти годы продолжается традиционная вакцинация населения против оспы. Как мы видели, это страшное заболевание давало хотя и небольшие, но регулярные вспышки, и терять бдительность, как это неудачно сделали во многих странах мира, в том числе и в России во второй половине XX века, было нельзя. Число привитых от оспы совсем не столь велико, как получивших противотифозные прививки, но это объясняется регулярностью и всеобщностью оспопрививания, в отличие от вакцинирования против тифа, проводившегося в виде кампаний при условии возникновения

[1] Там же. Д. 362. Л. 120-121.
[2] Там же. Д. 420. Л. 104.
[3] Там же.

очагов повышенной заболеваемости. Прививки получали, прежде всего, младенцы и маленькие дети, а также часть населения, почему-либо их не получившая – например, из числа переживших оккупацию. Немецкие оккупационные власти обеспечивали прививками не все подвластное им население, а избирательно, в соответствии с осуществлявшейся ими политикой геноцида.

В послевоенном 1946 г. от оспы было привито 4,2 млн. человек, из них 42% составили младенцы до одного года. В 1947 г. – 4,3 млн., из них – 53% младенцев до 1 года[1]. В 1947 г., чтобы в условиях послевоенного голода и активных миграций более эффективно противодействовать угрозе эпидемии и подавить ее в зародыше, большое внимание уделяли ревакцинации против оспы, или повторному оспопрививанию. Ее проводили активно во всех регионах, опасаясь недоброкачественности прививок военного и предвоенного времени, а также того уже известного медицине факта, что в ряде случаев, в силу особенностей организма, прививки через некоторое время теряют действенность. Ревакцинацией в 1947 г. в РСФСР было охвачено 15,5 млн. человек. По возрасту они распределялись так: 4-5 лет – 19,4%, 10-11 лет – 30%, 18-20 лет – 22,1%. 35% всех ревакцинаций пришлось на городское население, 65% – на сельское[2]. Медицинские организации уделяли селу больше внимания, так как там меньше было контроля за качеством и обязательностью оспопрививания.

Особое место в условиях послевоенных трудностей и голода 1946-47 гг. занимала вакцинация против дизентерии. Дизентерия была бедствием. Она продолжала уносить и жизни, прежде всего, детские, и здоровье. Поэтому даже в 1945 г. против нее в России уже было вакцинировано более 15 млн. человек. В 1946 г. эта цифра возрастает до 21 млн., а в 1947 г. – до 24,7 млн. вакцинированных, то есть по сравнению с 1945 г. - на 60%[3].

Кроме этих заболеваний, медики продолжали работу по прививанию от традиционных детских болезней – дифтерии, кори, скарлатины. В [4]1945 г. объемы этих прививок были относительно невелики: против скарлатины – 0,3 млн., против кори – 0,5 млн.

---

[1] Там же. Д. 331. Л. 125, Д. 362. Л.115, Д. 420. Л. 114.
[2] Там же (подсчеты автора).
[3] Там же. Д. 331. Л. 125, Д. 362. Л.120, Д. 420. Л. 105.
[4] Там же. Д. 331. Л. 125, Д. 362. Л.120, Д. 420. Л. 104.

Прививки были еще несовершенны, кроме того, с появлением антибиотиков большой опасности в этих детских болезнях медики и родители не видели. Больше боялись дифтерии. Против нее прививание развивалось активнее. В 1946 г. противодифтерийных прививок было сделано 3,8 млн., в 1947 г. – почти 5 млн.[1] Из них было привито детей в возрасте до 2-х лет – 26%, в возрасте от 2 до 7 лет – 46%[2]. Более того, с дифтерией стали бороться очень решительно, производили ревакцинацию, добиваясь радикального перелома в распространении этого заболевания. В том же 1947 г. было повторно привито еще 4 млн. человек, из них детей до 2-х лет – 16%, от 2-х до 7 лет 40%.[3] Среди вакцинированных 30% детей проживало в городах, остальные – в сельской местности, среди ревакцинированных – соответственно 35%.[4] Иными словами, вакцинация и ревакцинация против дифтерии охватывали и город, и деревню. Параллельно продолжалось прививание против кори. В 1947 г. было привито примерно столько же детей, сколько и в 1946 г.; половина из них проживала в городах. Противокоревыми прививками охватывалось и городское, и сельское население, однако и то и другое – в малой степени.

Таким образом, послевоенный период был тревожен в плане распространения остроинфекционных заболеваний. Ситуация усугублялась голодом 1946-47 гг., который имел значительные негативные, в том числе долгосрочные, последствия для здоровья населения, перенесшего тяжелую длительную войну. Однако, несмотря на постоянно возникающие эпидемические очаги, масштабных эпидемий удалось избежать, прежде всего, благодаря активной противоэпидемической и санитарной деятельности, проводившейся на государственном уровне.

---

[1] Там же. Д. 362. Л.125, Д. 420. Л. 110.
[2] Там же. Д. 420. Л. 110 (подсчеты автора).
[3] Там же (подсчеты автора).
[4] Там же. Д. 362. Л.120, Д. 420. Л. 104. (подсчеты автора).

Г.Бахметова

ДЖОН МИЛЬТОН И ЕГО ВЗГЛЯДЫ НА РАЗВОД

Английский философ и поэт XVII столетия Джон Мильтон (John Milton) принадлежит к плеяде наиболее известных ученых мирового масштаба. Он известен, прежде всего, как автор бессмертных произведений «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» («Paradise lost» and «Paradise regained»), переведенных и изданных во многих странах мира. Вместе с тем, мало кому известно, что его перу принадлежит также сочинение, посвященное весьма актуальным во все времена проблемам брака и развода.

В современном обществе, достигшем определенного этапа социального развития, развод в семье стал вполне обычным явлением Однако в эпоху Джона Мильтона это был акт практически невозможный. Именно поэтому сочинение Джона Мильтона « Doctrine and Discipline of Divorce »[1], изданное в Лондоне в 1644 году, привлекло все мое внимание. То, что меня заинтересовало больше всего – это, во-первых, каким образом столь смелое в ту эпоху и, можно сказать, скандальное произведение могло увидеть свет и, во-вторых, какие дополнительные аргументы привел автор в пользу развода, кроме тех, которыми руководствовалось общество для того, чтобы разрушить брачный союз, который заключается согласно церковной доктрине, « не на земле, а на небесах ».

[1] Это сочинение Д.Мильтона никогда не переводилось на русский язык, поэтому здесь и далее мы приводим его оригинальное название. В справочных изданиях его чаще всего называют трактатом «О разводе».

Начнем с биографии ученого и краткой характеристики основных исторических событий в Англии в XVI и XVII столетиях.

Биографический очерк[1]

Джон Мильтон родился 9 сентября 1608 года в Лондоне в дворянской семье. Предки Мильтона владели достаточным состоянием, но, когда партия, к которой они принадлежали, потерпела поражение в войне Алой и Белой Розы[2], их имение в Оксфордшире было конфисковано, и доходы семьи значительно сократились. Несмотря на это, дед Джона Мильтона сумел послать своего сына на учебу в Оксфордский университет. Однако будущий отец Джона Мильтона проучился в университете сравнительно недолго: он примкнул к движению протестантов, с чем никак не могла согласиться его католическая семья, остался без экономической поддержки, ушел из университета, переехал в Лондон, устроился на работу маклером и впоследствии женился на Сарре Кастон. В этом браке родилось шестеро детей, трое из них умерли в младенчестве; Джон Мильтон оказался, к счастью, одним из оставшихся в живых.

Учился Джон Мильтон прекрасно. Рано проявившиеся способности к языкам дали основание послать его для продолжения образования в Кэмбриджский университет, который он успешно закончил, получив степень магистра в 1632 году.

Его отец, оставив маклерскую деятельность, поселился в деревне в Букингемпшире, куда и приехал после окончания университета молодой Джон Мильтон. Он оставался с родителями в течение пяти лет, занимаясь изучением философии и языков. Но после смерти матери в 1638 году, Джон Мильтон начал путешествовать, и первые его поездки были в Париж и Италию. Именно в Италии и зародилась мысль о создании произведения о

---

[1] Об информации, использованной для биографического очерка и для характеристики основных исторических событиях эпохи см. в разделе «Библиография».

[2] Серия войн (1455-1487) между королевскими домами Ланкастр (Lancastre)-Красная роза и Йорк (York) – Белая роза. Военные действия закончились в тот момент, когда король Ричард III Плантагенет (York) умер на поле сражения и королем стал Генрих VII (Lancastre).

грехах человеческих, которая впоследствии была им воплощена в « Потерянном рае ».

Пробыв за границей чуть больше года, Джон Мильтон вернулся в Англию и застал страну на пороге революции: народ был недоволен королем Карлом Первым, который хотел управлять страной без участия Парламента и предпринимал шаги для сближения с римско-католической церковью. Джон Мильтон выразил свой протест против готовящейся церковной реформы, опубликовав в 1641 году свое сочинение « О реформации в Англии и причинах, сдерживавших ее », которое вызвало горячую полемику как в научных, так и церковных кругах. Имя Джона Мильтона стало широко известным, он был вовлечен в движение за установление власти парламента против короля Карла I. Карл I закончил свою жизнь на эшафоте и, таким образом, его противники, включая Джона Мильтона, оказались победителями в борьбе против роялистов и реставрации католицизма.

В 1642 году Джон Мильтон женился на Марии Пауэлл (Mary Powell), дочери эсквайра Ричарда Пауэлла из Оксфордского графства. Однако ровно через месяц после свадьбы молодая супруга сбежала от него и вернулась в родительской дом. Именно это обстоятельство и полужило поводом для создания сочинения « Doctrine and Discipline of Divorce », о котором пойдет речь ниже.

Через два года жена снова вернулась к мужу. Джон Мильтон не только простил ее, но даже взял в дом все ее семейство, так как их материальные условия весьма пошатнулись в связи с преследованиями членов роялистской партии к которой эта семья принадлежала.

Последующие годы Джон Мильтон посвятил созданию ряда философских сочинений, а также поэзии. Однако литературные занятия не давали большого дохода, и он согласился на предложение Оливера Кромвеля (Oliver Cromwell), в ту пору лорда-протектора, стоявшего во главе английского Парламента, занять должность латинского секретаря в министерстве инстранных дел, которая хорошо оплачивалась. К этому времени Джон Мильтон начал терять зрение. Вместе с тем он не оставлял научной и политической деятельности, оставаясь ярым противником партии роялистов. И это несмотря на то, что в Англии постепенно формировалось мнение о

том, что казнь Карла I была ошибкой, готовилась реставрация королевской власти и возвращение на престол Стюартов.

В 1653 году Джон Мильтон овдовел, оставшись с тремя дочерьми на руках, самой младшей из которых было всего два года, а самой старшей не более восьми лет. Через три года он вторично женился на Екатерине Вудкок (Katherine Woodcock), дочери капитана Вудкока из Хакнея. Однако и эта его супруга умерла ровно через год при родах.

Несмотря на семейные несчастья, Джон Мильтон продолжал заниматься политикой и ратовал за свободу гражданской власти и против возвращения Стюартов. Однако то, против чего он боролся, свершилось: в 1660 году ружейные выстрелы с Дуврской крепости ознаменовали возвращение из Франции короля Карла II. Для Джона Мильтона это означало реальную опасность ареста, а возможно и смерти. Однако скорая амнистия спасла ему жизнь. Хотя он и был заключен в тюрьму, но вышел из нее, заплатив выкуп. Вместе с тем это означало конец его политической карьеры.

В возрасте 56 лет Джон Мильтон вступил в третий брак, его супруга Elizabeth Minshull была моложе него на 30 лет. Джон Мильтон был по тем временам уже в преклонном возрасте, болен, слеп и остро нуждался в помощи. Однако даже в этот период он не оставлял работы и стремился закончить два своих самых знаменитых произведения « Потерянный рай » и « Возвращенный рай ».

« Потерянный рай » был закончен в 1665 году. Почти сразу после этого вышла в свет « История Англии » (The History of Britain), а в 1671 году появились « Возвращенный рай » и поэма « Самсон » (Samson Agonistes). В последний год жизни Джон Мильтон успел также опубликовать свои юношеские поэтические произведения. Умер Джон Мильтон 8 ноября 1674 года. Он был похоронен в Лондоне, рядом с его отцом в алтаре церкви Святого Егидия.

После его смерти были опубликованы также « A brief History of Moscovia » и еще некоторые религиозные произведения.

Основные исторические события в Англии в конце XVI и в XVII столетии

Остановимся теперь на характеристике тех исторических событий в Англии на протяжении XVI и XVII столетий, которые, по

моему мнению, могли существнно повлиять на позицию Джона Мильтона в отношении семейного развода.

Основные события XVI столетия – это переход Англии к протестантизму и основание англиканской церкви, отказ от римско-католической религии, соответственно, конфликт с Папой Римским, и, наконец, неоднократные разводы и свадьбы английского короля Генриха VIII.

Все началось с того, что Генрих VIII, ставший королем в 1509 году в возрасте 17 лет, женился на 16-летней вдове своего брата Екатерине Арагонской. Она же приходилась теткой одному из влиятельнейших в то время испанскому королю Карлу V.

Как сообщают историки, Генрих VIII обладал веселым и общительным нравом, он был также неплохим католиком и, за исключением периода охоты, регулярно присутствовал на мессах.

В 1522 году в свите королевы появилась новая придворная дама, красавица Анна Болейн. Очарованный ею, король решил жениться, но для этого нужно было испросить разрешения Папы Римского на развод с Екатериной Арагонской. В прошении, посланном на имя папы Климента VII, указывалось, что основанием для развода следует считать то обстоятельство, что в браке с Екатериной Арагонской король не имел сына – наследника престола. Папа ответил на это прошение категорическим отказом. Король обратился также за разрешением на развод к архиепископу Кентерберийскому, но архиепископ, естественно, не хотел портить отношения с Папой и тоже отказался выполнить эту просьбу.

После нескольких лет переговоров с главой римско-католической церкви, король решил полностью порвать отношения с Папой, установить в Англии протестанство и самому стать во главе англиканской церкви. Процесс перехода к новой религии длился много лет, он включал в себя коренную перестройку структуры духовной власти, установление новых правил для деятельности представителей духовенства, а также изменения в самом Евангелии.

В результате всего этого король в 1533 году, наконец, аннулировал своей брак с Екатеринской Арагонской и женился на Анне Болейн. Однако в этом браке у него опять не было сыновей, а лишь одна дочь, будущая английская королева Елизавета. Анна Болейн закончила свою жизнь на эшафоте. После этого король Генрих VIII женился еще четыре раза: на Жанне Сеймур, которая

умерла в 1537 году, но у нее был сын Эдуард VI; на Анне Клевской, с которой он расстался в 1540 году, и она спокойно жила на пенсию, которая ей была предоставлена; затем на Екатерине Говард, которая была казнена в 1542 году и, наконец, на Екатерине Парр, которая умерла в 1547 году, пережив короля всего на один год.

Все эти события, естественно, изменили взгляды общественности на незыблемость брака; они явились также основанием будущих изменений в брачно-семейном законодательстве.

Еще один фактор, повлиявший на общественное мнение по поводу семейных устоев – это события XVII столетия, а именно, гражданская война, казнь короля Карла I и, в конечном итоге, установление в Англии республики Commonwealth (1649-1653) под управлением Оливера Кромвеля.

Вкратце суть этой истории состоит в следующем. Английский король Карл I (1525-1649) начал военные действия против приверженцев религиозной реформы в Шотландии. Это послужило основной причиной Первой гражданской войны. Карл I оказался в весьма сложной ситуации – с одной стороны шотландцы, выигрывающие одно сражение за другим, с другой – английский Парламент, стремящийся ограничить королевскую власть, с Оливером Кромвелем во главе армии. Все закончилось весьма печально для короля – Карл I был осужден Парламентом за измену, приговорен к смертной казни, и проговор был приведен в исполнение.

Сразу после этого, в 1649 году впервые в истории Англии установилась парламентская власть « Commonwelth of England » или иначе « Interregnum » во главе с Оливером Кромвелем, ставшим лордом-протектором. Эту должность он занимал до дня своей смерти 3 сентября 1658 года. В 1659 году этот пост занял сын Кромвеля Ричард Кромвель, но его правление было недолгим, всего один год; он не обладал такими способностями к управлению, как его отец. В 1660 году роялистам удалось восстановить королевскую власть, и английский престол занял сын Карла I король Карл II.

Хотя гражданская война в Англии в XVII столетии велась под религиозными знаменами, однако само свержение королеской власти и установление власти Парламента, то есть буржуазии, означали революцию и низвержение прежних устоев в обществе.

Джон Мильтон был против восстановления королевской власти. Мильтон не был ни республиканцем, ни революционером в прямом смысле этих понятий. Но всю свою жизнь и творчество он посвятил воспеванию свободы, свободы совести, религии и прав человека, то есть в душе он был революционером. Следовательно, для Джона Мильтона право на развод, которое он отстаивал, было своего рода проявлением свободы и волеизъявления каждого человека.

Исторические события в Англии предопределили возможность изменения взглядов людей на общественную жизнь вообще и на брак и семью в частности. Но необходимо было, чтобы родился такой человек, как Джон Мильтон, который был способен выразить эти новые представления и не побоялся вступить в борьбу против церковных и общественных устоев.

Итак, восстановим события. Джон Мильтон женился в первый раз в мае 1642 года, и его супруга оставила его в начале июля того же года, то есть почти сразу после свадьбы. 22 августа 1642 года началась гражданская война. 1 августа 1643 года, то есть именно в тот момент, когда английский Парламент взялся за оружие, чтобы отстоять гражданские права и выступить против власти короля Карла I, появилась в свет книга Джона Мильтона « The Doctrine and Discipline of Divorce ». Каковы же новые представления о браке, семье и разводе, описанные Джоном Мильтоном в этом его произведении?

Новые причины и условия развода по Мильтону

На протяжении столетий семья и брак претерпели огромные изменения под влиянием социальных, экономических и политических событий. Постепенная демократизация западного общества на протяжении трех столетий, революционное развитие на Востоке на пороге XIX и XX веков полностью изменили взгляды людей на брак, семью и брачно-семейные отношения за этот сравнительно короткий, если иметь в виду историю цивилизации, период времени. История этих изменений имеет свои поворотные даты и события. Одним из них является публикация книги Джона Мильтона «T he Doctrine and Discipline of Divorce ».

В этом произведении автор предложил абсолютно новые правила регулирования брачно-семейных отношений по сравнению с

теми, которые существовали в Англии (да и в других католических странах) в XVII столетии. Во-первых, Джон Мильтон ратовал именно за развод вместо существовавшего раздела семьи и, во-вторых, предложил совершенно иные условия для развода, отличные от действовавших условий для разделения супругов[1].

Книга Джона Мильтона состоит из двух больших частей.

В первой части автор сразу формулирует свою точку зрения на необходимость изменения брачного законодательства, а также приводит девять логических доказательств необходимости развода. Вторая часть книги посвящена, главным образом, анализу текста Библии (Ветхого и Нового Завета) о семье и регулировании брачных отношений. Таким образом, вначале автор опирается в своих доказательствах на законы жизненной логики и затем подкрепляет их выдержками теологического характера.

Основный тезис Дж.Мильтона – предоставить супругам возможность не просто разойтись на время, а развестись окончательно, и основанием для этого акта считать не только сексуальную слабость мужа, супружескую измену или, в отдельных случаях, жестокое обращение мужа и избиение жены[2], но также грубое отношение мужа к жене, отсутствие взаимопонимания и чувства любви между супругами. Уже в преамбуле произведения автор заявил о том, что каждый из супругов имеет равное право подать на развод. Семейные отношения, по мнению автора, должны определяться не Каноническим правом, а правом каждого человека на свободное волеизъявление[3]. При этом первоочередное право на развод имеют бездетные пары, а также если имеется обоюдное согласие супругов.

Для того, чтобы привлечь внимание читателя к проблеме брака и развода, Джон Мильтон рисует непривлекательную картину семейной жизни, когда брак заключается согласно католическим

---

[1] Согласно каноническому праву, супруги, не проживающие вместе, должны были, тем не менее, соблюдать верность друг другу и не имели права вступить в повторный брак раньше, чем умрет один из них.

[2] Имеется ввиду жестокое избиение, так как наказывать жену время от времени и без видимой на то причины считалось даже необходимым.

[3] С.79-89. Здесь и далее номера страниц приводятся по изданию: John Milton « Doctrine et discipline du divorce », Edition bilangue, Paris, BELIN, 2005.

канонам и отвечает, прежде всего, финансовым интересам семьи. В таком браке обе стороны несчастны, и запрещать им развод в этом случае, во-первых, антигуманно, а во-вторых, противно идее божественной справедливости.

Автор приводит девять доказательств необходимости предоставления развода. Их можно объединить в четыре основные группы:[1]

1. Брак – юридический договор;
2. Любовь – основа брака;
3. Нерасторжимый брак – преступление против гуманизма;
4. Несчастливый брак – печальное последствие запрещения развода Каноническим правом.

Брак - юридический договор (с. 97-108):

Основополагающей идеей Джона Мильтона является положение о том, что брак – это юридический договор между двумя заинтересованными сторонами. Этот договор предполагает совместное проживание супругов, а также обязанность хранить верность и оказывать помощь друг к другу. Как каждый договор, брак имеет свое начало и конец. Если стороны не выполняют условий брачного договора, он может быть расторгнут. Уже одно это дает основание считать брак не божественной церемонией, а гражданским актом и если есть необходимость его расторгнуть, то за этим следует обращаться не к церкви, а в суд.

Любовь – основа брака (с. 109-117):

Джон Мильтон уверен в том, что брак – это союз духовный, он объединяет два влюбленных сердца, две души. В браке, основанном на любви, обе стороны готовы помогать и поддерживать друг друга. Такой брак является высшим проявлением духовности и гуманизма. Согласно Мильтону, любовь – это чувство, но тем не менее, любовь нельзя смешивать с чувственностью. Любовь дает ощущение легкости, благополучия, спокойствия (но не успокоения), гармонии и полного счастья. Эмоциональные, духовные и сексуальные отношения между супругами, основнанные на любви, являются именно такими брачными отношениями, которые проповедовал Иисус Христос. Брак, основанный на взаимной любви,

[1] John Milton, op.cit., p.91-129.

символизирует вечный союз Бога с Церковью. Вместе с тем, как указывает Джон Мильтон, в гармоничном браке жена должна подчиняться мужу, поскольку женщина была создана Богом для удовлетворения мужчины. В свою очередь муж обязан быть лояльным по отношению к жене, однако руководящая роль в семье принадлежит все-таки ему. Правда, оговаривается Дж.Мильтон, в случае, если супруга более благоразумна, нежели ее супруг, то она может исполнять обязанности главы семьи.

Нерасторжимый брак – преступление против гуманизма (с. 119-125):

Каноническое право требует, чтобы брак совершался в церкви в присутствии священника. Это обусловлено тем, что брак возведен в ранг священного союза, отражающего божественный союз Бога и Церкви. Каноническое право определяет такой брак как единство тел и душ. Следовательно, если муж проявляет сексуальную слабость, то только в этом случае брак может быть признан недействительным. Каноническое право не признает развода и, поскольку не существует развода, постольку не существует возможности для разведенных в дальнейшем вступить в повторный брак.

Такую ситуацию Джон Мильтон характеризует как полный абсурд. Он с возмущением замечает, что Каноническое право разрешает развод при физическом недостатке (имеется в виду сексуальная слабость мужа), а духовные разногласия между супругами почему-то не служат достаточным основаниям для развода (с. 118) . По Мильтону, Каноническое право полностью игнорирует интересы человека как личности, наделенной душевными переживаниями. И все это лишь потому, что церковь воспринимает брак как нечто божественное и вечное, когда только смерть одного из супругов может их разлучить.

В качестве примера на этот счет можно привести формулу, которая произносилась будущим мужем в церкви во время церемонии бракосочетания: « Я, (имя, фамилия), беру тебя (имя, фамилия) в жены и во имя Бога, а также в присутствии всех, кто находится здесь, обещаю тебе быть любящим и верным мужем, пока смерть не разлучит нас ». Будущая жена произносила такую же фразу, добавляя обещание быть послушной мужу. Таком образом, процедура заключения брака изначально не предполагала развода в будущем.

Католическое каноническое право разрешало супругам разойтись (но не развестись окончательно) в случае измены одного из них или совершения действия, которое могло спровоцировать тяжелые последствия. При этом супруги могли проживать раздельно, но в повторный брак никто из них права вступить не имел. Реформаторское право (1561 год) также давало возможность супругам разойтись, но тому из них, кто был невинен, предоставлялась возможность вступить в повторный брак.

Весьма огорчительно, говорит Мильтон, что однажды пройдя церковную процедуру заключения брака, супруги приговариваются тем самым к пожизненному сосуществованию. Это и есть настоящее преступление против гуманизма.[1]

Несчастливый брак – печальное последствие запрещения развода Каноническим правом (с. 125-129):

Данной проблеме Мильтон посвятил пять глав своей книги о разводе. Прежде всего, указывает Мильтон, сама ситуация, когда люди несчастливы в браке, противоречит божественной теории о том, что в семейной жизни должны царить мир и спокойствие. Спокойствие и счастье в семье основаны на любви. Если брак заключен без любви, то это – профанация брака[2] . Муж, не находящий счастья в своем доме , способен на любой неблаговидный поступок, он проклинает свою жизнь, его мысли обращены не к Богу, а направлены лишь на то, чтобы найти способ прекратить это существование. Сексуальные отношения в таком несчастливом браке мучительны. Подобный брак противоречит христианской морали, это варварство и насилие над природой и человеческой натурой.[3]

Запрещение развода в таком случае, фактически, означает «смертный приговор», когда жизнь каждого из супругов находится в опасности.[4] Это также отрицательно влияет на сознание людей, что в свою очередь весьма неблагоприятно для общества.[5]

---

[1] John Milton, op.cit., c.235-236.
[2] Там же, с.256.
[3] Там же, с.270-273.
[4] Там же, с.273-274.
[5] Там же, с.247.

Основные выводы из первой части книги Дж.Мильтона

Джон Мильтон обвиняет Каноническое право в том, что, запрещая развод в случае неудачного брака, оно делает человека несчастным. Он утверждает также, что хотя брак и бракосочетание несут в себе элемент духовности, но все же являются элементами повседневной жизни и именно поэтому не должны входить в компетенцию церкви. Соответственно, если брак получился неудачным, то в соответствии с гражданским законодательством, регламентирующим повседневную жизнь, такой брак может быть расторгнут, обеим сторонам предоставлен развод и право вступить в повторный брак. В определенных случаях развод также может сделать людей счастливыми.

Во второй части книги Джон Мильтон концентрирует внимание на анализе текста Библии, законов Моисея и Иисуса Христа, соспоставляя их с существующим гражданским законодательством о браке и семье.

Обращение Дж.Мильтона к Священному писанию вполне естественно, так как эти тексты явились основой Канонического права. Следовательно, именно в Священном писании необходимо было найти аргументы в пользу развода. Нет ничего удивительного в том, что уже в начале второй части книги Мильтон затрагивает проблему религиозной терпимости, что позволило ему в дальнейшем отыскать общие взгляды на проблемы семьи, брака и развода в законах Моисея (книга Ветхого Завета) и в законах Христа (Евангелие), а также и в других религиях. Следуя указаниям Кальвина,[1] утверждавшего, что в Новом Завете признается обещание милости и прощения, данное Богом Аврааму, Мильтону удалось найти элементы преемственности в текстах Ветхого и Нового заветов.

Законы Моисея, изложенные в Ветхом Завете, были сформулированы на основе содержания беседы Моисея с Богом на горе Синай. В этих законах отражается обещание Бога оказывать

[1] Кальвин (Calvin Jean), 1509-1564 - религиозный реформатор, автор « L'Institution de la religion chretienne » (1536), отредактировал Катехизм, преподавал религию в Женевском Университете, играл важную полтическую роль, а также стоял во главе созданной им Реформаторской церкви.

поддержку и помощь еврейскому народу. В Евангелии также ясно просматривается мысль о том, что Бог готов поддерживать и помогать народу, исповедующему христианство.

Евангелие признает, что человек грешен. Но в случае, если сам человек признает свой грех, он может быть прощен. Кстати, данная концепция принята и в гражданском законадательстве: если человек признает свою вину, то, в зависимости от тяжести его преступления, он может быть помилован или наказание его смягчено. Признание вины как основа для смягчения наказания или даже полного прощения является универсальным принципом юстиции.

Согласно Евангелию, достаточно одной только веры в Бога, чтобы быть прощенным за все прегрешения. Джон Мильтон при этом замечает, что Божественный закон Евангелия даже более лоялен по отношению к христианской пастве, нежели Законы Моисея к евреям Ветхого завета.

Далее Мильтон останавливается еще на одном важном теоретическом пункте: он считает, что божественные законы следует разделить на три основные группы.[1] Во-первых, собственно юридическое законодательство, призванное регулировать проблемы социального порядка; во-вторых, законы, регулирующие церемониальный, культовый порядок; и, наконец, в третьих, законы морального порядка, регулирующие жизнь каждого гражданина. Именно законы морали, согласно Мильтону, являются естественными законами, которые были установлены Богом еще при создании Рая, в котором он поселил Адама и Еву.

Мильтон полагает, что урегулирование развода относятся к моральному законодательству, так как брак, семья и все что с этим связано являются частью нашего естества и природы.[2] Следовательно, необходимо проанализировать, как соотносятся Евангелие и гражданское законодательство в вопросе о разводе.

Как уже было определено выше, человек грешит, а Бог прощает. Но как быть в случае, если супруги ошиблись в выборе друг друга? На этот счет в Евангелии сказано следующее: «То, что Бог объединил, человеку не дано разъединить». Следовательно, в вопросе, касающемся неудачного брака, Евангелие «приговаривает»

[1] John Milton, op.cit., c.321.
[2] Там же, с.479.

людей к продолжению несчастливого сосуществования. В то же время, основной идей Евангелия являются прощение, милость и сострадание. Но почему-то милость и сострадание в данном случае никак не относятся к проблемам неудачного брака.

Джон Мильтон напоминает нам о «золотом правиле», а именно: « Все, что ты хотел бы получить от людей, сделай это для них », а затем говорит о тех случаях, в которых возможно не подчиниться закону, если речь идет о спасении человека, и даже напоминает о случаях нарушения общепринятых правил самим Иисусом. Исходя из этого, Мильтон формулирует свою концепцию «золотого правила»: необходимо адаптировать Божественные законы к реальностям человеческого существования. В этом смелом по тем временам заявлении – весь Джон Мильтон, гуманист, борец против тирании, где бы она ни проявлялась: в семье, в религии, в повседневной жизни, в государстве.

Решение проблемы развода « по Мильтону »

Несмотря на все трудности и проблемы, связанные с анализом текстов Священного писания, взглядов и высказываний политиков и философов по поводу развода, Джон Мильтон все-таки приходит к логическому выводу о необходимости дать людям законную возможность развестись в случае неблагополучного брака. При этом он опирается, с одной стороны, на христианские идеи милости и сострадания, а с другой – на естественное стремление каждого человека быть счастливым, несмотря на все его прегрешения. Вместо взаимной ненависти в неблагополучной семье он предлагает развод как решение всех проблем несчастливого брака. Приводя в качестве примера историю семейной жизни английского короля Генриха VIII, Джон Мильтон с горечью вспоминает ненужные жертвы запрещения развода. Даже разрешение развода в случае неверности одного из супругов не является, по его мнению, кардинальным решением проблемы.

Удалось ли Джону Мильтону завоевать доверие общественности и приняло ли английское общество закон о разводе?

С одной стороны, Джону Мильтону удалось привлечь внимание к проблемам семьи, брака и развода. Его книга была опубликована, и тем самым его идеи стали доступными для образованной общественности. Были получены многочисленные

отклики на ее издание – как положительные, так и весьма критические. Это означало пробуждение интереса к данной проблеме.

Однако, с другой стороны, Джон Мильтон проиграл сражение. В 1660 году в Англии был отменен гражданский брак. В 1754 году лорд Хартвик (Lord Hardwick) подписал Акт о превентивных мерах против тайных бракосочетаний, и кроме того, бракосочетание должно было в обязательном порядке проходить в англиканской церкви. Проходившая в 1647 году Ассамблея теологов еще раз подтвердила свою негативную позицию по отношению к разводу, а Английский парламент в 1643-1645 г.г. ответил отказом на предложение изменить семейное законодательство и разрешить развод.

Нужно было ждать еще примерно 300 лет для того, чтобы Парламент, наконец, согласился с тем, что развод – это единственное средство для решения экстремальной семейной проблемы и в 1969 году утвердил Законодательный акт о разводе. Через 6 лет, в 1975 году, аналогичный Законодательный акт был принят во Франции.

Вместо заключения

Англия явилась первой в истории страной, где было произнесено слово « развод ». Позже развод стал реальностью для тех людей, для которых брачные узы означали потерю свободы, а для женщины, зачастую, тиранию мужа, настоящий кошмар.

В наше время невозможно представить себе брак без возможности развестись. Следует признать, что, несмотря на все исторические перепитии, семья выжила и сохранилась как институциональный союз. Но в то же время развод в семье стал общепринятым способом решения проблем неблагополучного брака. Это произошло благодаря тому, что в истории были философы, который задумывались над тем, как сделать людей счастливыми даже в браке.

Библиография

1. Джон Мильтон. Потерянный и возвращенный рай. Перевод с англ. С.-Петербург, издание А.Ф.Маркса, 1830.
2. Barbara K. Lewalski. The Life of John Milton. Oxford, Blackwells Publichers, 2003.
3. David Masson. The Life of John Milton and History of His Time. Vol. I, Cambridge, 1859.
4. John Milton. Doctrine et discipline du divorce. Edition bilingue. Paris: Belin, 2005.
5. N. Wilson. The Life of John Milton. Oxford, University Press, 1983.
6. Wikipedia. The Free Encyclopedia http://en.wikipedia.org/wiki/John_Milton

В.Моисеенко

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РАБОТАХ «АКАДЕМИЧЕСКИХ СТАТИСТИКОВ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Одна из традиций исторической демографии в России связана с преимущественным вниманием к изучению рождаемости и смертности населения. Между тем во второй половине XIX столетия миграция населения была признана частью статистики населения (демографии), началась разработка теоретико-методологических подходов к ее изучению.

Место миграции в статистике населения (демографии)

Коренные изменения в социально-экономических условиях в России в середине XIX столетия благоприятствовали быстрому развитию научной, философской и общественно-политической мысли. Значительные успехи статистики объясняются перерождением государствоведения в статистику численного направления. Этап перехода к статистике численного направления закончился в России в основном в 1870-е гг.[1] С учетом возросших возможностей количественной оценки общественных явлений (создание в 1858 г. Центрального Статистического комитета, возникновение земской статистики в 1860-е годы) формируются новые подходы к изучению миграции. Напомним, что Д.П. Журавский был одним из первых статистиков в России, кто в 1840-1850-е гг. сформулировал в качестве самостоятельной задачи изучение миграции в рамках движения народонаселения.[2] Несмотря на публикации Д.П. Журавского, а затем и А.Б. Бушена, труды Императорского Русского географического общества, ведомственные обследования отхожих промыслов, важнейшей задачей во второй половине XIX в. оставалась задача определения места миграции в

[1] М.В. Птуха. Очерки по теории статистики в СССР. Т. II. М. 1955. С. 30.

[2] Подробнее об этом В.М. Моисеенко. Первые исследования миграции населения в России // Историко-экономический альманах. Редактор-составитель Д.П. Платонов. М. 2007. С. 367-384.

статистике населения (демографии, по другим версиям – популяционистики, демологии). Эту задачу решали «академические статистики» - в первую очередь Ю.Э. Янсон, А.И. Чупров, Н.А. Каблуков, К.Г. Воблый и другие. Очевидно, что в данной статье рассматривается только небольшая часть богатого и разнообразного по тематике творческого наследия этих ученых, в том числе и исследований миграции.

Позиция отечественных и зарубежных статистиков в отношении расширения предмета статистики населения за счет миграции, отразила два процесса: 1) новый этап становления демографии и 2) возросшую роль миграции в общественном развитии. Известно, что в основе демографии в течение длительного времени были концепции (теории) смертности. Уже в XVII в. были разработаны концепции дожития, началось изучение смертности городского и сельского населения. Исследование миграции было отложено на более поздний период. Во второй половине XIX столетия основой объединения различных компонентов движения населения становится подход к населению как совокупности людей в статистическом, количественном смысле.

Включение миграции в изучение движения и состава населения совпало с качественно новым этапом динамики миграции в странах Западной Европы и США. Важными направлениями исследования становятся передвижения сельского населения в города, эмиграция из стран Западной Европы и иммиграция в США. Вторая половина XIX столетия в России также отличается ростом передвижений крестьянского населения – переселения на свободные земли, земледельческого и неземледельческого отхода.

Для примера нового подхода к изучению миграции сошлемся на две статьи. Статья «Миграция» в энциклопедии Larousse посвящена истории передвижения древних племен в поисках новых мест охоты, расселению народов, заморской колонизации европейскими народами и т.д. (Grand Dictionnaire universel du XIXe siècle. Par Pierre Larousse. Paris. 1874. T. 11. P.245-247). Но уже в начале XX в. американский социолог Р. Майо-Смит обобщает статистический материал об эмиграции в США за 1820-1900 гг., иммиграции из Великобритании и Ирландии за 1815-1899 гг. Майо-Смит ставит вопросы об «эффектах» эмиграции и «ограничении» иммиграции. Внутренняя миграция США, Англии и Уэльса рассматривается как фактор роста городского

населения, особенно крупных городов, и сокращения численности сельских жителей. Динамизм внутренней миграции объясняется влиянием двух факторов — строительством железных дорог и внедрением техники, определившей разделение труда и подъем промышленности. Майо-Смит ссылается на законы внутренней миграции Е. Равенштейна. (R. Mayo-Smith. Migration // The new volumes of the Encyclopedia Britannica, constituting in combination with existing volumes of the ninth edition. The tenth edition. London. V. XXX of the complete work. MCMII. Pp. 742-748).

Исследования зарубежных ученых оказали влияние на российскую статистику. По признанию Н.А. Каблукова, «путь русской статистики был путем статистики западноевропейской».[1] Возраставшее значение миграции нашло отражение в трудах ученых Франции, Германии, Англии, США. А.Ф. Фортунатов отмечает большое значение для изучения динамики населения книг Г. Майра «Статистика и обществоведение» (пер. с нем., СПб.1990-1901) и Р. Майо-Смита «Статистика и социология». (пер. с англ., СПб. 1901).[2]

Немецкий статистик Г. Майр определяет народонаселение как массу индивидов, находящихся в состоянии непрерывного движения, и выделяет в статистике народонаселения две «операции» - статистику состояния (состава) и статистику движения народонаселения. Хотя главной задачей статистики народонаселения Майр считает изучение рождаемости и смертности, он предлагает учитывать влияние переселений на половозрастную, профессиональную и другие структуры населения. Состав населения по месту рождения трактуется как важнейший социальный признак, свидетельство отношения индивида к данному географическому пункту и окружающим его районам (общине, уезду, провинции, стране и т.д.), обусловленное фактом рождения. Соответственно данные переписи населения, изучавшие место рождения, оцениваются как «общая картина фактических результатов различного рода переселений». Майр относит переселение к социальному движению. Но переселение, как действие человеческой

[1] Н.А. Каблуков. Статистика. М. 1916. С. 286.
[2] А.Ф. Фортунатов. О статистике. Учебное пособие. Издание второе. М. 1910. С. 39.

воли, отличающееся этим от рождаемости и смертности, он включает в состав нравственной статистики.[1] Янсон критически отнесся к этому предложению и ограничил содержание нравственной статистики проституцией, самоубийствами, преступлениями и др.[2]

Переселениям посвящен специальный раздел в книге Г. Майра «Статистика и обществоведение»[3]. Здесь привлекает внимание классификация различных видов переселения. В состав переселения включаются внутренние и внешние передвижения, связанные с переменой обычного места жительства, а также кратковременное пребывание населения «вне обычного места жительства» - путешествия внутри страны и за границу, переселения без «прочной оседлости» - бродяги, цыгане и т.п. Отстаивая принцип непосредственного наблюдения всех отдельных видов переселения в местах выхода и прибытия, Майр все же признает неосуществимость задачи регистрации всех видов переселения. Характерна оценка состояния статистики внешней миграции: «И здесь справедлива та истина, что статистика ввоза лучше статистики вывоза».[4]. Майр ставит задачу изучения типа развития населения как процесса, обусловленного отношением трех факторов – рождаемости, смертности и переселения.[5]

На рубеже XIX и XX вв. перед статистикой ставятся новые задачи, хотя и не бесспорные («статистика на службе социологии»). Р. Майо-Смит определяет их с позиций социологии. Речь идет о «количественных измерениях, требующихся для анализа социальной организации, т.е. социологии». Социологические задачи статистики миграции (переселения) формулируются с широких позиций – объективных основ миграции, ее положительных и отрицательных

---

[1] Г. Майр. Закономерность в общественной жизни. Теория статистического метода. Статистика народонаселения. Нравственная статистика. М. 1899. С. 422-423. Его же. Статистика и обществоведение. Т. II. Статистика населения. СПб. 1900. С. 14-18.

[2] Ю.Э. Янсон. Направления в научной обработке нравственной статистики. Введение в сравнительную нравственную статистику. Вып. I. СПб. 1871. С. VII.

[3] Т. II. Вып.1. Статистика населения. СПб. 1900.

[4] Георг Майр. Статистика и обществоведение. Т. II. Вып. 1. Статистика населения. СПб. 1900. С. 480.

[5] Там же, с.480.

последствий, необходимости (и возможности) ограничения свободы передвижения для устранения отрицательных последствий миграции. Статистика, благодаря тщательному наблюдению, должна помочь определить влияние миграции не только на динамику численности населения, но и на экономическое, социальное и политическое состояние общества.[1] Хотя состояние статистики миграции в России существенно ограничивало решение подобных задач, все же их постановка – всесторонняя оценка тенденций и последствий миграции – имела большое значение.

Идея о включении миграции в предмет статистики населения была поддержана российскими учеными. Бунге первым из статистиков пореформенного периода определяет движение населения как соотношение числа рождений и смертей, а также «выселения и поселения». В составе сельских сословий России, наряду с государственными, удельными, временно-обязанными (бывшими крепостными) крестьянами, он рассматривает и иностранных поселенцев (колонистов).[2]

Как известно, основное внимание во второй половине XIX века уделялось рождаемости, смертности и брачности. Все же изучение миграции, ставшее в начале XX столетия важным направлением отечественной статистики населения (демографии), включает разработку широкого круга вопросов – обоснование роли миграции, определение термина, классификацию, источники данных и т.д.

Теоретико-методологические вопросы изучения миграции в трудах Ю.Э. Янсона

Первоначальный этап изучения миграции в России в дореформенный период связан с трудами Ю.Э. Янсона – одного из крупнейших статистиков России последней четверти XIX века.[3] Его

---

[1] Р. Майо-Смит. Статистика и социология. Пер. с англ. М. 1900. С. 15, 332-333, 357.

[2] Н.Х. Бунге. Курс статистики, составленный в 1864-1865 учебном году, для студентов императорского университета Св. Владимира. Киев. 1865. С. 71, 73.

[3] См. подробнее: Елисеева И.И. Статистическая деятельность Ю.Э. Янсона в современном контексте // Юлий Эдуардович Янсон (1835-1893). Материалы конференции к 160-летию со дня рождения. 18-19 декабря 1995 г. СПб. 1995.

справедливо называют отцом новой русской университетской статистики. Первое издание «Теории статистики» было опубликовано в 1885 г., последнее (пятое) – в 1913 г. В 1881 г. Янсон провел в Петербурге первую в России перепись населения и жилищ, в 1890 г. – вторую; обе они стали образцами учета населения в крупных городах России. В трудах Янсона[1], а также в статьях, посвященных переписям населения С.-Петербурга, рассмотрены актуальные для последней трети XIX столетия вопросы внутренней и внешней миграции: отхожие промыслы и переселения крестьян, миграция в С.-Петербург и т.п. Янсон широко использует данные о внутренней и внешней миграции в странах Западной Европы.

В духе идей второй половины XIX в. Янсон разделяет статистику населения на две части – статику и движение населения. Задача статики – анализ состава населения по полу, возрасту, сословиям, гражданскому состоянию, занятиям и другим характеристикам. Задача динамики (движения) – брачность, рождаемость, смертность, внутренние и внешние передвижения населения. Такой взгляд на предмет демографии изложен им также в статье «Демография».[2]

Одно из фундаментальных положений концепции Янсона – признание важной роли миграции в развитии человечества. Эмиграцию из европейских стран во второй половине XIX в. Янсон определяет как «одно из важнейших мировых явлений истории человечества в новейшее время».[3] В то же время он отмечает общее для большинства стран Европы недостаточное внимание

С. 14; Елисеева И.И. Особенности российской статистики // Очерки истории российской экономической мысли. Под ред. Л.И. Абалкина. М. 2003. С.288-303.

[1] См., например: Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. Том I. Территория и население. СПб. 1878; Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, СПб. 1881; Очерк правительственных мер по переселению крестьян, СПб. 1881; Сравнительная статистика населения. (Состав населения; брачность; рождаемость; смертность; механическое движение населения), СПб, 1892; 5 изданий «Теории статистики».

[2] Ю.Э. Янсон. Демография // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз; И.А. Эфрон. СПб. 1893. Т. XIX. С. 367.

[3] Ю.Э. Янсон. Сравнительная статистика населения. СПб. 1892. С. 405.

правительств и ученых к изучению внутренних миграционных движений, «несмотря на весь научный и практический интерес».

Известна позиция Янсона в отношении значения миграции в России: «Особенно прискорбно отсутствие статистической разработки вопросов о передвижении населения внутри государства в нашем отечестве. Россия представляет собой особенно интересное поле для изучения этого в высшей степени важного социального явления. Чрезвычайное разнообразие естественных и хозяйственных условий разных частей государства, проложение новых железных дорог, развитие крупной промышленности и городов – все это должно вызвать в обширных размерах передвижения населения из одних частей государства в другие».[1] Оценка, роли миграции в России и в мире, данная Янсоном, оказалась прозорливой и не потеряла значения в наши дни.

Важным элементом концепции Янсона стал подход к миграции как сложному явлению, объединяющему различные виды и направления перемещений населения. Значение такого подхода можно оценить, имея в виду, что исследование миграции в России во второй половине XIX в. «распалось» на отдельные виды (земледельческий и неземледельческий отход, переселение, миграция из деревни в город, внешние передвижения). Обоснование целостного представления о миграции в России затруднялось состоянием учета миграции, в том числе и сравнительно поздним, по европейским меркам, проведением национальной переписи населения. Необходимости всеобщих переписей посвящены многие страницы работ Янсона.

В конце 1870-х гг. Янсон определяет «классические» задачи изучения миграции в рамках статистики населения (демографии), принятые в основных чертах и в настоящее время. В числе таких задач:

1) определение объема миграции,
2) оценка ее влияния на изменение численности населения,
3) изучение направлений миграции,
4) исследование состава мигрантов,
5) определение тенденций динамики миграции,

[1] Там же. С.396.

6) выявление причин движения населения и его последствий.[1]

На ранних этапах изучения миграции важным стал вопрос о терминологии. При анализе внешней миграции российскими статистиками были приняты термины «эмиграция» и «иммиграция». Янсону принадлежит также одно из первых в отечественной литературе определений миграции, близкое современному, и введение термина «механическое движение населения». Движение населения определяется им как «совокупность явлений, в которых выражаются двоякого рода перемены, происходящие в населении: 1) поступательная замена одних поколений другими, 2) перемещения масс населения из одних местностей в другие». Совокупность явлений первого рода он называет естественным движением населения, второго рода — механическим движением.[2] Термин «механическое движение населения» был вынесен также в название одной из последних работ Янсона[3].

Объективные трудности формирования терминологии в России объясняются рядом причин. Во второй половине XIX в., как и в дореформенное время, в научной литературе был принят термин «переселение». Но его содержание не было обозначено – он применялся в широком и узком значении. В широком значении он совпадал с термином «миграция». Для временных перемещений крестьян использовались также термины дореформенного периода – «отлучка» и «отхожие промыслы». Янсон пытается «модернизировать» терминологию, приблизить к ее западноевропейской. Термин «миграция» часто используется для характеристики внутренних передвижений в России. За некоторыми из других терминов угадывается стремление найти эквивалент термину «migration». Синонимами «миграции» являются часто используемые Янсоном термины - «передвижения», «перемещения», «внутреннее движение» и др. Применение различных, но равнозначных по смыслу терминов можно рассматривать как свидетельство начального этапа нового научного направления.

---

[1] Ю.Э. Янсон. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. СПб. 1878. С.377.

[2] Там же. С.347.

[3] Сравнительная статистика населения. Состав населения; брачность; рождаемость; смертность; механическое движение населения. СПб, 1892.

Поэтому терминологическая пестрота была, по-видимому, неизбежной. Кроме того, она определялась и неточным переводом литературы. Отсутствие централизованного источника данных о миграции в России (в рассматриваемое время – переписей населения), ограничивало возможности согласования позиций ученых и упорядочения терминологии.

Термин «механическое движение населения» отражает стремление, с одной стороны, «отличить» миграцию от естественного движения, а с другой, привлечь к ней внимание и утвердить положение миграции в рамках статистики населения (демографии).

В советские годы термин «механическое движение населения» приобрел другой смысл. Он стал своеобразным символом отрицания объективных основ передвижения населения. Последовавшая в 1990-е гг. критика этого термина за упрощенное (механическое!) понимание причин миграции не может быть отнесена к работам Янсона и других статистиков конца XIX - начала XX столетия. Янсон одним из первых в России обосновал объективный характер отхожих промыслов крестьян и необходимость переселения крестьян на свободные земли.

В работах Янсона миграция рассматривается как социальное явление. В связи с этим он пишет о подчиненности передвижения населения определенным законам. Причины эмиграции он объясняет «емкостью территории», т.е. совокупностью условий, обеспечивающих существование и развитие населения данной страны. Излишек населения эмигрирует в более благоприятные для жизни места, «с большей «емкостью».[1] «Емкость территории» используется также для объяснения внутренних передвижений. Янсон первым в отечественной литературе привлек внимание к опубликованной в 1885 г. статье Е. Равенштейна, в которой, как известно, были заложены основы теории миграции.

В условиях ограниченных статистических данных, Янсон определяет главные направления передвижения в России в начале 1890-х гг.: [2]

---

[1] Ю.Э. Янсон. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. СПб. 1878. С.122.

[2] Ю.Э. Янсон. Сравнительная статистика населения. СПб. 1892. С. 395- 396.

1. Массовое переселение на восток, в Сибирь, на Кавказ и другие районы.
2. Передвижение в большие города.
3. Движение сельских рабочих в южные районы Европейской России.
4. Колонизация западных окраин России жителями стран Центральной Европы.
5. Эмиграция из России в США.

Целостное представление о миграции имело большое значение в изучении соотношения и динамики различных видов и направлений движения населения.

Последствия миграции включают влияние на численность и структуру населения, налоги и повинности, состав и число избирателей и избираемых, экономические отношения, спрос и предложение труда, капиталов, предметов потребления и т.д.

Огромная заслуга Янсона состоит в обосновании необходимости организации учета населения в России, в том числе и миграции, на современной основе.

Отсутствие общих текущих списков населения в России, за исключением Привислинского края и Финляндии, Янсон, помимо других причин, объясняет особенностями закона об оседлости или приписки для значительной части населения. Книгу паспортов он рассматривает как единственный материал для изучения механического движения населения, несмотря на ограниченность в ней информации. Для повышения статистической значимости им предлагается заменить учет выданных паспортов учетом лиц, получивших паспорт, а также сведениями об их местонахождении и занятиях. Эти предложения не нашли поддержки со стороны государства.

Критическая оценка состояния полицейских списков, существовавших только в отдельных городах, относится к отсутствию постоянных и повсеместных правил их ведения, различному содержанию и объему данных полицейских списков в различных городах, небрежному их ведению и т.д. Даже в больших городах, «где полиция обладает сравнительно большими силами и

средствами, …они (*полицейские списки – В.М.*) не могут служить даже для определения общих итогов наличного населения».[1]

Янсон, как и другие «академические статистики», был последовательным сторонником централизации учета населения. Он занимает принципиальную позицию относительно необходимости проведения всеобщей переписи населения в России. Такая позиция подкреплялась критикой достоверности публикуемых ЦСК данных о населении России и итогов ревизий, не ослабевавшей во второй половине XIX в.[2]

Миграция в работах других «академических статистиков». Работы Н.А. Каблукова и К.Г. Воблого как определенный итог изучения миграции в начале XX в.

А.И. Чупров, продолжая традиции Ю.Э. Янсона, пишет о задачах статистики населения (демографии) — исследовать состав народонаселения данной страны и происходящие в нем изменения[3]. Помимо рождаемости и смертности, необходимо «систематическое исследование фактов… эмиграции и иммиграции, отлива и прилива населения». Соответственно выделяются два вида прироста населения страны — естественный и действительный. Действительный прирост, помимо разницы между рождаемостью и смертностью, включает также разницу между эмиграцией и иммиграцией. Состояние учета в странах Западной Европы позволяло определить влияние миграции с помощью действительного прироста населения. Так, среднегодовой естественный прирост населения Ирландии за 1865-1882 гг. составил 0,86%, в то время как действительный 0,58%. Значительная разница между этими показателями объясняется «громадным выселением» из Ирландии[4].

Широкий круг вопросов статистики населения рассматривается в работах Л.В. Ходского и А.Ф. Фортунатова. Незадолго до Первой всеобщей переписи населения России 1897 года Ходский опубликовал

---

[1] Ю.Э. Янсон. Теория статистики. Пятое издание. СПб. 1913. С. 367.
[2] Там же. С. 304.
[3] А.И. Чупров. Курс статистики. Университетские чтения. М. 1886. С. 139.
[4] Там же. С. 293.

данные о численности населения в России, основанные на текущих списках. Значительное внимание он уделяет предстоящей переписи 1897 года, в частности, закону 5 июня 1895 г. о производстве всеобщих переписей в России.[1] *Фортунатов разделил статистику в России на правительственную, включающую статистику различных ведомств, в том числе Центрального статистического комитета в составе Министерства внутренних дел, земскую и городскую. Как и другие современники, он высоко оценивал качество земско-статистических материалов, «благодаря громадной энергии и изобретательности работников этих учреждений при выработке программ и приемов опроса».*[2]

Новый этап изучения миграции в работах «академических статистиков» Каблукова и Воблого отразил рост индустриализации и урбанизации России.

Как и Янсон, Каблуков использует различные термины – «передвижение населения», «механическое движение населения», «перераспределение населения». В центре внимания в работах Каблукова – характер современной миграции. В отличие от массовых, но нерегулярных передвижений населения в предшествующую эпоху (переселение народов, нашествие племен и др.), современные передвижения определяются как правильные, т.е. регулярные, а в количественном отношении – как более масштабные. Каблуков отмечает влияние на миграцию быстро развивающихся путей сообщения. С помощью показателя подвижности населения, рассчитанного как отношение объемов перевозок пассажиров по железным дорогам и численности населения, Каблуков показывает дифференциацию подвижности населения различных стран. В 1905-06 гг. на одного жителя приходилось: в США – 10.5 поездок, в Германии – 21.0, в Великобритании – 29.0, тогда как в России (по данным 63 губерний) – только 1.05 поездки[3].

Характер современной миграции, отмечает Каблуков, проявляется в ее результатах – росте населения городов как универсальной закономерности общественного развития. Перемещения «выкачивают» из села «наиболее производительные по

[1] Л.В. Ходский. Основания теории и техники статистики. СПБ. 1896.
[2] А.Ф. Фортунатов. О статистике. Учебное пособие. М. 1907. С. 33.
[3] Н.А. Каблуков. Курс статистики. М. 1911. С. 243-244.

возрасту» и «наиболее предприимчивые» элементы, что нельзя не учитывать, определяя условия повышения уровня сельскохозяйственного производства.[1] В условиях России начала XX в. определение миграции из села в город как закономерного явления имело большое значение, поскольку такой вывод определял перспективы урбанизации, которая замедлялась растущим движением крестьян в многоземельные районы.

Признание перемещения населения как объективного процесса означало его подчиненность «известным законам в своем направлении и в своем составе».[2] Состав мигрантов (по терминологии Каблукова – «передвигающихся») трактуется как важнейшая закономерность миграции, тесно связанная с социально-экономическими процессами. Быстрый промышленный рост США объясняется составом иммигрантов: удельный вес мужчин достигал 60%, до 70% мужчин-иммигрантов были в возрасте 15-40 лет. Общая оценка роли эмиграции (иммиграции) созвучна современной: страна со значительной эмиграцией лишается рабочей силы, в то время как страна иммиграции приобретает подготовленную рабочую силу.[3] Каблуков отмечает другие последствия миграции: преобладание женщин в губерниях с интенсивным отходом, рост удельного веса детей в составе населения Москвы как следствие перехода части отходников в постоянное население и переезда вслед за ними жен и детей.

Характеристику миграции в рамках статистики населения продолжил К.Г. Воблый. Он развивает концепцию миграции в процессе урбанизации с учетом динамичности функций городов: «В высокой пропорции городского населения, без сомнения, нужно видеть одну из отличительных особенностей современной цивилизации… Победное шествие капитализма, характеризующее минувший век, естественно влекло за собой концентрацию населения. Возле крупных фабрик, заводов возникали новые города или же быстро развивались старые. Развитие одной отрасли промышленности вызывало появление других вспомогательных отраслей. Рядом же с ними шло развитие торговли, кредита и т.д. Все

[1] Н.А. Каблуков. Курс статистики. М. 1911. С.244, 247.
[2] Там же. С.265.
[3] Там же. С.248.

это стягивало население в те или иные пункты, представляющие выгоды с экономической точки зрения».[1] Как и Каблуков, Воблый предвидит для России масштабную миграцию из деревни в город, основываясь на данных об удельном весе городского населения в различных странах: в Англии 78%, Бельгии 68%, Германии 56%, в Италии Франции и США – более 40%, и только 13% – в России.[2]

Причины миграции из деревни в город рассматриваются с широких позиций – мест притока (городов) и оттока (села). Для удобства обозрения покажем причины миграции в виде Таблицы 1.

Воблый называет выгоды миграции из села в город. В обобщенном виде они были связаны с развитием промышленности, которое в условиях России означало более квалифицированную и оплачиваемую работу. Конкретизируя причины, побуждавшие сельских жителей перемещаться в города, Воблый на первое место ставит рост сельского населения и связанное с ним дробление земельного надела крестьян. Оттоку из села содействовали также различные технические усовершенствования в области сельского хозяйства, сокращавшие спрос на рабочие руки. Опыт аграрной истории Англии показал влияние на миграцию огораживания полей, обращения пахоты в луга для разведения дорогих пород скота и т.д. Несомненно, позиция Воблого «перекликается» с распространенным взглядом на причины малоземелья крестьян в России – одной из ключевых проблем изучения переселения крестьян на казенные земли. Подход к классификации причин миграции, предложенный Воблым, в 1940-е гг. получит название концепции «притяжения - выталкивания» (pull-push).

[1] К.Г. Воблый. Статистика. Пособие к лекциям. Третье издание, пересмотренное и дополненное. Киев. 1912. С. 240.
[2] Там же, с.241-242.

Таблица 1

Причины сельско-городской миграции при капитализме

Причины миграции, обусловленные ростом городов	*Причины миграции, побуждающие сельских жителей переселяться в города*
1. Развитие промышленности	1. Прирост сельского населения, приведший к дроблению земельной собственности, образованию карликовых хозяйств, которые не могли прокормить сидящего на этой земле земледельца
2. Развитие вспомогательных отраслей: торговли, кредита и т.д.	2. Технические усовершенствования в сельском хозяйстве, сократившие спрос на рабочие руки.
3. Развитие путей сообщения, облегчающих приток свежих деревенских сил в города	3. Параллельное развитие в городах фабрично-заводской промышленности, предъявлявшей все больший и больший спрос на рабочие руки.
4. Развитие культуры, распространение культурных потребностей в широких кругах населения	4. Усовершенствование путей сообщения, в значительной мере облегчившее передвижение и давшее тем самым могучий толчок к более интенсивному переселению в города
5. Усложнение задач государственной и муниципальной деятельности, вызвавшее необходимость в специальных учреждениях	5. Кроме экономических интересов, сельское население влекло в крупные центры и другие интересы: культурные, социальные, политические и т.д.

Источник: К.Г. Воблый. Статистика. Пособие для учащихся и самообразования. Шестое переработанное издание. М. 1924. С. 212-215.

Рост крупных городов анализируется Воблым с учетом новейших тенденций - «децентрализации городского населения», формирования агломераций в странах Западной Европы, расселения в более благоустроенных пригородах крупных городов, ежедневных,

т.е. маятниковых, поездок жителей пригородов в город на работу, растущей популярностью города-сада.[1]

Как и Каблуков, Воблый отмечает огромные последствия миграции для возрастной структуры городов: доли самодеятельного населения, перевеса мужчин, скученности населения и т.д. Для характеристики жилищных условий он использует данные переписей о числе проживавших в одной комнате: в Москве -2.50 чел. (1882 г.), Париже - 1.08 чел. (1892 г.), Вене – 1.37 чел. (1890 г.), С.-Петербурге - 2.2 чел. (1890 г.).[2]

Миграция в работах Воблого - сложный социальный процесс. Наряду с перемещениями из деревни в город, он отмечает колонизацию и отход крестьян. Согласно данным переписи населения 1897 года, на которые опирается Воблый, большинство населения России состояло из местных уроженцев; наибольшую роль пришлое население играло в формировании населения С.-Петербурга и Москвы, столичных губерний, а также Сибири, Кавказа и Привислинского края. В губерниях центральной России, отдававших население другим регионам, доля неместных уроженцев была низкой. Также значительное число работ Воблого посвящено эмиграции из России в начале XX столетия.[3]

В начале XX в. «академические статистики» выделяют статистику населения в качестве самостоятельного раздела. В соответствии с теоретическим представлением, она разделяется на два отдела – состав населения и движение населения. Задача статистики движения населения определяется как «изучение тех изменений в составе населения, которые «вызываются браками, рождениями и смертностью, а также передвижениями населения,

[1] Идея «города-сада» была предложена Э. Ховардом в 90-е гг. XIX в. и воплощена в строительстве ряда северных пригородов Лондона: Хамстед-Гарден-Себерб, Летчуорт и Уэлвин-Гарден-Сити (Хью Клаут. История Лондона. М. 2002. С. 119).

[2] К.Г. Воблый. Статистика. Пособие к лекциям. Третье издание, пересмотренное и дополненное. Киев. 1912. С.250.

[3] См. К.Г. Воблый: Отход на заработки в Германию и русско-германский договор. Киев. 1914; Заатлантическая эмиграция, ее причины и последствия. Варшава. Б.г. и др.

внутренними и внешними (эмиграция)».[1] Внутренние и внешние переселения выделяются в самостоятельный подотдел движения населения. Такой подход, несомненно, усилил интерес к тенденциям миграции в России и Европе.

Решающая роль в статистике миграции отводилась переписям населения. Необходимость проведения периодических переписей в России, помимо других причин, Каблуков объясняет сложностью учета передвижений населения под влиянием возросшей роли железных дорог и свободы перемещений.[2]

Рассматривая миграцию как неотъемлемую часть статистики населения, Воблый определяет ее следующим образом: «Те изменения в составе населения, которые обусловливаются переселениями, носят в статистике название *механического движения* (выделено автором - В.М.) в отличие от естественного, обусловливаемого рождаемостью и смертностью». По его мнению, статистика передвижения населения представляет значительный интерес как с социальной, так и с экономической точки зрения. Помимо изменений в составе населения, она отражает характер и направление хозяйственного развития страны. Учитывая юридические последствия, Воблый отмечает особую заинтересованность государства в исследовании механического движения.[3]

Наряду с признанием подвижности населения в качестве характерной черты новейшего времени, в работах Воблого обосновываются ограничения ее учета: «Всякий исчерпывающий контроль над передвижением был бы слишком стеснителен для населения, кроме того, стоил бы несоразмерно дорого». По мнению Воблого, такой контроль легче было осуществить в государствах, небольших по территории и численности населения.[4]

Подведем итоги изучения миграции «академическими статистиками». Во-первых, миграция населения в пореформенный период стала неотъемлемой частью статистики населения

---

[1] К.Г. Воблый. Статистика. Пособие к лекциям. Третье издание, дополненное и пересмотренное. Киев. 1912. С. 296.

[2] Н.А. Каблуков. Курс статистики. М. 1911. С. 106-107.

[3] К.Г. Воблый. Статистика. Пособие к лекциям. Третье издание, пересмотренное и дополненное. Киев. 1912. С. 346.

[4] Там же. С.347.

(демографии). Во-вторых, была признана важная роль миграции в развитии России и других стран. В-третьих, разработка теоретико-методологических вопросов включала понятие «миграция», ее классификацию и учет. В-четвертых, важным стал шаг к признанию универсальности законов, определяющих миграцию.

А.Авдеев, А.Блюм, И.Троицкая

НАРЕЧЕНИЕ ИМЕНИ В РОССИИ

«*Принимая имена святых, мы должны ревновать их благочестию, подражать их добродетелям и просить их молитв в помощь себе и в заступление*»[1]

Исследования, посвященные атрибуции имен собственных в различных культурах, занимают важное место в социальной истории. Особенности наречения имени при рождении позволяют лучше понять, какое место занимает религия в жизни общества, или являются свидетельством возникновения моды на имена, которую мы наблюдаем в обществе с XIX века. Результаты этих исследований демонстрируют заметные региональные различия в практике наречения имени, обозначая границы между сельской и городской культурами XIX века, а также кросс-культурные и лингвистические границы.[2] Особенности и обычаи наречения имени в Европе в XVIII-XIX вв. широко изучались применительно к католической и протестантской религиям, тогда как для русского православия известны лишь единичные публикации, посвященные этой проблеме.[3]

Настоящая статья содержит результаты исследования, проведенного в рамках историко-демографического проекта

---

[1] Замечание о совершении таинства Крещения // *Руководство для сельских пастырей*, № 40, 1860, с.113.

[2] J.Houdaille. Prénoms les plus fréquents dans quelques communes d'après les listes nominatives de 1836 // *Population*, 3, 1982, p. 663-669 ; J.Dupâquier et al., *Le temps de Jules : Les prénoms en France au XIXe siècle*, Paris, Christian, 1986 ; P.Besnard. Pour une étude empirique du phénomène de mode dans la consommation des biens symboliques: Le cas des prénoms // *Archives européennes de Sociologie*, XX, 1979, p. 343-351.

[3] См., например: D.Kaiser. Naming Cultures in Early Modern Russia // *Harvard Ukrainian Stuides*, 19, 1995, p. 271-291; С.Н.Булгаков, *Философия имени*, СПб: Наука, 1998; F.Conte. Traditions russes et prénoms bolcheviks // *Revue des études slaves*, 3, 1993, p. 439-457 et 2, 1994, p. 347-358; E.Gessat-Anstett. De la nomination. Enjeux familiaux et sociaux de l'attribution des prénoms en Russie // *Cahiers du Monde russe*, 3, 1999, p. 447-458.

«Демография крестьянского населения в России в XIX-XX вв.». Объектом изучения является население трех деревень Московского уезда – Выхина, Жулебина и Вязовок, – составлявших, до отмены крепостного права, Выхинскую вотчину графов Шереметевых. Исследование опирается, прежде всего, на метрические книги, в которых в России до конца 1918 года регистрировались все демографические события, происходившие в православном населении, или, точнее, обряды, им сопутствующие. Чтобы понять, как происходил выбор имен для новорожденных в XIX – начале XX вв., мы анализируем записи о 9973 младенцах, родившихся в Выхинской вотчине и окрещенных с 1815 по 1918 гг. в церкви Воскресения Христова в селе Вешняках и церкви Происхождения честных древ Креста Господня в селе Кускове.[1] Для периода 1918-1940 использованы 2 177 записей актов о рождениях, зарегистрированных в Выхинском сельском Совете.

Список имен православных святых, содержащий 203 женских и 818 мужских имен, взят из месяцеслова (календаря) на 1860 год.[2]

Правила крещения

По канонам православной церкви, собственно обряду крещения младенцев, то есть погружению их в купель священником в присутствии крестных родителей, предшествуют еще две обязательные процедуры: 1) молитва жене-родильнице и 2) наречение имени новорожденному. Молитва читается приходским священником в доме, где живет родильница, по приглашению хозяина этого дома. Что касается наречения имени, то новорожденного младенца, по правилам, необходимо принести к церкви (чаще всего это делает повивальная бабка, принимавшая роды), где вышедший из церкви священник дает ребенку имя с соответствующей молитвой.

---

[1] Для более детального описания изучаемого населения и использованных источников см.: А.Авдеев, А.Блюм, И.Троицкая Сезонный фактор в демографии российского крестьянства в первой половине XIX века: брачность, рождаемость, младенческая смертность // *Российский демографический журнал*, 1, 2002, p. 36-45; A.Avdeev, A.Blum et I.Troitskaia. Etude sur le mariage paysan russe au 19ème siècle // *Population*, 6, 2004, p.833-876.

[2] Календарь на 1860 високосный год. М., 1859, с.55-63.

В церковном уставе записаны рекомендуемые сроки проведения этих обрядов: молитва «болящей» родильнице совершалась сразу же после родов, наречение имени полагалось на восьмой день после рождения, «сообразно с тем, что Господь наш наречен святейшим именем Иисуса в 8-й день»[1]; собственно обряд крещения предписывалось совершать на 40-й день после рождения. Исключение, безусловно, составляли случаи рождения слабых, нежизнеспособных детей, которых имел право крестить любой православный (чаще всего повивальные бабки) тотчас же после рождения, с исполнением необходимых правил.[2]

В быту эти правила выдерживались «крайне редко даже Церковью: младенца стремились окрестить не позже девятого дня».[3] По метрическим книгам Вешняковской и Кусковской церквей, из 9973 зарегистрированных крещений новорожденных почти 95% совершалось в первые три дня после рождения (таблица 1).

Объяснения такому отступлению от правил могли быть самыми разными: местные обычаи, близость или отдаленность церкви, время года, официальное место жительства родителей и крестных родителей. В нашем случае обе церкви, к приходам которых относилось население Выхинской вотчины, находились на расстоянии не более 5 верст от каждой из трех деревень, составляющих вотчину;[4] таким образом, у жителей вотчины не было повода откладывать крещение за неимением времени для похода в далеко расположенную церковь.

---

[1] О совершении таинства Крещения // Руководство для сельских пастырей, № 21, 1860, с.73.

[2] Правила заключались в троекратном погружении в воду и произнесении слов: «Крещается раб Божий или раба Божия (имя) во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». Если младенец не выживал, считалось, что он умер окрещенным; если же новорожденный оставался жив, «домашний» обряд крещения дополнялся впоследствии церковным обрядом, совершаемым священником. См.: *Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода*, СПб, 1902, с.197, № 879.

[3] Т.А.Бернштам. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб, 2000, с.96.

[4] Справочная книжка Московской губернии (описание уездов), составленная по официальным сведениям Управляющим Канцеляриею Московского губернатора А.П.Шрамченко. Москва, Губернская Типография. 1890. С. 36.

Таблица 1

Длительность периода от рождения до крещения младенцев в Выхинской вотчине, 1815-1918 гг.

Период между рождением и крещением (в днях)	Число крещений	% от общего числа рождений	Кумулятивный %
0	3100	31.1	31.1
1	5580	55.9	87.0
2	713	7.1	94.2
3	199	2.0	96.1
4	108	1.1	97.2
5	56	0.6	97.8
6-10	174	1.7	99.5
11-20	37	0.4	99.9
21-30	6	0.1	100.0
31-40	1	0.0	100.0

По этой же причине мы не находим большой разницы в длительности периода между рождением и крещением в зимние и летние месяцы, которая могла бы быть вызвана интенсивным рабочим графиком в летний период (см. табл.2).

Что касается связи официального места жительства родителей со сроками крещения, то практически во всех случаях «отложенных» крещений (42 из 44), когда обряд совершался более чем через 10 дней после рождения, родители младенца не принадлежали к юридическому населению вотчины, а были приписаны к другому месту, иногда довольно отдаленному. В этих случаях в метрических книгах Вешняковской церкви в качестве крестных родителей почти всегда фигурируют родственники или земляки родителей; возможно, крестины откладывались в ожидании прибытия восприемников в Выхинскую вотчину из других уездов и даже губерний. Если обряд откладывался на более или менее длительный срок, приходские священники рекомендовали родителям выбрать для него воскресный или праздничный день, «чтобы совершать крещение с большею торжественностью и при большем числе присутствующих»[1]. В

[1] О совершении таинства Крещения // Руководство для сельских пастырей, № 21, 1860, с.83.

нашем случае почти половина всех отложенных крещений (19 из 44) совершена в воскресный день.

Таблица 2

Длительность периода между днем рождения и крещения в зимние и летние месяцы

Длительность периода (в днях)	Февраль		Июль	
	N	%	N	%
0	248	31.0	292	30.7
1	444	55.5	535	56.3
2	55	6.9	70	7.4
3	15	1.9	17	1.8
4	9	1.1	6	0.6
5	4	0.5	7	0.7
6-10	19	2.4	17	1.8
11-20	4	0.5	4	0.4
21-30	2	0.3	1	0.1
31-40	0	0.0	1	0.1
Всего случаев	***800***	***100***	***950***	***100***

Но главным объяснением проведения обряда крещения вскоре после рождения, вероятнее всего, была боязнь, что новорожденный может умереть некрещеным. Такие опасения были небезосновательны, если принять во внимание высокий уровень младенческой смертности в России в XIX веке.[1] Священникам предписывалось всеми мерами искоренять «зловредный и даже опасный» обычай откладывать крещение новорожденных до неопределенного времени. По 68 правилу Номоканона, лица, по вине которых крещение не было совершено вовремя, и ребенок умер некрещеным, наказывались трехлетним отлучением от причастия «с поклонами на всякий день по двести».[2]

---

[1] О младенческой смертности в Выхинской вотчине см.: А.Авдеев, А.Блюм, И.Троицкая. Сезонный фактор в демографии российского крестьянства в первой половине XIX века: брачность, рождаемость, младенческая смертность // *Российский демографический журнал*, № 1, 2002, с. 43-45.

[2] Полный круг духовных законов. Действия, обязанности и права лиц православного белого и монашествующего духовенства. М., 1881, с.401; А.С.Павлов. Номоканон при большом Требнике. М., 1897, с.191.

В связи с тем, что крещение новорожденных не откладывалось на долгое время, нарушалась и внешняя сторона обряда наречения имени: ребенка не приносили к церкви за именем и молитвой, как это предписывалось, но приходила одна повивальная бабка, которая и получала от приходского священника имя новорожденному. Сельские священники, сталкиваясь с такой практикой, не видели в ней особого нарушения церковного устава. Поскольку между заочным наречением имени и приносом ребенка для крещения проходит несколько часов и редко – больше 2-3 дней, в течение этого времени «родители могут звать его нареченным именем и без молитвы, с тем, чтобы имя это было вскоре освящено молитвою в присутствии самого младенца».[1] Довольно частым было соединение обрядов наречения имени и крещения вскоре после родов.[2]

Выбор имени: канонические правила

По православным законам, выбор имени младенца предоставлялся родителям,[3] с возможным участием восприемников, родственников и приходского священника.[4] Главным условием было присутствие выбранного имени в православных святцах: считалось недопустимым давать детям имена языческих угодников или иноверных святых. При этом святые, «не чтимые всей Церковью, но почитающиеся местно, также удовлетворяют условиям наречения имен».[5] Кроме того, в православии существовал древний обычай, согласно которому не следовало давать при крещении

---

[1] *Полный круг духовных законов*, с.410.
[2] Т.А.Бернштам. *Указ. соч.*, с.102.
[3] Симеон Солунский, гл.59; цит. по: П.И.Нечаев. *Практическое руководство для священнослужителей*. СПб, 1897, с.198.
[4] Хотя в литературе встречаются и указания на то, что право давать имя младенцу принадлежит священнику: см. Замечания о совершении таинства Крещения *// Руководство для сельских пастырей, 1860, № 40, с.112*. Вероятно, как это нередко бывает, некоторые обычаи становятся настолько распространенными и глубоко укоренившимися, что рассматриваются как непреложные правила. Сюда следует отнести, к примеру, запрет отцу находиться в церкви при крещении своего ребенка; о том, что это не более чем обычай, который можно нарушить, вспоминают в тех случаях, когда священнику приходится, по воле обстоятельств, крестить собственных детей.
[5] Полный круг духовных законов, с.415.

новорожденным младенцам имен Иисус и Мария.[1] Как мы увидим ниже, в Выхинской вотчине, как и во всей России, этот обычай не соблюдался, и имя Мария было самым распространенным в изучаемый период.

Но кто бы ни выбирал имя для новорожденного, первым источником всегда были святцы. Из всего многообразия имен, представленных в православном календаре, предпочтение отдавалось «имени того святого, который прилучится или в день чтения молитвы по новорожденному, или в восьмой день по рождении, или же в дни рождения или крещения».[2] По другим источникам, священник предлагает ребенку имя «по святцам восьми дней (на период от дня родин)»[3] или «имя святого Божия, празднуемого в этот (*день наречения имени – авт.*) или один из ближайших дней, а лучше всего празднуемого в 8-й день по рождении».[4] Чтобы избежать ошибок, священнику предлагалось сверяться не только со святцами, но и с алфавитным списком всех святых, празднуемых православной церковью, который обычно публиковался в календарях и был гораздо шире святцев.[5] Хотя можно с большой долей уверенности предположить, что народ и сам имел довольно точное представление о том, какой святой (или святая) «прилучились» в тот или иной день. Вспомним хотя бы народные приметы, предсказывающие погоду и смену времен года или определяющие важные этапы крестьянской жизни, прежде всего календарь сельскохозяйственных работ: практически все они связаны с именами святых, память которых празднуется в этот день.[6]

---

[1] См., например: Замечания о совершении таинства Крещения // *Руководство для сельских пастырей*, 1860, № 40, с.113; *Полный круг духовных законов. Действия, обязанности и права лиц православного белого и монашествующего духовенства.* М., 1881, с.398.

[2] П.И.Нечаев. Практическое руководство для священнослужителей. СПб, 1897, с.198.

[3] Т.А.Бернштам, указ. соч., с.95.

[4] Беседы к простому народу о святых таинствах. Беседа 1-я о таинстве святого крещения // *Руководство для сельских пастырей*,1865, № 7, с.220.

[5] Например, *Полный месяцеслов всех празднуемых святых*, издаваемый Академией наук и Киевской лаврой; или *Сословие имен по алфавиту*, прилагаемое к большим синодальным Требникам.

[6] Например: 6 февраля: Ксения (Аксинья) Полузимница. Какова Аксинья, такова и весна; 11 сентября: Феодора (Федора) Капустница. Лето кончается, осень

Считалось недостойным священнослужителя, из мести родителям, восприемникам или родственникам новорожденного, давать младенцу неудобопроизносимое, неблагозвучное или не принятое в обществе имя, а также клеймить таким способом незаконнорожденных детей.[1] Если такие случаи упоминались в сборниках духовных законов, значит, они были возможны; значит, священник действительно играл немаловажную роль в выборе имени для новорожденного и мог иногда единолично принимать решения, касающиеся этого выбора.

Кроме того, священнику не рекомендовалось давать одно и то же имя нескольким детям одних и тех же родителей, чтобы избежать недоразумений «в общественном отношении (например, в призыве к отбыванию воинской повинности, в определении прав наследства и т.п.) вследствие принятия одного лица за другое».[2] То же и в отношении труднопроизносимых имен: священники, особенно сельские, не должны давать их, поскольку «народ часто коверкает их, что не узнать имена угодников Божиих».[3] Даже самые распространенные имена имели свои народные, бытовые варианты, отличные от записанных в святцах: Евдокия – Авдотья, Іулиания – Ульяна, Ксения – Аксинья, Стефан – Степан и пр.

Участие родителей и родственников в процессе выбора имени зачастую основывалось на суевериях и предрассудках. По мнению простых людей, бывают имена счастливые и «бесталанные»; первые, безусловно, предпочтительнее. По этой причине детям давались имена удачливых родственников или знакомых. Более образованные люди выбирали для своих детей имена благородные и благозвучные, «как у героев читаемых родителями романов».[4]

Подобные рекомендации, ограничения, суеверия, а также местные обычаи и «мода» на имена приводили к тому, что в Выхинской вотчине в период с 1815 по 1918 год из двухсот с

начинается; 5 мая: Ирина (Арина) Рассадница. Высаживают огурцы и капустную рассаду, и т.п. Здесь и далее даты даны по юлианскому календарю (старый стиль).

[1] См: П.И.Нечаев, указ. соч., с.198; Полный круг духовных законов, с.415.

[2] П.И.Нечаев, указ. соч., с.198.

[3] Полный круг духовных законов, с.398.

[4] Замечания о совершении таинства Крещения // Руководство для сельских пастырей, 1860, № 40, с.112.

лишним женских имен, записанных в списке православных святых, использовалась едва ли треть; из мужских же имен, выбор которых был гораздо обширнее – более 800 – в метрических книгах встречается чуть более 8%.

Выбор имени: практика

Соблюдение церковных правил

Изучение записей о родившихся в метрических книгах Вешняковской и Кусковской церквей показывает, что в период с 1815 по 1918 год основные правила наречения имен новорожденным соблюдались. Все встречающиеся в книгах имена (68 мужских и 63 женских) взяты из православного месяцеслова; все они либо традиционны для крестьянского населения, либо, появляясь в определенный момент впервые в книгах, не вызывают трудностей при произнесении. Все, в подавляющем большинстве случаев, даются младенцам, рожденным незадолго до празднования дня памяти соответствующего святого. Пожалуй, только рекомендации не давать одинаковых имен детям в одной семье нарушались наиболее часто. Так, в ревизских сказках 8й ревизии (1834 г.) мы находим в Выхинской вотчине 6 семейных пар, у которых два сына носили одинаковые имена. Во время 9й ревизии (1850 г.) таких семей было уже 10, а в деревне Вязовки в семье Никифора и Марины Журкиных было, по ревизской сказке 1850 года, три сына Василия, 6, 11 и 17 лет. Женские имена повторялись в 6 семьях по 8й ревизии и в 5 семьях по 9й ревизии.[1] Повторяющиеся в одной семье женские имена встречаются реже, так как девушки, выходя замуж, уходили из родительского дома, тогда как юноши после женитьбы практически всегда оставались в той же семье, продолжая жить вместе со своими братьями-тезками. Заметим, что здесь речь идет только о детях с одинаковыми именами, жившими одновременно. Гораздо больше было случаев, когда с упорством, достойным лучшего применения, родители давали младенцам имена их недавно умерших братьев или сестер. Если взять в качестве примера наиболее распространенные женские и мужские имена, окажется,

[1] Центральный исторический архив г.Москвы, фонд 51, опись 8, ед.хр. 324 (лл.6??-769); ед.хр. 582 (лл.1211-1311).

что в некоторых семьях эти имена давались детям по 3 и даже 4 раза; и практически каждая вторая семейная пара дважды давала своим детям одно и то же имя (см. табл.3). Лишь высокая младенческая смертность позволяла избежать ситуации, когда дети с одинаковыми именами встречались бы чуть не в каждой крестьянской семье.

Таблица 3

Число семей, дававших своим детям повторяющиеся имена
Выхинская вотчина, 1815-1918 гг.

Сколько раз дети в семье назывались одним и тем же именем	Имена			
	Иван	Василий	Мария	Анна
	Число семей			
Два	103	93	77	48
Три	20	8	9	4
Четыре	3	0	0	1

Что же касается правила «восьмого дня», то есть выбора для новорожденного имени того святого, память которого празднуется в ближайшие восемь дней после рождения, оно, в общем, выполнялось. Мы покажем это ниже, на нескольких конкретных примерах для различных женских и мужских имен. Но сейчас уже можно сказать, что ни один младенец не был назван в честь святого, день памяти которого праздновался ДО рождения, и очень немногие – в честь святого, чей день памяти совпал с днем рождения младенца. Даже в дни празднования наиболее почитаемых православной церковью святых их именами называлось, за редким исключением, не более трети всех детей, родившихся в этот день, тогда как за несколько дней до празднования все рожденные дети соответствующего пола назывались именем этого святого (см. Таблицу 4).

Выбор и конкуренция имен

Выбор имени для новорожденного, особенно для мальчика, на первый взгляд кажется довольно сложным делом. Как мы уже упоминали выше, список святых, почитаемых православной церковью, содержал более 800 мужских и 200 женских имен; при этом некоторые мужские имена имели десятки дней памяти в году (см. таблицу в Приложении).

Таблица 4

Доля новорожденных, названных в честь некоторых святых, среди всех родившихся

За сколько дней до празднования памяти младенец родился	Доля названных этим именем среди всех новорожденных того же пола, родившихся в тот же день					
	Мужские имена			Женские имена		
	Алексей *(17 марта)*	Михаил *(8 ноября)*	Николай *(6 декабря)*	Евдокия *(1 марта)*	Татьяна *(12 января)*	Екатерина *(24 ноября)*
10	58.3	36.4	80.0	75.0	95.7	93.8
9	71.4	58.3	69.2	***100***	80.0	50.0
8	***100***	75.0	***100***	69.2	68.8	76.9
7	91.7	63.2	91.7	66.7	94.7	76.9
6	77.8	75.0	***100***	57.1	78.9	***100***
5	***100***	75.0	84.2	68.8	87.5	72.7
4	80.0	85.0	87.5	73.7	66.7	90.9
3	85.7	83.3	83.3	91.7	76.5	85.7
2	75.0	80.0	78.6	80.0	69.2	50.0
1	***100***	45.5	93.8	82.4	53.3	66.7
0 (в день памяти)	23.1	20.0	33.3	56.0	12.5	20.0
- 1 (накануне дня памяти)	0	0	0	0	0	0

В каждом месяце было в среднем 3 дня, в которые одновременно праздновались памяти более чем 10 святых; это были практически всегда святые мужского пола. К примеру, 4 января православная церковь праздновала память 74 святых; 9 марта – 42. В году было всего 8 дней, на которые не падало празднование памяти ни одного святого-мужчины и 187 дней, в которые не поминалась ни одна святая (см. табл.5). К тому же, поскольку церковные правила связывали выбор имени не с одним конкретным днем рождения, а с некоторым периодом вблизи этого дня, «периоды влияния» отдельных имен пересекались, что, казалось, должно было еще больше затруднить выбор.

Таблица 5

Распределение дней года по количеству празднуемых святых

Количество почитаемых святых в день	Количество дней в году	
	Мужского пола	Женского пола
1	34	109
2	48	33
3	58	21
4	48	6
5-10	134	9
11 и более	35	0
Итого	**357**	**178**

Однако, местные традиции, суеверия, большее почитание одних святых по сравнению с другими существенно облегчали выбор имени, сужая множество теоретически возможных вариантов до относительно небольшого числа. Прежде всего, многие имена в святцах были абсолютно нетипичными для крестьян и никогда не использовались ими для наречения своих детей. К примеру, по православному календарю 1860 года, 26 марта праздновались дни памяти 17 святых-мужчин; посмотрим на их имена: Агн, Арпилл, Василий, Вафусий, Верк, Гавриил, Игафракс, Ириней, Иской, Малх, Реас, Сигиц, Сила, Сонирилл, Суимвл, Филл, Ферм. Только два из них, а именно Василий и Гавриил, традиционны для православной крестьянской среды, вписываются в рамки народной центрально-российской культуры XIX в. и поэтому встречаются в метрических

книгах Вешняковской и Кусковской церквей.[1] Именно между ними происходит своего рода конкуренция, в которой имеют значение важность каждого из святых для православной религии, популярность каждого из имен в данной местности, наличие в семье удачливых и богатых родственников с тем же именем и т.п. В данном конкретном случае большее почитание православной и всей христианской церковью Архангела Гавриила, принесшего благую весть Деве Марии, уравновешивается большей популярностью имени Василий в Выхине (2е место в списке имен против 22го для имени Гавриил). В итоге из 118 мальчиков, родившихся в течение 10 дней, предшествующих 26 марта, 27 (22.9%) получили имя Василий, и 28 (23.7%) – имя Гавриил.

Популярность имени может быть лучше всего оценена частотой его использования. Вспомним, что в 1815-1918 гг. прихожане Вешняковской и Кусковской церквей из всего списка имен святых использовали только 68 мужских и 63 женских для наречения своих детей; половина имен из этого «короткого» списка встречается в метрических книгах спорадически, менее 10 раз за все сто с лишним лет наблюдений. В то же время, как видно из таблицы в Приложении, 15 наиболее часто встречающихся мужских имен были даны 86% мальчиков, родившихся в указанный период; аналогичный показатель для новорожденных девочек равен 78%. При этом число дней памяти святого в году является важным, но не единственным определяющим фактором популярности имени. Из того же Приложения мы видим, к примеру, что мужское имя Николай, которому в календаре соответствуют лишь 6 дней памяти в году, является третьим по частоте использования. В отношении женских имен на первый взгляд кажется, что популярность имени прямо зависит от количества дней памяти, хотя определенных выводов делать не следует из-за относительно небольшого количества святых женского пола в православном календаре. Заметим только, что места с 6го по 10е в списке наиболее распространенных женских имен занимают имена тех святых, у которых всего один день памяти в году.

[1] Мы знаем из других источников, главным образом из литературных, что именами Ириней и Сила также называли детей в России, но они никогда не появлялись в метрических книгах Вешняковской и Кусковской церквей.

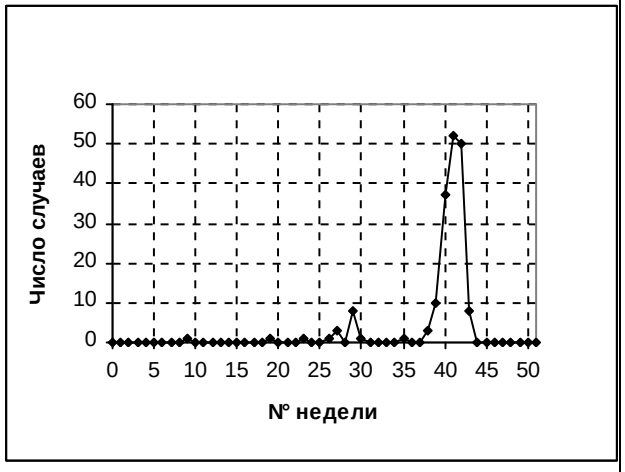
Третий фактор выбора имени – *большее почитание одних святых по сравнению с другими* – лучше всего виден при анализе распределения одного и того же имени по месяцам года. Практически для каждого имени, даже если оно имеет несколько дней памяти в году, случаи наречения имени концентрируются вокруг одного дня памяти, предположительно того святого, который наиболее почитаем в православной церкви вообще или, может быть, в данной местности в частности (в табл.5 эти случаи выделены курсивом). Лучше всего это видно на примере мужских имен, потому что концентрация женских, за исключением Марии и Анны, вполне объяснима. Почти половина списка наиболее распространенных женских имен дана в честь святых, память которых празднуется всего один раз в году. Мужские же имена позволяют нам из нескольких православных святых, носящих одно и то же имя, определить наиболее почитаемого (см. Рис. 1 и табл.6).

Наречение имени в честь родственников, было, вероятнее всего, наименее важным фактором выбора имени и наиболее трудным для проверки. К примеру, проверим связь имени новорожденной девочки с именем ее матери или крестной матери для тех рождений, которые действительно отстоят по времени очень далеко от дня памяти соответствующей святой.[1] Оказывается, подобная связь имеется: из девяти Екатерин, родившихся вне «периода влияния» соответствующей святой, у пятерых мать носила то же имя, а у одной – крестная мать. Из четырех Татьян, рождение которых нельзя связать по времени с празднованием дня памяти, три предположительно названы в честь своих матерей, а из четырех Наталий – все четыре. Мы не проверяем, были ли у новорожденных другие родственницы с теми же именами, но при относительно большом размере крестьянской семьи и наличии у каждого младенца двойного «комплекта» родственников – по отцовской и материнской линии, – можно предположить, что дети иногда назывались и в честь других членов семьи.

[1] Провести подобный анализ для мужских имен представляется нам затруднительным, поскольку, как мы уже отмечали, практически все имена из списка имели по нескольку дней памяти в году.

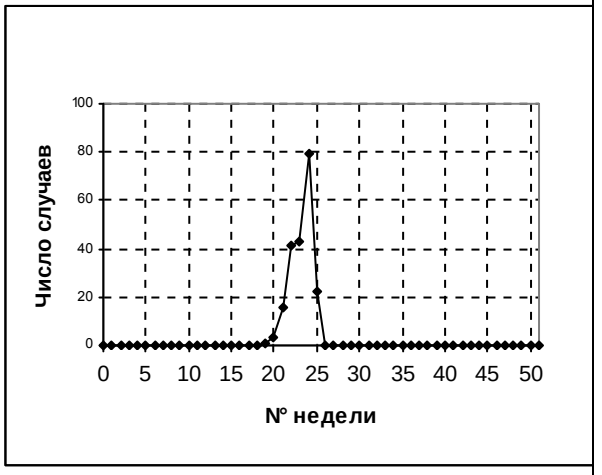
Рис.1. Распределение некоторых популярных имен в России по неделям года (за весь период 1815-1918 гг.)

Параскева
(празднуется 26/07, 14/10, 28/10*)

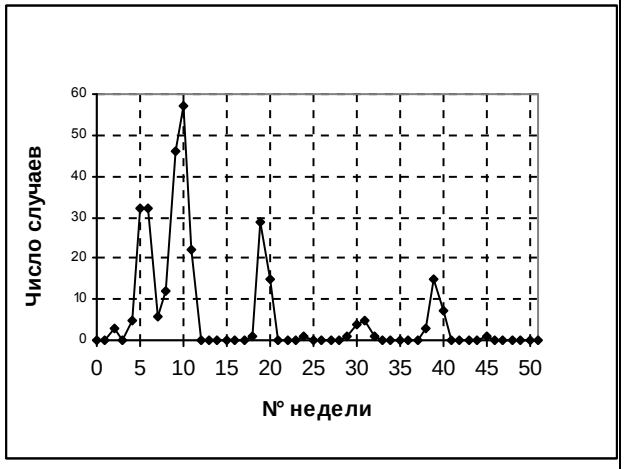
*28/10 – Святая великомученица Параскева Пятница

Агриппина
(празднуется 23/06)

Алексей

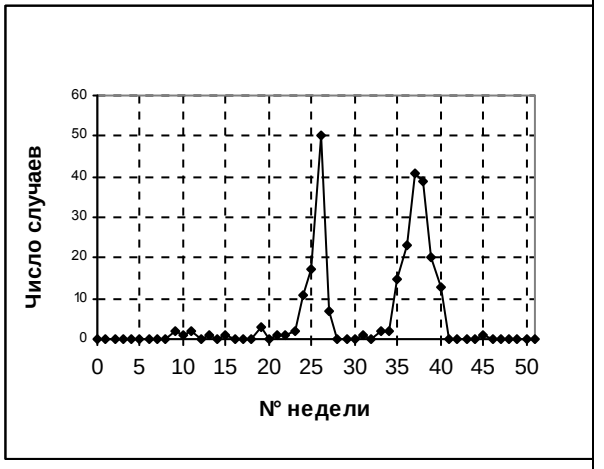
(празднуется 12/02, 17/03*, 20/05, 5/10, 23/11)

*17/03 – Алексей Божий человек

Сергей

(празднуется 20/03, 5/07*, 25/09**, 7/10)

*5/07 – Обретение мощей преподобного Сергия Радонежского

**25/09 – Преподобный Сергий Радонежский

Таблица 6. Мужские имена, имеющие выраженный пик помесячных распределений, в зависимости от важности святого для православной церкви

Имя	Дней памяти в году	Концентрация имени вокруг дня памяти	Другие дни памяти в году	Православные святые, почитаемые в эти дни
Алексей	5	17 марта (Алексея – Божия человека) http://www.days.ru/Life/life661.htm	12 февраля 20 мая 5 октября	Святитель Алексий, митрополит Московский и всея Руси (XIV в.)
			23 ноября	Александр Невский, в схиме Алексий
Сергей	4	25 сентября (преподобного Сергия Радонежского) http://www.days.ru/Life/life1602.htm	20 марта	Преподобный Сергий, в обители святого Саввы (Иерусалим) убиенный
			5 июля	Обретение мощей преп. Сергия Радонежского
			7 октября	Римский мученик Сергий
Дмитрий	8	26 октября (великомученика Димитрия Солунского) http://www.days.ru/Life/life4593.htm	11 февраля	Преподобный Димитрий, вологодский чудотворец
			15 мая 3 июня	Благоверный царевич Димитрий, убитый в Угличе
			9 августа	Римский мученик Димитрий
			11 сентября	Святой мученик князь Димитрий, правитель Скепсии
			21 сентября	Обретение мощей святителя Димитрия, митрополита Ростовского (XVIII в.)
			15 ноября	Мученик Димитрий Дабудский (IV в.)

Выбор имени: изменения на протяжении XIX века

Перечисленные выше три основных фактора, определяющие выбор имени, а именно культурные традиции, роль святого и местная популярность имени («мода на имя») на протяжении изучаемого нами периода оказывали неодинаковое влияние на принятие решения. Первые два, скорее всего, мало изменялись во времени. Едва ли имена, вроде Игафракс или Сонирилл (см. пример на с.10), могли быть при каком бы то ни было стечении обстоятельств приняты в крестьянской среде, какими бы достойными почитания ни были святые, их носящие. Также маловероятно, что список, приведенный в месяцесловах, мог сильно расшириться в изучаемый нами период за счет добавления в него новых имен. В синодальный[1] период истории православной церкви (1721-1917) были канонизированы всего лишь 11 православных святых, и еще двое – на Поместном Соборе 1917-1918 гг. Канонизация этих святых могла скорее добавить дополнительный день памяти уже имевшемуся в списке имени, чем расширить сам список.

Почитание одного святого по сравнению с другими также едва ли могло возрасти или уменьшиться, поскольку речь шла о человеке давно умершем, который не мог своими деяниями и чудесами изменить отношение к себе. Единственным исключением мог стать рост местной популярности имени из-за перенесения мощей или возведения новой церкви в честь соответствующего святого.

Следовательно, только изменение популярности имени, в отрыве от образа того святого, в память которого оно давалось, могло повлиять на выбор имени для новорожденного и на изменение «рейтинга» отдельных имен на протяжении изучаемого периода.

Табл. 7 отражает основные тенденции изменения популярности различных имен на протяжении изучаемого периода. Как мы видим из таблицы, все приведенные в ней имена можно разделить на 4 группы:

[1] Период, когда все дела церкви находились в ведении Святейшего Синода, созданного в 1721 году и просуществовавшего вплоть до революции 1917 года.

Таблица 7

Изменение рейтингов имен в Выхинской вотчине в зависимости от периода

мужские имена

Период	Иван	Василий	Николай	Александр	Виктор	Борис	Матвей
1815-1824	1	2	14	18	-	-	14
1825-1834	1	2	4	21	-	-	19
1835-1844	1	2	7	17	-	-	20
1845-1854	1	2	9	12	-	-	22
1855-1864	2	1	8	9	-	-	20
1865-1875	2	1	4	7	-	-	23
1876-1885	3	1	4	2	-	25	25
1886-1897	1	2	3	6	-	25	-
1898-1907	1	2	3	8	28	19	-
1908-1918	2	3	1	6	12	16	-

женские имена

Период	Анна	Мария	Александра	Елена	Клавдия	Антонина	Евфимия
1815-1824	2	3	17	24	-	-	11
1825-1834	3	2	19	24	-	-	22
1835-1844	1	4	15	18	-	-	16
1845-1854	1	2	11	21	-	-	20
1855-1864	3	1	4	14	-	-	15
1865-1875	2	1	7	11	-	-	25
1876-1885	2	1	7	11	21	-	-
1886-1897	2	1	6	14	23	-	29
1898-1907	2	1	3	15	7	21	-
1908-1918	2	1	4	13	3	5	-

1) Имена, популярность которых не изменилась на протяжении всего периода. Мужские имена Иван и Василий, женские – Анна и Мария всегда были в первых строчках списка имен, наиболее часто даваемых детям в Выхинской вотчине;
2) Имена, которые всегда были в списке часто используемых, но популярность их значительно возросла на протяжении XIX века. Это относится, прежде всего, к мужским именам Николай и Александр. Женское имя Александра также переместилось в списке популярных имен с 17-19 места в начале периода наблюдений на 3-4 в конце его.
3) Имена, совершенно не бывшие в употреблении у жителей Выхинской вотчины в начале периода, но к концу его завоевавшие высокие рейтинги в списке имен (Виктор, Борис; Клавдия, Антонина);
4) Имена, которые, будучи достаточно популярны в начале периода наблюдения, исчезли из употребления к концу его; это, как правило, традиционные крестьянские имена (Матвей, Евфимия).

Наибольшее влияние на изменение популярности тех или иных имен могли оказать следующие факторы: изменение социального состава Выхинской вотчины; возросшая во второй половине XIX века территориальная мобильность населения вотчины; исторические события, такие, как отмена крепостного права в 1861 году или коронация нового государя.

Так, например, объяснение возросшей популярности имен Николай, Александр и Александра, возможно, следует поискать в российской истории. Начиная с 1801 года и до революции 1917 года, все 5 русских царей носили имя Николай либо Александр; при этом один из них, а именно Александр II «Освободитель» (правил с 1855 по 1881 г.) имел особое значение для русских крестьян как царь, отменивший крепостное право реформой 1861 года.

Что касается социального состава родителей всех новорожденных, записанных в метрические книги Вешняковской и Кусковской церквей, он, на первый взгляд, не очень сильно изменился на протяжении XIX века (Табл.8). Но если до реформы доминирующая социальная группа – крестьяне – более чем на 90% состояла из жителей Выхинской вотчины, то после 1861 г. этот показатель снизился до 85%. То есть, каждая шестая запись о

родившихся относилась к детям крестьян из других уездов и губерний, со своими традициями и предпочтениями в выборе имени для новорожденных. Даже преобладание жителей вотчины среди всех родителей еще не говорит о том, что практика наречения имени мало изменилась. Отмена крепостного права облегчила территориальные перемещения крестьян, отход на заработки в близлежащую Москву или на железную дорогу, проходившую рядом с вотчиной, откуда они могли приносить моду на новые, «городские» имена – Клавдия, Антонина, Виктор, Борис из Табл.7. Также носителями новых идей при выборе имени для новорожденных могли стать солдаты – довольно мобильная социальная группа. Как мы видим, их доля в населении Выхинской вотчины возросла втрое во второй половине изучаемого периода.

Таблица 8

Социальный состав родителей новорожденных, зарегистрированных в метрических книгах Вешняковской и Кусковской церквей, 1815-1918 гг.

Социальная группа	1815-1861		1862-1918	
	N	%	N	%
Крестьяне	3684	97.3	5798	94.2
Солдаты	56	1.5	284	4.6
Мещане	45	1.2	73	1.2
Купцы	8	0.2	11	0.2
Ремесленники	1	0.0	4	0.1
Итого	***3785***	***100***	***6155***	***100***

«Святой Владимир Ильич»: послереволюционная практика

Изучение наречения имени в исторической перспективе дает уникальную возможность для оценки влияния революции 1917 года и последующего отделения церкви от государства на преемственность традиций и роль церкви в жизни населения, особенно крестьянского. Обнаруженная нами в дореволюционный период сильная связь между днем рождения и «днем ангела» позволяет измерить скорость, с которой новая жизнь ломала

традиционный крестьянский уклад и вытесняла религию из повседневной жизни. Церковный календарь, по которому жила Россия, был отменен декретом от 24 января 1918 года, и после отделения церкви от государства регистрацией рождений стали заниматься вновь созданные органы ЗАГС; тем не менее, мы продолжаем наблюдать влияние религиозных традиций на выбор имен для новорожденных в Выхинской вотчине. Вместе с тем, наблюдается и нечто новое в практике наречения имен: популярность тех или иных имен претерпевает изменения, особенно заметно обновляется список наиболее часто встречающихся женских имен; появляются новые имена, можно сказать, рожденные революцией, но исчезают из обихода довольно быстро.

После 1917 года институциональные изменения касаются, помимо всего прочего, отстранения церкви от регистрации демографических событий. Декрет СНК РСФСР от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» знаменовал начало процесса, приведшего впоследствии к отделению церкви от государства (декрет от 20 января 1918 года) и принятию Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (16 сентября 1918 года). После этой даты функция регистрации демографических событий формально перешла к органам ЗАГС, хотя, вероятно, церковная регистрация крещений, браков и отпеваний продолжалась еще некоторое время: последняя запись в метрических книгах Вешняковской церкви датирована 2 ноября. К сожалению, становление новой системы учета естественного движения населения было непростым, поэтому качество информации в первые годы после создания органов ЗАГС оставляет желать лучшего. В период от 1918 года до начала Великой Отечественной войны формуляры ЗАГС менялись, по меньшей мере, 4 раза; служащие были плохо подготовлены а иногда, особенно в начале периода и особенно в сельской местности, почти неграмотны. Тем не менее, эти недостатки системы учета не помешали распространить наше исследование наречения имени на послереволюционный период, используя данные из 2177 свидетельств о рождении, выданных Выхинским сельским Советом с конца 1918 по1940 г. включительно.

Прежде всего, бросается в глаза изменение предпочтений в именах после 1918 года (см. Табл.9).[1]

Таблица 9

Изменение рейтингов имен в Выхинской вотчине после 1918 г.

Мужские имена	Рейтинги		**Женские имена**	Рейтинги	
	после 1918 года	до 1918 года		после 1918 года	до 1918 года
Николай	1	3	Валентина	1	35-36
Владимир	2	21	Клавдия	2	16-17
Михаил	3	5	Анна	3	2
Сергей	4	8	Мария	4	1
Виктор	5	28	Вера	5	20
Александр	6	7	Галина	6	44-46
Василий	7	2	Зинаида	7	28
Алексей	8	6	Антонина	8	27
Евгений	9	36-38	Александра	9	5
Анатолий	10	30-31	Нина	10-11	42-43
Иван	11	1	Лидия	10-11	37-39
Петр	12	4	Екатерина	12	7
Юрий (Георгий)	13	15-16	Людмила	13-14	56-63
Павел	14	10	Надежда	13-14	25
Валентин	15	43-47	Любовь	15	33-34

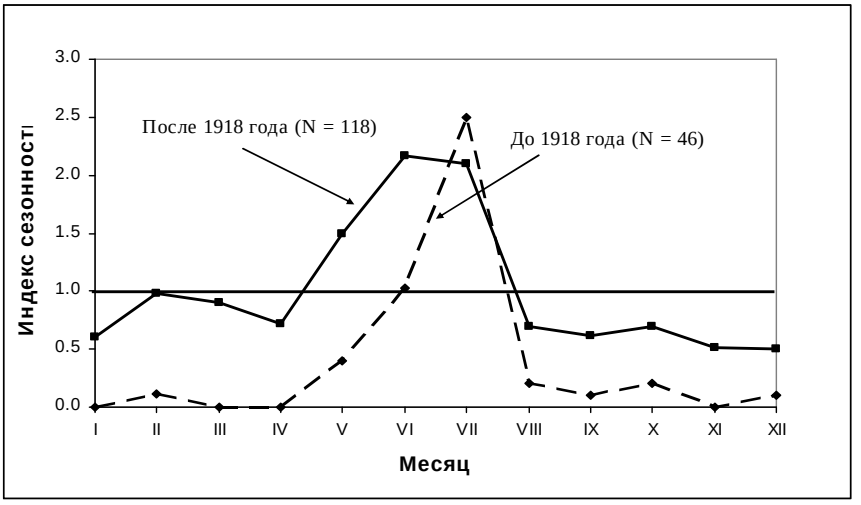
Список наиболее популярных мужских имен изменился не очень существенно. По-прежнему в начале списка находятся Николай, Михаил, Алексей, Василий – имена, которые и до 1918 года крестьяне давали многим новорожденным мальчикам. Имя Владимир становится вторым по популярности, не сумев, тем не менее, отнять пальму первенства у Николая. Не наблюдаем ли мы здесь то же влияние личности Ленина на выбор имени для

[1] 1918 год выбран в качестве границы, обозначающей переход от церковной регистрации к гражданской.

новорожденных мальчиков после 1918 года, как влияли на этот выбор личности царей в дореволюционный период? Список женских имен практически полностью обновился: все имена из первой десятки, за исключением Анны, Марии и Александры, до 1918 года крайне редко выбирались жителями Выхинской вотчины для наречения новорожденным девочкам.

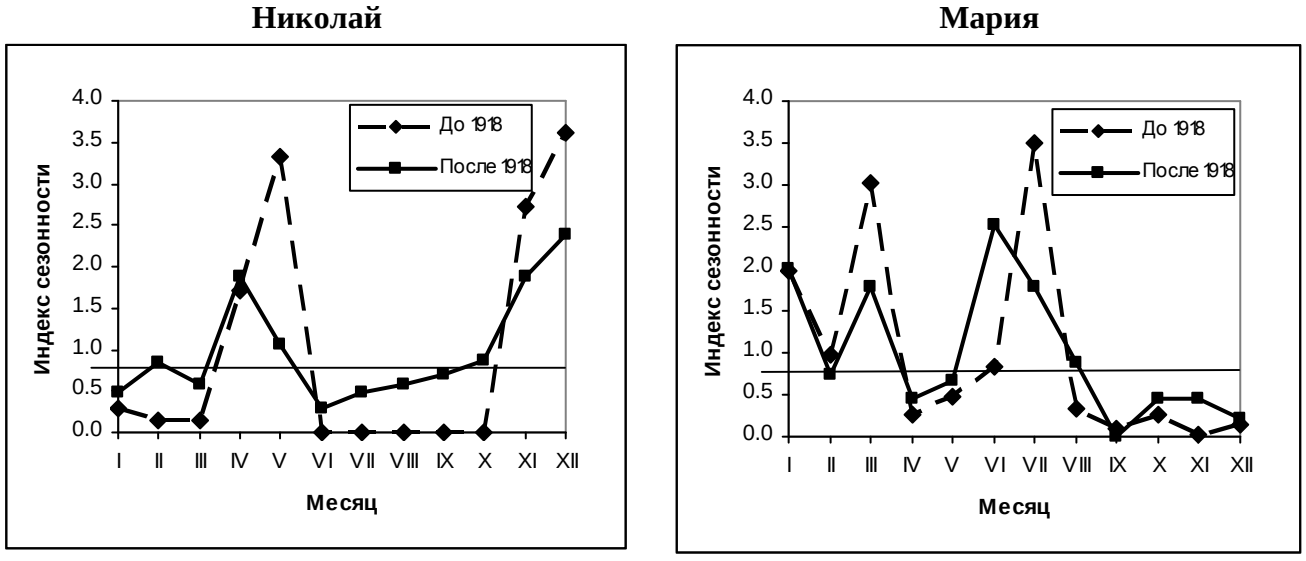
Однако наблюдаемые изменения в частоте выбора имен практически не повлияли на соблюдение православного обычая связывать выбор имени с датой рождения. Имя Владимир, хотя и стало после 1918 года появляться в записях актов о рождении в несколько раз чаще, по-прежнему концентрируется вокруг дня памяти святого равноапостольного князя Владимира (15 июля по старому стилю, см. Рис.2).

Рис.2 Сезонность наречения имени Владимир (дни памяти – 22 мая, 15 июля и 4 октября)

Другие примеры также демонстрируют устойчивость религиозных традиций при выборе имени после революции (см. Рис.3). Частота их наречения достигает максимума в те же месяцы, что и до 1918 года, хотя амплитуда снижается вследствие более частого выбора этого имени в другие месяцы по сравнению с дореволюционным периодом.

Рис.3 Сезонность наречения некоторых мужских и женских имен до и после 1918 года

Что касается наречения новорожденным внецерковных, «революционных» имен, эта практика не получила широкого распространения в населении Выхина. Такие имена, как Рэм (Революция, Электрификация, Механизация), Владлен (Владимир Ленин) или Ким (Коммунистический Интернационал Молодежи) встречаются в актах ЗАГС Выхинского сельсовета не более 10 раз за весь послереволюционный период, главным образом в 1920е годы. И выбирали их для своих новорожденных детей вовсе не выхинские крестьяне, а рабочие и служащие, которых становилось все больше среди местных жителей.

Заключение

Наше исследование показывает, что даже самое простое наблюдение за выбором имени для новорожденных дает нам интересную информацию для размышлений по поводу природы религиозного поведения, непрерывности традиций, процесса секуляризации и т.д. Обычаи и правила русской православной церкви существенно отличаются от тех, что мы наблюдаем в других ветвях христианства. С одной стороны, несколько дней памяти одного и того же святого в году, празднование памяти нескольких святых в один день, большое количество святых с одинаковым именем усложняют православный календарь. С другой стороны, дни памяти являются определяющими при выборе имени для новорожденного, оставляя при этом пространство для влияния других факторов, к примеру, почитаемости святого или моды на имена, которая особенно заметно проявилась в последней трети XIX века, привнеся в крестьянскую среду нетрадиционные имена, более типичные для городской культуры.

Имена, которые носили русские цари, правившие в XIX веке, также были весьма распространены в крестьянском населении. Мы наблюдаем впоследствии аналогичную ситуацию, когда имя Владимир, ставшее более или менее привычным в Выхине лишь в начале XX века, после революции приобрело вполне объяснимую популярность. При этом «царские» имена Николай и Александр не уступили своих позиций в списке 10 наиболее часто встречающихся имен новорожденных мальчиков. Революционные имена, появившись в определенный момент, исчезают, не оставив заметного следа в обычаях наречения имени в Выхине. Мода на

имена меняется, но сезонность их распределения не исчезает, оставаясь по-прежнему связанной с церковным календарем.

Незначительные размеры нашей выборки, особенно ее части, относящейся к советскому периоду, не позволяют нам оценить географические ареалы распространения тех или иных имен, механизм действия моды на выбор имени, трансформации списка популярных имен в зависимости от этапов политического развития России и СССР. Расширение хронологических и региональных рамок исследования, при несложности сбора данных и методов их обработки, могло бы дать возможность для более тонкого анализа такого показательного социо-культурного феномена, как наречение имени в России.

P.S.

Двое из авторов статьи, родившиеся в России, названы в полном соответствии с каноническими правилами:

Александр: день рождения 20 мая, день памяти 26 мая;

Ирина: день рождения 23 сентября, день памяти 1 октября.

Приложение

Распределение по месяцам года 15 наиболее распространенных мужских и женских имен в Выхинской вотчине, 1815-1918

	Месяцы года												**Всего**	Дней памяти в году
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII		
Мужские имена														
Иван	139	42	48	29	96	130	35	81	71	43	51	30	**795**	60
Василий	119	98	79	103	1	3	101	14		1	5	115	**639**	16
Николай	10	18	18	82	70	2	23		2	16	89	67	**397**	6
Петр	33	1	1		20	***156***	3	48	19	26	10	48	**365**	30
Михаил	10	3	1		24		31	12	75	65	***110***	10	**341**	12
Алексей	5	82	***128***		45	1	2	9	8	17	1		**298**	5
Александр	1	9	13	13	6	8	17	***139***	3	15	38	4	**266**	24
Сергей			5	2	4	41	47	6	***126***	24	1		**256**	4
Федор	10	***99***	4	25	32	45	4	5	10	1	4	7	**246**	27
Павел	50	8	4	1	9	63	4	14	1	20	10	31	**215**	19
Дмитрий		6			19	1		5	17	***107***	4		**159**	8
Андрей						7	9	46	9	40	11	1	**123**	12
Семен	32	19	1	22	3		23	10	3	1			**114**	11
Григорий	***70***	1	2		1		1	1	4		11	2	**93**	18
Стефан			10	1			33	4		7	3	32	**90**	16
Всего													***4397***	
	Всего родилось мальчиков в этот период												***5088***	

	Месяцы года												**Всего**	Дней памяти в году
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII		
Женские имена														
Мария	106	48	161	13	26	43	187	18	5	14	1	7	**629**	10
Анна	***145***	27	8	1	10	25	51	51	77	27	46	65	**533**	10
Евдокия	3	***250***	14	1	2		81	28			1		**380**	2
Пелагия				81	27				137	74		1	**320**	3
Александра		7	42	***172***	28	1	1	5	3	7	5		**271**	4
Татьяна	164		1				2				1	94	**262**	1
Екатерина				1	1	2		1	4	20	190	1	**220**	1
Наталия					1	1	9	203		1	2		**217**	1
Агриппина					18	***187***							**205**	1
Параскева			1		1	1	13		6	***155***			**177**	3
Анастасия	6	2	4	8					4	47	5	***95***	**171**	5
Дария	1	11	109										**121**	1
Марфа	1			1	3	56	24	25	3				**113**	5
Елена			2	6	***95***		6		1				**110**	3
Ольга		1			3	40	58						**102**	1
Всего													***3831***	
	Всего родилось девочек в этот период												***4885***	

М.Шолтычек

СЕМЬЯ И ДОМОХОЗЯЙСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ (на примере прихода Буяков в XVIII-XIX вв.)*

Введение

В течение длительного времени дискуссии о типах семьи и демографическом поведении в Европе были сосредоточены в основном на проблеме проведения границ и на поиске различий между зоной господства якобы «уникального» европейского типа семьи и остальными территориями. Уже в 1920-30е годы немецкие демографы настаивали на существовании разительного контраста между немецким и славянским народами (Ehmer, 1992/1993; Schlumbohm, 2000; Fertig, 2005). Позже Джон Хаджнал,[1] развивая точку зрения Мальтуса (1803), предложил свою схему, согласно которой в Европе существовал такой же «уникальный» северо-западный тип брачности (Hajnal, 1965). Он также предложил провести демаркационную линию от Санкт-Петербурга до Триеста, проходящую через Центральную Европу и разделяющую целый континент на две зоны, резко отличающиеся по типу семейных структур (Hajnal, 1982).

Развивая гипотезу Хаджнала, Питер Ласлетт условно поделил Европу на четыре обширных географических зоны, каждую с присущими только ей типами семьи (Laslett, 1983). Соглашаясь с мнением Хаджнала о единообразии типов семьи во всей Западной Европе и преобладании в этой зоне нуклеарной семьи, Ласлетт разделил оставшуюся часть европейского континента на три области, в каждой из которых семья, по его мнению, имела более сложную структуру, чем на Западе. Эта модель заменила или, скорее, развила господствующее ранее представление о наличии всего лишь двух регионов с символической линией Санкт-Петербург – Триест между ними.

После этих, в некотором роде революционных, публикаций Хаджнала и Ласлетта, данная область исследований стала привлекать

---

* Перевод с англ. И.Троицкой.

[1] Здесь и далее мы приводим привычную для российской литературы версию имени J.Hajnal (в отличие от европейской – Хайнал)

внимание ревизионистов и, как следствие, стала усложняться и трансформироваться. Поскольку после выхода в свет ставших классическими трудов 1972 и 1983 годов (Laslett & Wall, 1972; Wall & Robin, 1983) объем информации о семейных структурах в Европе увеличился многократно, некоторые исследователи были вынуждены оставить попытки наклеивания ярлыков на регионы Европы, якобы имеющие особенный тип семьи (в частности, Kertzer, 1991, с.156-157; Wall, 2001). Пытаясь преодолеть теоретический вакуум, некоторые исследователи обратились к изучению семейных и индивидуальных жизненных циклов (Alter, 1988; Janssens, 1993; Dribe, 2000). Другие сосредоточились на изучении локальных условий и механизмах их влияния на типы семьи, со специальным акцентом на роли преобладающих родственных связей (Kertzer, Hogan & Karweit, 1992); принципах наследования (Wetherell & Plakans, 1998; Arriazabalaga, 2005; Dribe & Lundh, 2005; Fauve-Chamoux, 2005); экономических и экологических факторах (Viazzo, 1989; Wall, 1986; Mitterauer, 1992; Moring, 1999); социально-демографическом развитии (Moring, 1993; Fauve-Chamoux, 1995). Также в последнее время стали развиваться исследования связи типов домохозяйств с благосостоянием семей и индивидов (Fauve-Chamoux, 1993; Derosas & Oris, 2003; Dribe, Lundh & Nysted, 2006; Wall, 2006). Многие из новейших исследований семьи и домохозяйства распространяются на все евразийское пространство (с использованием регистров населения и анализа биографий), переключая внимание с поисков структур и закономерностей внутри Европы на межконтинентальные сравнения (Fauve-Chamoux & Ochiai, 1998; Derosas & Oris, 2002; van Poppel, Oris & Lee, 2003; Fauve-Chamoux, 2005). Такое расширение географических рамок вызвало заметное угасание интереса к дальнейшим исследованиям типов семьи в Центральной и Восточной Европе.[1] Этот поворот от изначальных попыток регионализации типов семьи в исторической Европе к изучению особенностей локальных форм семьи и к широкомасштабным сравнениям был, несомненно, ценным и стимулирующим. Однако, одновременно с этим, некоторые ключевые моменты в понимании исторических типов семьи в Европе исчезли из поля зрения ученых.

[1] Немногочисленные, но очень ценные исключения представляют работы Blum, Avdeev and Troitskaia (2000), Cherman (2001), Plakans and Wetherell (2001), Dennison (2003), Polla (2003, 2006); см. также Александров, 1984, с.42-69.

Прежде всего, в более ранних дебатах о семье место Центральной Европы было скорее неопределенным, ее всегда помещали где-то между двумя крайностями – западным и восточным типами семьи (Laslett, 1983, p.530; Plakans and Wetherell, 2001). Причем такие «континентальные» типологии никогда не уточняли, где заканчивается «Запад» и начинается «Восток». Также очевидно, что обобщение, сделанное Ласлеттом относительно типов семьи в Центральной Европе, должно расцениваться как крайне умозрительное.[1]

Но впоследствии М.Миттерауэр и К.Казер придали новую форму модели Хаджнала, приведя весомые аргументы в пользу существования некой «переходной зоны» между западным и восточным типом семьи в Европе (Kaser, 2001, p.57; Mitterauer, 2003, pp.44-45, 47). Согласно их исследованиям, основой для единой европейской модели формирования домохозяйств во всей Западной и Центральной Европе и на незначительной территории Восточной Европы стала так называемая Hufenverfassung – система землевладения, основанная на неделимом наделе – Hufe (Mitterauer, 2003, pp.44, 47-48).[2] По мнению Казера и Миттерауэра, эта система землевладения распространилась на территориях к западу от Эльбы (включая Силезию) вследствие германской колонизации в Средние века (Kaser, 2001, pp.39); на этих территориях встречаются смешанные типы брака и домохозяйств, а также систем родства и наследования. Территории к востоку от Померании, Бранденбурга, Богемии, Венгрии, Силезии и западной Польши остались незатронутыми Hufensystem (Kaser, 2002, p.381).

В значительной степени умозрительная, но многообещающая с научной точки зрения, концепция «линии Хаджнала-Миттерауэра»

[1] Ласлетт использовал только один список прихожан для оценки семейных структур в Польше (Laslett, 1983), хотя к тому времени, когда Ласлетт издал эту книгу, в Польше было опубликовано по меньшей мере 4 списка домохозяйств, качество и содержание которых позволили бы ему оценить структуры семьи в Польше с помощью своей известной классификации (Zsoltysek, 2007)

[2] Система подразумевает, как правило, наличие одной супружеской пары в усадьбе, откладывание брака до получения наследства, частый переход надела из рук в руки вследствие повторных браков вдов, отход старшего поколения от дел и передача главенства в семье молодым и, кроме того, наем работников в зависимости от нужд домохозяйства (Kaser, 2001, pp.31ff).

до сих пор еще недостаточно подтверждена данными для всех территорий, о которых в ней идет речь.[1]

Настоящая статья является попыткой внести дополнительный вклад в географическую локализацию типов семьи в исторической Европе. Приход Буяков – лежащий в границах переходной зоны – предоставляет отличную возможность для проверки существующих гипотез и пересмотра представлений о центральноевропейском типе семьи. Автор пытается решить эту научную задачу посредством изучения некоторых аспектов формирования семьи и домохозяйства жителями прихода в XVIII – начале XIX века.

Первая часть статьи содержит описание социально-экономических и институциональных характеристик прихода. Во второй части вниманию читателя представлены основные особенности преобладающих в приходе типов домохозяйств, с акцентом на циклах развития семейных групп. В третьей части освещены сложные крестьянские стратегии, определяющие принципы межпоколенной передачи главенства в семье, а также некоторые правила формирования домохозяйств, характерные для изучаемого прихода. В конце автор пытается вкратце описать факторы, обеспечивающие существование того особого типа семьи, какой мы находим в Буякове.

Работа в основном базируется на 15 списках населения прихода – «ведомостях причастившихся» (Kommunikanten Register) в период 1766-1803 гг.; они организованы по принципу переписных листов и включают всех жителей старше 11 лет.[2] Сочетание этих списков с существующими метрическими книгами позволило провести частичное восстановление истории семей. Для периода 1765-1859 гг. были также проанализированы записи о браках. Ведомости причастившихся, при всех преимуществах, имеют некоторые

---

[1] Термин «линия Хаджнала-Миттерауэра» был предложен К.Казером (1997, с.166). О проверке этой концепции на богемских, австрийских и венгерских данных см. Cerman (2001). Значительная часть «переходной зоны» проходит по территории бывшего Польского королевства, пересекая Верхнюю Силезию (Kaser, 2000, p.75).

[2] No.4. Kommunikanten Register der Kirsche zu Bujakow aus dem Groß Dubenster Archipresbyteral Kreis siehe den.5 des Reglements, A.D. 1766. Документ найден в церковном архиве в Буякове.

методологические недостатки, ограничивающие изучение некоторых аспектов формирования домохозяйств.[1]

Даже если эти списки не очень пригодны для оценки демографических показателей, они, тем не менее, позволяют проводить структурный анализ типов домохозяйств в динамике (Szoltysek, 2003, pp.188-211).[2]

Приход Буяков: социально-экономические и институциональные характеристики

Приход Буяков состоял из трех деревень: Буяков, Кляйн Панев и Гросс Панев (Bujakow, Klein Paniow, Gross Paniow). Все они возникли еще до германского колонизационного движения на восток, в том числе и в Верхнюю Силезию. В соответствии с германским законом (ius Theutonicus), в начале XIII века пахотная земля в каждой из деревень была в очередной раз разбита на 30 наделов-Hufen (по-польски wloka), размером примерно в 40 акров каждый. Землевладение в приходе Буяков оставалось в рамках системы Hufenverfassung вплоть до середины XVI века (Szoltysek, 2003). В конце XVIII) – начале XIX века эти деревни не составляли единое поместье, а принадлежали к трем разным имениям. В это время приход, хотя и был населен поляками, принадлежал к округу Бейтен (Beuthen) Прусского королевства.

В изучаемый период брак и формирование домохозяйств в Буякове были, по крайней мере, формально под строгим контролем помещика. Вследствие ограниченных прав крестьян на владение собственностью в Буякове существовал один из вариантов системы

[1] Прежде всего, в списках причастившихся не указывался возраст всех членов домохозяйства, Дети до 11 лет не записывались вовсе; для некоторых лиц, прежде всего наемных работников, указывалось только имя. Списки не содержали информации об экономическом положении домохозяйства, социальная категория указывалась только для его главы. Под частичным восстановлением истории семей подразумевается процедура связывания данных из списков с информацией, полученной из метрических книг (датой рождения, порядком рождения детей, датой смерти главы домохозяйства).

[2] Для всех деревень, составлявших приход, переписи 1785 и 1786 гг. не соответствуют общим стандартам качества регистрации и должны использоваться с большой осторожностью. В целом, однако, списки причастившихся адекватно воспроизводят структуру отдельных домохозяйств и их изменяющийся характер.

так называемого «вторичного крепостного права» (lassitischer Besitz).[1] Оно определялось как форма крестьянского владения собственностью, предоставляющая бессрочное право использования помещичьих земель, построек и инвентаря, но без права владения и передачи.[2] Эта непрочная форма землевладения обязывала крестьян выполнять определенные барщинные повинности в пользу владельца поместья, в форме либо гужевой повинности, либо отработки (Handdienst). Теоретически, правилами предусматривалась неделимость крестьянского надела, а также право землевладельца вмешиваться в процесс передачи функций главы домохозяйства и даже отчуждать надел у семьи (Orzechowski, 1959).

Крестьянское сообщество в Буякове было неоднородным и состояло из двух социально-экономических групп: «полные» крестьяне (Bauern) владели большими фермами со средним размером участка в 1.2 надела (Hufe, wloka), тогда как мелкие владельцы (Gärtners) были по социально-экономическому статусу ниже крестьян и владели участком в 1/3-1/2 стандартного надела. Число больших ферм в приходе оставалось практически неизменным на протяжении всего изучаемого периода: их было примерно 16 в Буякове, 20 в Кляйн Паневе и 10 – в Гросс Паневе. Общее число наделов в каждой деревне также менялось несущественно в период 1766-1803 гг. В противоположность остальной части Верхней Силезии, число безземельных крестьян в приходе не увеличивалось вплоть до начала XIX века. Только в одной из деревень (в Кляйн Паневе) доля домохозяйств полных крестьян составляла более 40% от общего числа. В двух других деревнях прихода преобладали мелкие арендаторы. Группа сельских ремесленников была значимой по размерам только в Буякове, но и там их доля – 10-20% от общего числа домохозяйств – была намного ниже, чем в других прото-индустриальных регионах. Таким образом, приход Буяков оставался преимущественно аграрным, по крайней мере, до конца 1820х годов. Численность населения прихода была относительно постоянной в

[1] Этот институциональный контекст объединяет аграрные территории к востоку от Эльбы, где преобладал институт Gutsherrschaft (помещичье владение) или, как это называлось в польской историографии, манориальная система с трудовыми повинностями, и соответствует тому, что мы уже знаем из работ Hagen (1998), Melton (1998), Cerman (1999), Ogilvie (2001).

[2] Orzechowski, 1959, p.43.

изучаемый период: в 1776 году в приходе было около 750 жителей, а через 30 лет их было примерно 830.[1] Лишь с начала XIX века в приходе начинается устойчивый рост численности населения.

Структура домохозяйства и цикл развития

Хотя Ласлетт рассматривал типы семьи в Центральной Европе как традиционные или промежуточные (Laslett, 1983, p.528), немецкие аграрные социологи и социальные историки указывали на то, что предположительно у славянских народов существовали специфические семейные структуры (см. обзор литературы у Schlumbohm, 2000, pp.76-77). Оба эти автора, тем не менее, не сомневались в том, что типы семьи в этой части континента значительно отличались от «западного» или, согласно работам Шлюмбома, «германского» типов. Данные для прихода Буяков опровергают эту точку зрения (см. Табл. 1).

Оценивая семейные структуры в изучаемом приходе, мы, прежде всего, обращаем внимание на соотношение числа нуклеарных и сложных семей. Применение к данным для Буяков классификации Хамела-Ласлетта[2] показывает преобладание в селе нуклеарных семей, состоящих из супружеской пары с детьми или без детей. Если обобщить данные из всех списков населения для всего прихода, более двух третей домохозяйств (69%) относятся именно к этому типу, против 27% сложных домохозяйств (расширенных и составных вместе). Однако агрегированные данные для всего прихода и всего периода маскируют реально существующую значительную разницу в долях домохозяйств разных типов в разные годы. В зависимости от деревни, показатели колеблются от 61 до 74% для нуклеарных и от 22 до 36% для сложных семей.[3]

---

[1] Данные о числе жителей в Буякове недоступны вплоть до 1820х годов; исключение составляет лишь 1783 год. Численность населения в 1766 году, как и все последующие оценки этого показателя, получены из данных переписей с учетом предположения о 25-процентном недоучете за счет детей до 11 лет (Gieysztorowa, 1971, pp.573-574).

[2] Подробнее о классификации Хаммела-Ласлетта см., например: Б.Миронов. Социальная история России. Том I. – СПб, 1999. – с.219-220.

[3] В соответствии с Примечанием 7, здесь и во всех последующих параграфах следует с осторожностью относиться к информации, содержащейся в списках 1785 и 1786 гг.

И эта разница еще заметнее на уровне отдельных деревень. Средние значения долей простых и сложных семей, вычисленные для каждого года и каждой деревни отдельно, показывают гетерогенность структуры домохозяйств в приходе. Доля сложных домохозяйств колеблется от 18 до 37.2% , а простых – от 76.7 до 58.8% в Буякове и Кляйн Паневе соответственно. Сравнивая динамику средних долей разных типов домохозяйств в разных деревнях прихода, скажем даже больше: доля сложных домохозяйств меняется от такого низкого значения, как 11.1% (Буяков, 1768 год) до такого высокого, как 48.9% (Кляйн Панев, 1793); не меньший разброс наблюдается и среди долей простых домохозяйств. Само население каждой деревни на протяжении изучаемого периода также демонстрировало определенную гетерогенность семейных структур; внутренние различия были, однако, намного меньше, чем внешние – между деревнями.[1]

Эта гетерогенность ставит под сомнение существование доминирующего типа семьи в приходе, и в то же время указывает на роль локальных институциональных и социально-демографических факторов. Однако это не должно увлекать нас в сторону, за рамки, внутри которых развивались семейные структуры в приходе. Во-первых, в большинстве списков населения для каждой деревни доля простых домохозяйств очень редко опускается ниже 65% от общего числа, и никогда – ниже 60%, если брать агрегированные данные для всего прихода. Лишь в деревне Кляйн Панев наблюдается относительно низкая доля простых домохозяйств, никогда не превышающая 70%, и достаточно стабильная на протяжении всего изучаемого периода (см. Табл.1В). Во-вторых, все деревни прихода были похожи по доле домохозяйств, состоящих из одиноких: их было очень мало, а в некоторые годы не было вообще. То же можно сказать и о домохозяйствах, представляющих собой группу родственников: доля их была очень незначительна.

[1] Подробные результаты анализа вариаций (ANOVA) см. в оригинале статьи (Szoltysek, 2007).

Таблица 1

Типология домохозяйств в приходе Буяков по классификации Хаммела-Ласлетта

А) деревня Буякова

Год	Число дворов (100%)	Доля домохозяйств различного типа (в %)					
		Одинокие	Группа родственников	Нуклеарная семья	Расширенная семья	Составная семья	Всего сложных (4) + (5)
		(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
1766	53	3.8	0.0	81.1	11.3	3.8	15.1
1767	53	3.8	1.9	81.1	9.4	3.8	13.2
1768	54	1.9	0.0	87.0	7.4	3.7	11.1
1769	50	4.0	0.0	84.0	6.0	6.0	12.0
1770	50	4.0	0.0	80.0	6.0	10.0	16.0
1785	42	0.0	4.8	85.7	4.8	4.8	9.5
1786	59	0.0	1.7	72.9	16.9	8.5	25.4
1792	61	3.3	0.0	68.9	21.3	6.6	27.9
1793	65	3.1	0.0	66.2	21.5	9.2	30.7
1794	63	3.2	0.0	73.0	15.9	7.9	23.8
1795	63	4.8	1.6	73.0	14.3	6.3	20.6
1796	60	1.7	1.7	75.0	18.3	3.3	21.7
1801	54	0.0	1.9	77.8	13.0	7.4	20.4
1802	63	0.0	4.8	74.6	12.7	7.9	20.6
1803	56	1.8	7.1	73.2	7.1	10.7	17.9

Б) деревня Кляйн Панев

Год	Число дворов (100%)	Доля домохозяйств различного типа (в %)					
		Одинокие	Группа родственников	Нуклеарная семья	Расширенная семья	Составная семья	Всего сложных (4) + (5)
		(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
1766	43	2.3	4.7	60.5	18.6	14.0	32.6
1767	45	2.2	4.4	57.8	22.2	13.3	35.6
1768	1	0.0	2.4	63.4	19.5	14.6	34.1
1769	42	0.0	2.4	64.3	23.8	9.5	33.3
1770	43	0.0	2.3	67.4	25.6	4.7	30.2
1785	46	0.0	4.3	69.6	17.4	8.7	26.1
1786	47	4.3	4.3	61.7	17.0	12.8	29.8
1792	51	0.0	2.0	54.9	25.5	17.6	43.1
1793	45	0.0	0.0	51.1	31.1	17.8	48.9
1794	50	0.0	0.0	64.0	18.0	18.0	36.0
1795	51	2.0	0.0	66.7	19.6	11.8	31.4
1796	47	0.0	0.0	53.2	27.7	19.1	46.8
1801	49	0.0	0.0	53.1	26.5	20.4	46.9
1802	Нет данных						
1803	50	0.0	0.0	54.0	30.0	16.0	46.0

B) деревня Гросс Панев

Год	Число дворов (100%)	Доля домохозяйств различного типа (в %)				
		Группа родственников	Нуклеарная семья	Расширенная семья	Составная семья	Всего сложных (4) + (5)
		(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
1766	54	5.6	66.7	20.4	7.4	27.8
1767	52	5.8	65.4	21.2	7.7	28.8
1768	51	3.9	64.7	23.5	7.8	31.4
1769	51	2.0	72.5	21.6	3.9	25.5
1770	50	2.0	74.0	20.0	4.0	24.0
1785	50	0.0	88.0	8.0	4.0	12.0
1786	51	0.0	86.3	7.8	5.9	13.7
1792	54	0.0	59.3	24.1	16.7	40.7
1793	54	1.9	66.7	20.4	11.1	31.5
1794	55	1.8	76.4	14.5	7.3	21.8
1795	56	1.8	80.4	10.7	7.1	17.9
1796	56	0.0	76.8	14.3	8.9	23.2
1801	52	0.0	76.9	17.3	5.8	23.1
1802	38	2.6	73.7	15.8	7.9	23.7
1803	Нет данных					

Источник: база данных для прихода Буяков (2200 крестьянских дворов, авторы M.Szoltysek, W.Pasieka)

Очень высокая доля сложных домохозяйств, зарегистрированная во всех деревнях в 1792-1793 гг., была, прежде всего, индикатором имевшей место смены поколений. Она также могла отражать потенциальную способность домохозяйства к расширению и переходу от простых форм к более сложным под влиянием демографических, социальных и институциональных факторов, специфических для каждой деревни (Verdon, 1979).[1]

Более того, сложные домохозяйства имеют примерно одинаковые морфологические характеристики (см.: Szoltysek, 2007, p.27). Во всех деревнях прихода доля расширенных домохозяйств примерно вдвое превышала долю составных; такая структура, возможно, связана с демографическим давлением на циклы развития семьи. Во всех деревнях доля живущих вместе женатых братьев ничтожно мала, и это указывает на незначительную роль домохозяйств такого типа в формировании семейных структур в Буякове.[2] Очевидно, что структуры, всегда считавшиеся типичными для восточноевропейских славян, не были самыми распространенными в приходе. В то же время, тенденция к проживанию в домохозяйстве родственников, связанных главным образом с его главой, предполагает следование принципу патрилокальности при формировании домохозяйств (Szoltysek, 2003, pp.248-249). Непрямые родственники всегда входили в состав домохозяйств, однако, их доля оставалась относительно небольшой. В более чем 60% списков населения всех деревень прихода, домохозяйства, относящиеся к типу «группа живущих вместе родственников» включали не более двух членов; в населении каждой

[1] Эта предварительная гипотеза может быть полностью подтверждена только с помощью имитационных моделей (см. Laslett, Wachter & Laslett, 1978). Тем не менее, имеются убедительные доказательства, что наблюдаемые изменения долей домохозяйств разного типа от переписи к переписи (за исключением флуктуаций в период 1770-1792) не являются результатом недоучета. К примеру, сравнение списков 1793 и 1794 годов показало, что переход домохозяйств из категории сложных в простые происходил главным образом вследствие или перехода членов семьи в другие домохозяйства, или их смерти.

[2] Максимальная частота братских составных семей (не обязательно родных братьев) в общем числе домохозяйств ни в одном списке не превышает 2% (по данным списков 1792 и 1793 гг.).

из деревень и всего прихода в целом наблюдалась очень незначительная доля родни в составе домохозяйств. [1]

Стабильность размера крестьянских наделов; патрилокальность при редких случаях совместного проживания женатых братьев; незначительное количество непрямых (боковых) родственников – все это позволяет считать основным типом семьи в Буякове корневую семью (stem family). Тем не менее, существуют разногласия по поводу того, как определить корневую семью, как измерить ее присутствие в населении и долю таких семей, используя только структурный инструментарий (Berkner, 1976, pp.84-91; Rebel, 1978, pp.256-260; Verdon, 1979; Ehmer, 1998; Saito, 2000). К домохозяйствам корневого типа были причислены все те, в которые, кроме главы семьи с супругой, входили его родители, отошедшие от дел, женатый сын, овдовевшие мать или отец, а также неженатые братья и сестры главы домохозяйства.[2] Определенные таким образом, корневые семьи составляли в среднем 69% от общего числа всех сложных домохозяйств в приходе в 1792-1793 гг., и почти четверть от общего числа зарегистрированных домохозяйств. В одной из деревень прихода в некоторый момент времени последний показатель доходил даже до трети (Szoltysek, 2007, p.27). Исходя из этого, мы имеем основания считать корневую семью социальной нормой, по крайней мере, в деревнях Кляйн Панев и Гросс Панев (Fauve-Chamoux, 2006).

Для обсуждения различий и сходства семейных структур в деревнях прихода Буяков можно также использовать результаты структурного анализа циклов развития домохозяйства. Для анализа были отобраны 99 семейных групп по критериям 1) их присутствия по крайней мере в 6 последовательных списках населения и 2) опыта межпоколенной передачи функций главы семьи в период между 1766

[1] Родня здесь определяется как все родственники главы домохозяйства, кроме его жены и детей, а также его приемные дети. Они составляли от 5.5% (Буяков) до 10% (Кляйн Панев) от всего населения прихода. Численность населения прихода в каждом году откорректирована с учетом возможного 25-процентного недоучета (Szoltysek, 2003, pp.239-240).

[2] Подробнее о корневой семье см.: Laslett, 1972, pp.31-32; Berkner, 1976, pp.86-88.

и 1803 г. Изменения в составе этих отобранных домохозяйств были тщательно изучены.[1]

Неудивительно, что значительный динамизм в изменении состава домохозяйств в приходе сразу бросается в глаза (см. Szoltysek, 2007, p.28). Только менее 10% от выбранных домохозяйств (8 из 99) ни разу не проходили через фазу расширения (включения в состав домохозяйства непрямых родственников); еще около 10% (12 из 99) проходили ее всего один раз в течение изучаемого периода. Оставшиеся домохозяйства, похоже, включали в себя непрямых родственников более часто, а каждое четвертое из них проходило фазу расширения более шести раз за все время наблюдений. Фактически, в выборку входили лишь несколько домохозяйств, которые не фигурировали как нуклеарные в большей части списков, и было одно домохозяйство, которое вообще никогда не было нуклеарным. Однако ни одно из этих домохозяйств не сохраняло классических признаков корневой семьи (две живущие вместе семейные пары, принадлежащие к разным поколениям) на протяжении всего периода наблюдений.

Реальные переходы из одной категории в другую происходили в выборке довольно часто, и можно предположить, что флуктуации в структуре домохозяйств оказались бы намного сильнее и сложнее, если бы списки домохозяйств составлялись более регулярно. Вопрос, однако, заключается в том, была ли в этих изменениях некая логика.

В выбранной группе из 99 домохозяйств в течение наблюдаемого периода происходили и переходы из одной категории (по классификации Ласлетта) в другую. Всего обнаружено 310 случаев перехода, которые можно отнести к 49 разным видам, при этом одни виды встречаются чаще, чем другие. Похоже, что наиболее типичным был переход от нуклеарного домохозяйства к расширенному, объединяющему состоящего в браке наследника (наследницу) со вдовой матерью или с отцом, бывшим прежде главой домохозяйства, или обратный переход – от расширенного к нуклеарному (87 случаев). Довольно часто (41 случай) нуклеарные домохозяйства превращались в домохозяйства, где вместе жили или родители с женатыми детьми (класс 5b по классификации Ласлетта)

[1] Это привело к созданию очень больших таблиц, которые невозможно привести в тексте. Табл.4 содержит обобщенные итоги

или женатый глава семьи со своими родителями (класс 5a). Для составного домохозяйства по восходящей линии (класс 5a) наиболее типичным был переход или к расширенному (класса 4a) после смерти одного из родителей главы домохозяйства или отделение молодой супружеской пары в отдельное нуклеарное домохозяйство (22 случая). С другой стороны для семейных пар с женатыми детьми (класс 5b) самыми типичными переходами были:

- продолжение совместного проживания двух и более брачных пар, но с передачей функций главы одному из детей (класс 5a, 6 случаев);
- превращение домохозяйства в расширенное после смерти одного из родителей (класс 4a, 6 случаев);
- прямой переход к нуклеарной семье при образовании младшим поколением отдельного домохозяйства (класс 3, 8 случаев).

Значительное число случаев перехода от нуклеарной семьи к совместному проживанию с неженатыми братьями и сестрами, а также обратный переход – от расширенного к нуклеарному домохозяйству (39 случаев) – отражают два различных феномена. Часть случаев представляет заключительный этап передачи главенства в семье (неженатые братья нового главы домохозяйства остаются на некоторое время в его семье после отделения от родителей). Другая часть отражает процесс частых перемещений неженатых братьев и сестер главы семьи между домохозяйствами других родственников на разных этапах жизни.

При анализе переходов домохозяйств из одного класса в другой мы также наблюдаем разницу между деревнями, входящими в приход Буяков. В большинстве случаев, периоды совместного проживания нескольких брачных пар, состоящих в прямом родстве, или брачных пар с одним из родителей, оказались более короткими в Буякове по сравнению с другими двумя деревнями.

Следует также отметить две другие особенности семейных структур, преобладающих в приходе. Одна из них – наличие института услужения. Присутствие молодых, не состоящих в браке слуг отмечено в южной Польше еще в XVI веке (Kamler, 2005). В приходе Буяков неженатые и незамужние слуги составляли 12.9% от общего населения (в среднем за весь период наблюдений), а в некоторые годы их доля доходила до 19% (например, в Гросс Паневе

в 1794 году). Если рассматривать весь приход в целом, каждое третье домохозяйство имело в своем составе слуг; но, к примеру, в Кляйн Паневе в некоторые годы их можно было обнаружить более чем в половине домохозяйств. Несомненно, в приходе Буяков работа в услужении была не пожизненным уделом, а лишь одним из этапов жизненного цикла молодых людей (см. Laslett, 1977). Они были мобильны: большинство слуг, записанных в один из списков населения, во время составления следующего уже имело другой статус. Многие из них работали в нескольких разных домохозяйствах в течение периода услужения, другие покидали одно домохозяйство, а позже вновь возвращались в него в качестве слуг; но крайне редко по окончании периода услужения эти люди возвращались в родительский дом (ср. с Wall, 1987).[1]

Роль главы домохозяйства, или его супруга (супруги), или его отошедших от дел родителей, или даже не состоящих в браке слуг, перемещающихся из одного домохозяйства в другое – этим не исчерпывались все возможные варианты этапов жизненного цикла индивидов. В среднем 3% населения прихода составляли жильцы, квартиранты (по-польски – *komornicy)*; мы находим из в 10% домохозяйств в приходе.[2] Кроме одиноких вдов и вдовцов, а также отставных солдат в эту группу входили некоторые сельские ремесленники или работники из помещичьей усадьбы (как состоящие в браке, так и не состоящие). Не имея ни доступа к земле, ни собственного дома, они арендовали жилье (обычно комнату) у землевладельца, расплачиваясь деньгами или работой (Orzechowski, 1956, p.121; also Ogilvie & Cerman, 1995). Статус квартиранта не обязательно означал социальную деградацию. Некоторые из них были относительно молоды (от 24 до 31 года); они вступали в браки, даже в повторные, независимо от своего возраста. Однако для многих из них это был, ранний или поздний, но лишь один из этапов их жизненного цикла. Через статус квартиранта на ранних стадиях своего жизненного пути могли пройти даже будущие главы крестьянских домохозяйств и наследники земельных владений.

---

[1] Рандомизированное номинативное связывание записей из списков населения и метрических книг для прихода Буяков показало, что слуги в крестьянских домохозяйствах обычно были молодые (до 20, а иногда даже до 10 лет). В некоторых случаях период услужения длился 10 лет.

[2] Квартиранты-родственники не включены в это число

Передача функций главы семьи и правила формирования домохозяйства

Периодически составляющиеся списки домохозяйств, подобные тем, что мы обнаружили для прихода Буяков, имеют следующее преимущество: они позволяют проводить «микроскопический» анализ изменений в составе семейных групп. Используя такой подход, можно проследить развитие семей и домохозяйств от одной переписи к другой, в то время как существующие метрические книги предоставляют широкий спектр данных, позволяющих интерпретировать поведение индивидов в области формирования домохозяйств. Нами были восстановлены циклы развития 107 домохозяйств, в которых зафиксировано 136 случаев смены главы семьи в период 1766-1803 гг.[1]

По правилам *lassitischer Besitz* (как, впрочем, и любого другого временного землевладения), неделимость обычно означала, что один из наследников принимал во владение всю усадьбу вместе с землей под постройками и выплачивал остальным наследникам их долю, как правило, в момент их брака (Orzechowski, 1959; Woźniak, 1987; also Ehmer, 1998). Но это также означало переход к основному наследнику особых прав на управление не принадлежащей ему собственностью, хотя и без права отчуждения. Принимая во внимание сущность «вторичного» крепостного права, можно утверждать, что выбор одного из членов домохозяйства в качестве будущего наследника означал, что этот член семьи никогда не станет сельскохозяйственным рабочим, арендатором или батраком, то есть его жилищная и общая жизненная ситуация всегда будет благоприятной.

В Буякове институт главенства в семье всегда отличался исключительной стабильностью. Достигнув этого положения, глава домохозяйства оставался в нем в среднем в течение 18-21 года. Были даже случаи, когда глава семьи сохранял свою власть на протяжении 30 и даже 40 лет (последних было 4 в период 1766-1803). Возраст тех, кто добровольно оставлял позицию главы, подтверждает, что риск потери этой позиции был относительно низким: средний возраст этих

[1] Эти цифры относятся не к реальному числу случаев смены главы домохозяйства, а только к тем случаям, которые можно было определить с учетом всех ограничений, накладываемых используемыми источниками.

мужчин (их было 69) колеблется от 61 от 66 лет, в зависимости от деревни. С другой стороны, возраст принятия на себя функций главы семьи подвержен гораздо более сильным колебаниям: от 17 до 51 года, со средними значениями 26.2 года для Буяков, 26.6 – для Кляйн Панева и 29 лет – для Гросс Панева (принимались во внимание только случаи переходы главенства в семье к сыну или зятю).[1]

Положение главы семьи не обязательно было пожизненным. Более 52% случаев передачи этих функций от одного поколения к другому происходило по правилам post mortem – посмертного – наследования, тогда как в 30.8% случаев новый глава семьи принимал эти обязанности от старого, когда последний был жив (см. Табл.2).

Таблица 2

Передача главенства в семье в приходе Буяков

Тип передачи	Буяков	Кляйн Панев	Гросс Панев
Посмертный	22 (50%)	29 (55.7%)	20 (50%)
Прижизненный:			
Отход от дел или другая форма проживания в том же домохозяйстве	10 (22.7%)	11 (21.1%)	12 (30.0%)
Отход от дел или другая форма проживания в другом домохозяйстве	4 (9.1%)	2 (3.8%)	1 (2.5%)
Смена главы семьи по решению помещика с переходом бывшего главы в другое домохозяйство	--	2 (3.8%)	--
Итого прижизненных передач	*14 (31.8%)*	*15 (28.7%)*	*13 (32.5%)*
Неопределенный	8 (18.2%)	8 (15.6%)	7 (17.5%)
Всего	***44 (100%)***	***52 (100%)***	***40 (100%)***

Источник: M.Szoltysek, Bujakov transfer database

[1] Здесь и далее все оценки среднего возраста основаны на данных, полученных в результате установления связи между датами важных для домохозяйства событий с данными из приходских регистров.

Это означало, что почти треть всех глав домохозяйств из выборки оставила это место по внешним причинам, не связанным со смертью. Бывшие главы либо участвовали в добровольной прижизненной передаче своих функций, в большинстве случаев оставаясь в том же домохозяйстве, либо они теряли это место задолго до смерти и были вынуждены покинуть домохозяйство. Последний вариант, впрочем, касался только очень незначительного числа глав семейств в выборке.

В большинстве случаев смены главы передача этих функций к сыну была наиболее предпочтительна (см. Табл.3). Этот вид передачи по мужской линии наблюдается в приходе в 4 раза чаще, чем переход главенства в семье к дочери или зятю, хотя последнее случалось не так уж и редко (этот показатель доходил до 15%). Примерно 11% всех случаев приходилось на переход функций главы к вдове, унаследовавшей домохозяйство в результате повторного брака. Ни разу за весь период наблюдений место главы семьи не занимали братья или сестры бывшего главы, и только в незначительном числе случаев (4 из 136) это были родственники бывшего главы по боковой линии.

Таблица 3

Распределение передач главенства в семье по типу наследника

Наследник главенства	Всего	Буяков	Гросс Панев	Кляйн Панев
Родственник				
Сын	82 (60.3%)	30 (68.2%)	25 (48.1%)	27 (67.5%)
Зять	19 (14.0%)	5 (11.4%)	8 (15.4%)	6 (15.0%)
Другой родственник	4 (2.9%)	1 (2.3%)	3 (5.7%)	0
Вдова	4 (2.9%)	2 (4.5%)	0	2 (5.0%)
Второй муж	16 (11.8%)	3 (6.8%)	11 (21.2%)	2 (5.0%)
Отец	4 (2.9%)	2 (4.5%)	0	2 (5.0%)
Не родственник				
С той же фермы	0	0	0	0
С другой фермы	7 (5.2)	1 (2.3%)	5 (9.6%)	1 (2.5%)
Всего	***136 (100%)***	***44 (100%)***	***52 (100%)***	***40 (100%)***

Источник: M.Szoltysek, Bujakov transfer database

Эти особенности смены глав домохозяйств находятся в разительном противоречии с обычаями, преобладающими в Восточной Европе и на Балканах; но они совершенно понятны, если мы примем во внимание почти полное отсутствие составных семей в приходе Буяков. Переход главенства к лицу, не состоящему в родстве с бывшим главой, отмечен лишь в 7 случаях (чуть более 5% от общего числа). Можно было бы ожидать более высоких значений этого показателя, если бы списки населения между 1770 и 1785 гг. составлялись более регулярно.[1]

Наши данные показывают, что в приходе Буяков наследование младшим сыном было относительно распространенным. Разумеется, преобладание этого типа наследования не было абсолютным; оно также не отражало норм обычного права, регулирующих наследование. Корни обоих обычаев - наследования как младшим, так и старшим сыном – уходили глубоко в прошлое развития каждой отдельно взятой семьи. Если наследовал младший сын, два, а иногда даже три его старших брата были вынуждены покинуть родной дом сразу после женитьбы и образовать собственное домохозяйство; или же они нанимались в работники еще до того, как глава семьи решал уступить свое место младшему сыну. Иногда те братья, которые намеревались рано или поздно покинуть родительский дом, могли оставаться в нем некоторое время вместе со своими женами и братом – новым главой домохозяйства; таким образом и возникали составные семьи.

Помимо описания общей ситуации, мы можем поставить и специфические вопросы, касающиеся характеристик того типа семьи, который преобладал в приходе. Наиболее важным мы считаем вопрос о том, как формирование домохозяйств в Буякове регулировалось набором норм и стратегий и, в особенности, в какой степени этот процесс был похож на тот, что наблюдается в северо-западной Европе?

Прежде всего, анализ списков домохозяйств показывает со всей очевидностью наличие в приходе многочисленных корневых семей с соответствующими жизненными циклами в классическом виде.

[1] Для всего наблюдаемого периода и для прихода Буяков в целом, только 46% домохозяйств, записанных в последней ведомости, вели свое происхождение от семейных групп, входивших в список 1766 г.

Почти половина тех семей (25 из 56), чьи циклы развития позволяли выделить различные стадии передачи прав наследования, следовала схеме межпоколенного обмена, типичной для корневой семьи. По этому сценарию, один сын (иногда дочь) оставался в родительском доме, тогда как остальные братья и сестры должны были рано или поздно покинуть его и создать собственное домохозяйство, обычно вследствие брака, или наняться в услужение. В этом случае, брак сына-наследника (или дочери-наследницы) не обязательно предполагал немедленную передачу власти в семье младшему поколению, потому что родители (или один из них) могли сохранять в своих руках управление домохозяйством (ср. с Fauve-Chamoux, 1995). Теоретически, переход главенства от родителей к детям мог произойти в любой момент между браком наследника/наследницы и смертью его/ее предшественника, но чаще всего между этими событиями проходило от 2 до 12 лет. До этого момента потенциальный наследник и его супруг/супруга не имели реальной власти в домохозяйстве (Fauve-Chamoux & Ochiai, 1998, p. 6). Такой цикл развития корневой семьи имел определенные последствия:

- стабильный состав семьи вплоть до перехода главенства к наследнику;
- совместное проживание молодой пары со старшим поколением, остающимся во главе домохозяйства, и с неженатыми братьями и сестрами;
- преобладание прижизненной передачи главенства в семье с уходом бывшего главы на покой.

С учетом особой важности передачи власти в рамках такого соглашения, подобные правила формирования домохозяйства были бы несовместимы ни с нуклеарным, ни с составным типом семьи, но, в некотором отношении, были бы ближе к последнему (Hajnal, 1982, p.452; also Saito, 2000, p.26-27).

Однако, были семьи (23 из 56), которые, хотя и следовали общей схеме корневой семьи в вопросе передачи главенства, значительно отличались от вышеописанного типа тем, что было непросто разделить такие два события, как женитьба потенциального наследника и реальное принятие им на себя функций главы семьи. Передача главенства могла проявляться в двух формах. Во-первых, были семьи, в которых семейная пара из старшего поколения (или

один вдовый родитель) удалялись от дел или в момент брака наследника, или в течение 2 лет после этого (13 случаев). В этих случаях окончательной передаче власти предшествовал очень короткий период подчинения молодой пары старому главе домохозяйства, но в некоторых случаях такого периода не было вовсе (7 случаев из 13). Тем не менее, в большинстве случаев мы наблюдаем совместное проживание нескольких поколений в течение, по меньшей мере, нескольких лет. Есть основания утверждать, что такой способ передачи главенства подразумевал внутрисемейные отношения, существенно отличающиеся от тех, когда передаче предшествуют несколько лет совместного проживания молодых супружеских пар с семьей главы домохозяйства. Такая схема похожа отчасти на правила формирования домохозяйств в северо-западной Европе, как это было описано Хаджналом (Hajnal, 1982, p.453).[1]

В других случаях два события – брак и наследование места главы семьи – могут быть совсем не связаны между собой, но по причинам, абсолютно отличным от тех, которые обычно приписываются сложным семьям. Это относится к 10 случаям, в которых брак наследника заключен уже после того, как он стал главой семьи вследствие смерти отца и отхода овдовевшей матери от дел. В такой ситуации невеста присоединялась к жениху в домохозяйстве, которое, хотя и не содержало в своем составе ни одной супружеской пары, но уже обладало всеми правами и обязанностями, которые свойственны домохозяйству с полноценным главой. Хотя такие случаи непросто классифицировать в рамках системы общих правил формирования домохозяйств, предложенной Хаджналом, они имеют достаточно много общего с описанным им принципом неолокальности (образования нового домохозяйства).

Другой важный аспект формирования домохозяйств в Буякове можно обнаружить, если изучить более детально матримониальное поведение жителей прихода.[2] В течение долгого времени

[1] См. Рис.1 в работе Хаджнала (1982, p.465) о связи между возрастом брака и возрастом занятия позиции главы семьи.

[2] Средний возраст вступления в брак мужчин был чуть выше 26 лет и оставался относительно постоянным между 1765 и 1859 гг. Соответствующие оценки для женщин показывают незначительное снижение с 23 лет в XVIII веке до 22 лет в первой половине XIX века. (Szołtysek, 2007, p. 22-23). Для сравнения см. о возрасте брака у русских крестьян у Blum, Troitskaya and Avdeev, 2000, p. 97-99.

господствовало мнение, что в доиндустриальной Европе брак был невозможен без средств, обеспечивающих независимость, и достаточных для содержания семьи. Это могла быть ферма, унаследованная от родителей, как предполагал Хаджнал, или средства, накопленные в процессе услужения и наемного труда вообще, как утверждали другие авторы (Fertig, 2005, p.43). Считалось, что такой тип брачного поведения действовал как основной механизм, регулировавший связь материального благосостояния с ростом населения, но был характерен лишь для северо-западной части европейского континента (Engelen & Wolf, 2005, p.20). В немецкой историографии 1920-1930х годов противопоставление северо-запада Европы и остальной части континента наиболее полно выразилось в сравнении семейного поведения немецкого и славянского народов (см. Schlumbohm, 2000, p.76-77). В этом контексте, в противоположность немецким крестьянам, способным поддерживать равновесие между экономическими ресурсами и населением, славяне всегда изображались как неспособные к такому «балансу» (Fertig, 2003).

Интересно было бы также понять, как процесс принятия решений по поводу брака в Буякове был связан с экономическими возможностями. К сожалению, эта проблема может быть изучена только в самом общем виде, как вследствие несовершенства используемых источников, так и из-за отсутствия прямых документальных свидетельств (контрактов о передаче собственности) в изучаемом приходе.

План исследования состоял в том, чтобы проследить судьбу 45 браков, заключенных между 1792 и 1976 гг., путем внимательного изучения информации, содержащейся в списках населения прихода для этого периода. Прежде всего, было установлено, что 13 из 31 вступивших в брак в этот период[1] получили ферму в наследство по мужской линии. После заключения брака, если они к этому времени еще не были главами своих домохозяйств, они либо сразу же занимали эту позицию, либо должны были ждать прижизненного или посмертного перехода функций главы семьи от старшего поколения к

[1] После исключения из первоначальной выборки (45 браков) тех 14 случаев, когда супружеская пара исчезла из прихода после заключения брака, анализировался только оставшийся 31 брак

младшему. Похожий механизм наблюдался в другой, хотя и гораздо меньшей по размеру группе (3 случая), когда решение о браке прямо зависело от шанса наследовать домохозяйство родителей невесты. Новая супружеская пара входила в уже существующее домохозяйство и получала главенство в семье или сразу же, или в течение следующих нескольких лет. Если это доказательство убедительно, тогда кажется вероятным, что, по крайней мере, для части населения существующие правила формирования семьи и наследования обеспечивали превентивный контроль численности населения прихода (Fauve-Chamoux, 1995).

Еще в 15 случаях действует иной механизм, приводящий, тем не менее, к аналогичным результатам. Речь идет о супружеских парах, образовавших новое, независимое домохозяйство либо почти сразу после брака (8 случаев), либо проведя некоторое время в услужении или в квартирантах у дальних родственников или чужих людей (4 случая). В среднем, время от заключения брака до создания независимого домохозяйства не превышало 2 лет. В оставшихся 3 случаях средства на образование самостоятельного домохозяйства были получены от деятельности вне аграрного сектора, например, от военной службы. Также заслуживает внимания тот факт, что для оставшихся без наследства, но способных рано или поздно образовать собственное домохозяйство, временное услужение или некоторые виды ремесленной деятельности могли иметь важное значение для формирования семьи.

Какой урок мы можем извлечь из результатов этого анализа? Во-первых, они показывают, что взгляд Хаджнала на проблемы слишком прямолинеен, чтобы понять всю сложность того, что О.Саито называет уравнением «экономика - брачность» (Saito, 2000, p.391; also Fertig, 2005, p.42-43). Конечно, мы находимся не в том положении, чтобы утверждать, что в Буякове наблюдается прямая связь между принятием парой решения о браке и надеждой на получение материальных ресурсов. По той же причине мы не можем ничего сказать о том, как добрачное накопление средств – будь то индивидуальная трудовая деятельность или компенсация, полученная от брата, наследовавшего родительскую ферму – влияло на принятие решения о браке. Но, очевидно, мы можем утверждать, что брак в Буякове не был абсолютно независим от доступности для новобрачных средств к существованию. Остается открытым и вопрос

о том, кто настаивал на достижении определенного уровня жизни как необходимом условии брака – сами новобрачные, их родители или местные власти (ср. с Fertig, 2005, p. 42; Cerman, 1999).

Неожиданным оказался тот факт, что в теоретически «закрытой» системе феодального поместья, в отсутствие рынка свободной земли, сыновья, вынужденные покидать родительский дом, не обязательно опускались вниз по социальной лестнице. Они часто находили возможность вернуться на социальную позицию, которую занимали их отцы, и даже повысить этот статус путем покупки арендуемых ими наделов.[1] Сложные стратегии, используемые мужчинами, которые остались без наследства, были следующими: создание нового домохозяйства путем занятия одного из пустующих дворов в деревне; брак с наследницей надела; брак в домохозяйстве, управляемом вдовой; услужение или переезд в другие деревни, входящие в поместье. Сознательно ли они стремились жить самостоятельно или были вынуждены делать это под давлением внешних факторов (или и то, и другое), как бы то ни было, большая часть представителей молодого поколения в Буякове обретали жилищную независимость. Либо они образовывали собственное домохозяйство, либо арендовали жилье у людей, с которыми не состояли в родственных отношениях (Szołtysek & Rzemieniecki, 2005, pp. 147 ff).[2]

Наиболее удивительным нам представляется одновременное существование в приходе различных способов формирования домохозяйств. Эти способы меняются от типичного цикла корневой семьи (stem family) к механизмам, основанным на гораздо более лояльных принципах famille souche, и далее к процессам формирования семьи, либо не очень отличающихся от неолокального принципа, либо в точности соответствующих ему.

Типы семьи в Буякове: дискуссия

Неизбежно возникает вопрос: обусловлен ли вышеописанный пример семейной структуры культурными ценностями или это

[1] Всего между 1772 и 1806 гг. 17 крестьян из прихода выкупили свои наделы у помещика и таким путем получили право передавать их по наследству.

[2] Квартиранты, арендующие жилье у посторонних людей, обычно образовывали независимые производственные и потребительские группы.

скорее результат влияния социально-экономических и институциональных факторов (Ehmer, 1998; Fauve-Chamoux & Ochiai, 1998, p.2; Plakans & Wetherell, 2005, p.123). С учетом природы используемых источников информации, а также сложности предмета исследования, на этот вопрос нельзя ответить однозначно.

Исследователи, пишущие о корневой семье, обращали внимание на то, как ее функционирование обеспечивалось особыми семейными ценностями и поведенческими нормами (Ehmer, 1998; Arrizabalaga, 2005, p.276-277; Fauve-Chamoux, 1995, p.88-89). Эммер, к примеру, ссылался на «чувство самоидентификации с семейной собственностью, с преемственностью традиций и наследованием имущества семьи по мужской линии от поколения к поколению», а также на «некий образ стабильности и патерналистской авторитарности отца семейства по отношению к другим членам семьи» как на признаки общества, в котором преобладала корневая семья (Ehmer, 1998, p.59). Обнаруживаем ли мы подобные этнокультурные характеристики у жителей прихода Буяков?

Наблюдения за домохозяйствами, пережившими несколько передач власти и собственности между 1766 и 1803 гг., доказывают, что некоторые крестьяне в приходе стремились сохранить свои земельные наделы во владении группы ближайших родственников как можно дольше.[1] Передача имущества от отца к сыну выглядела как решение, наиболее часто принимаемое крестьянами в процессе обнаруженных нами случаев передачи (16 из 48), что вполне понятно с учетом схем наследования прав и имущества, которые уже упоминались выше. Однако только в 4 из 18 восстановленных семейных циклов этот тип наследования был зафиксирован в течение трех поколений. Некоторые семьи прошли циклы, характерные для корневой семьи, дважды или даже трижды на протяжении эволюции их структуры, зафиксированной в списках населения прихода. Передача от отца к сыну обеспечивала наиболее мирный процесс наследования. Но вероятность сохранения главенства в семье среди родственников по прямой линии существенно снижалась, если эта функция переходила к вдове бывшего главы, а от нее – к новому мужу (в Буякове зафиксировано 4 таких случая). Только в половине

[1] Конкретные данные не приводятся здесь за неимением места; см. таблицы на с.35 в тексте оригинальной статьи (Szoltysek, 2007).

этих случаев управление собственностью, в конце концов, возвращалось к потомкам прежнего владельца.

Существует, однако, еще одно доказательство того, что среди жителей Буякова была распространена практика наследования, скорее противоположная той, которую Ю.Шлюмбом (1994) назвал «связью земля-семья» (land-family-bonds). Если анализировать приходские регистры Буякова, из списков домохозяйств видно, что довольно часто наследниками были дочь и, соответственно, зять главы семьи; таких случаев было 19 из 136. Чаще всего, как обычно предполагают, этот тип наследования был результатом демографического давления, а именно – отсутствия наследника мужского пола. Но, что удивительно, в 6 случаях из 19, в момент перехода наследства к зятю у главы семьи был, по крайней мере, один взрослый неженатый сын. Еще в 5 случаях наследования зятем списки показывают наличие в семье одного или нескольких сыновей моложе 20 лет. Это позволяет сделать вывод, что переход наследства не к сыну, а к другим членам семьи, был обусловлен не только демографическим давлением; он мог также быть результатом сознательного выбора главы семьи.

Таким образом, можно предположить, что наличие некой особенной «семейной идеологии» у жителей прихода Буяков выглядит неоднозначным и противоречивым. Разумеется, ни одна система наследования в семье не может быть правильно понята, если не принимать в расчет институциональный контекст, в котором она существует. Это особенно верно для Центральной и Восточной Европы, где демографическое поведение часто интерпретировалось с учетом принципа принуждения, заключенного в самой природе «вторичного» крепостного права (Plakans & Wetherell, 1995, p.165-166).

Как в действительности работала эта система, остается только догадываться. Некоторые исследователи считали, что в аграрной вотчинной системе в восточной части Европы в XVI-XIX вв. сложные крестьянские домохозяйства были экономически выгодны не только для самих крестьян, но и для их владельца (Alderson & Sanderson, 1991; Plakans & Wetherell, 2005, p.123-124). Другие полагали наличие иной логики в функционировании системы, утверждая, что стратегия помещиков заключалась в поддержке

нуклеарных крестьянских семей (Kaser, 2001; Mitterauer, 2003; Szołtysek, 2008).

Последняя точка зрения совпадает со взглядами польских экономических историков и этнографов (Kula, 1976; Woźniak, 1987). Оба автора отмечали в своих работах попытки землевладельцев разделить живущие вместе семейные пары, принадлежавшие к одному или разным поколениям, чтобы увеличить количество семейных единиц, способных своими силами обрабатывать определенное количество земли и исполнять повинности в пользу помещика. Этот тип институционального вмешательства подразумевает как следствие явное поощрение практики неолокальности, то есть образования нового домохозяйства вслед за заключением брака. Что удивительно, и Кула, и Вожняк отмечают сопротивление крестьян такому неолокализму, насаждаемому «сверху»; они скорее предпочитали совместное проживание в сложном домохозяйстве (Kula, 1976; Woźniak, 1987, p.91). Чтобы объяснить такую позицию крестьян, авторы ссылались на многочисленные препятствия и ограничения, с которыми сталкивались молодые главы домохозяйств, к примеру, тяжелое положение, вызванное нехваткой рабочих рук в семье и большими расходами на наем работников. Однако помещики могли использовать систему мер компенсации, для того, чтобы поощрить образование новых домохозяйств. Землевладелец мог создавать благоприятные условия, обеспечивающие крестьянам не только земельные наделы, но и все постройки, а также зерно для посева. Помещик мог также временно снизить трудовую нагрузку на молодую пару, включив ее в категорию малоземельных и сократив, таким образом, размер ее повинностей, но предоставив ей при этом надел нормального размера (Woźniak 1987, pp. 93-94). Совершенно очевидно, что нежелание крестьян жить автономно (если таковое существовало), едва ли могло быть индикатором какой-либо особой системы ценностей или общих культурных норм (см. для сравнения: Verdon 1998, p.22-23). Мы наблюдаем здесь действие двух противоположных сил, воздействующих на автономию семьи: отсутствие институциональных препятствий (помещики старались максимизировать количество рентабельных земельных участков, стараясь при этом избегать раздела уже существующих наделов) и экономические трудности отдельной крестьянской семьи.

Модель Кулы и Вожняка – хотя и не бесспорная (Szołtysek & Rzemieniecki, 2005, p.157-158) – может оказаться полезной при объяснении семейного поведения и структур домохозяйства в Буякове. Во-первых, неделимость земельной собственности служила для многих наследников мужского пола самым мощным стимулом для проживания отдельно от основного домохозяйства. Это сопровождалось попытками помещика препятствовать совместному проживанию нескольких брачных пар, а также его политикой поощрения неолокализма с помощью распределения свободной земли в приходе.[1] Эти факторы могли быть причиной относительно высокой доли нуклеарных семей в Буякове, как это следует из списков населения прихода. Отсутствие стимулов к совместному проживанию нескольких поколений могло происходить также вследствие преобладания посмертного (post mortem) принципа наследования в приходе, а также из-за удивительно стабильного характера института главенства в семье. Оба фактора снижали шансы молодых мужчин на достижение власти и автономии в своем домохозяйстве до достижения определенного, достаточно зрелого возраста (Verdon, 1998). Рынок наемного труда в приходе мог также способствовать возникновению неких экономических альтернатив для молодых мужчин, что снижало их желание жить в многопоколенном домохозяйстве. Опыт наемного труда как часть жизненного цикла, как уже было отмечено, мог также играть роль в тех случаях, когда в приходе образовывались новые домохозяйства.

С одной стороны, быть главой «означало иметь привилегии, от избегания обременительной барщины до наслаждения стабильностью в старости» и, следовательно, это был «ценный приз в жизненной игре крестьянина» (Wetherell & Plakans, 1998, p.334). Дополнительным препятствием к формированию классических корневых семей могли быть попытки главы домохозяйства обеспечить преемственность семейного надела, вопреки попыткам помещика вмешаться. Глава мог также пытаться увеличить число рабочих рук в домохозяйстве, вынуждая женатых детей к совместному проживанию обещанием передать именно им семейный надел в будущем. В этом случае совместное проживание оказывалось

[1] Подобные тенденции наблюдались также в Беларуси в XVIII в.; см. Szołtysek, 2008

бы как результатом властных отношений (Verdon, 1998, p.64), так и последствием трудовых повинностей, возложенных на крестьян. Эти факторы, возможно, могли бы объяснить значительную долю сложных домохозяйств в Буякове.

Если социально-экономическая и властно-авторитарная составляющие в вышеприведенном объяснении более или менее понятны, общая «модель вмешательства» представляется более проблематичной. Хотя она и отличается по направлению воздействия от институционального влияния, все высказанные ранее предположения основаны на безоговорочном принятии тезиса о решающем влиянии действий помещика на формирование крестьянских домохозяйств и практику наследования. Однако, связь между властью помещика и демографическим поведением, в частности, формированием семьи в приходе не так однозначна. Относительно длительные сроки управления домохозяйством неженатых мужчин (16 случаев в период 1766-1803; средний срок – 3 года) и вдовами (25 случаев в тот же период, срок – 2.5 года) означают, что следует уделить больше внимания изучению степени гибкости семейных структур, в частности, значительной степени автономности крестьянского населения.[1]

Заключение

Если принять за отправную точку мнение Дж. Хаджнала о полярности типов семьи и домохозяйства в Европе (Hajnal, 1982), результаты исследования, представленные в данной работе, могут показаться неожиданными. В приходе Буяков не только состав и размер домохозяйств, но и связь между матримониальным поведением и формированием семьи оказались несовместимы с широко распространенными представлениями о природе этих механизмов в восточной части Европы. Попытки Хаджнала развить эту полярную модель различных систем домохозяйства в Европе, похоже, оказались слишком прямолинейными, и случай прихода Буяков в данном случае представляет собой еще один аргумент в

[1] В случаях главенства в семье неженатых мужчин и вдов, не только экономические интересы помещика, но и вся система оказывалась под угрозой. Женщины имели равные права с мужчинами при наследовании главенства, поскольку они становились *Lassit* после смерти отца или мужа. Тем не менее, считается, что они обычно занимали эту позицию временно (Orzechowski, 1959).

пользу необходимости более тонкого анализа демографического поведения крепостных крестьян в Центральной Европе.[1] Как структуры, так и принципы формирования домохозяйств в приходе во многих отношениях представляют собой «гибриды».

Это проявляется не только в присутствии в приходе значительных долей простых и более сложных семей на протяжении всего изучаемого периода, но и в конкурирующем сосуществовании различных моделей формирования домохозяйства. Но эти результаты выглядят менее неожиданными, если рассматривать их в свете все шире распространяющегося среди исследователей мнения о том, что дихотомическая точка зрения Хаджнала сохраняет свои объяснительные возможности только на самом высоком уровне обобщения (Plakans & Wetherell, 2005). Чем больше информации мы получаем из результатов локальных исследований семьи и домохозяйства в Европе, тем более сложной и менее ясной представляется нам ситуация. С этой точки зрения случай прихода Буяков может быть добавлен к постоянно растущему списку контрпримеров или «аномалий» в географии европейских типов семьи (Kertzer, 1989; Dennison, 2003; also Wall, 2001).

С другой стороны, представленные результаты в целом соответствуют концепции К.Казера и М.Миттерауэра о переходной зоне, проходящей по территории Центральной Европы, в частности, их идее о структурных связях между институциональными и аграрными факторами, с одной стороны, и организацией семьи и домохозяйства – с другой. Тем не менее, представленные в статье результаты показывают, что даже эта концепция является чрезмерно обобщающей. В частности, чтобы лучше понять связь между системой землевладения и структурой крестьянской семьи, требуется исследование этой проблемы на микро-уровне, то есть с привлечением индивидуальных данных; также следует принимать во внимание локальные различия. Однако наиболее важным для дальнейшего развития данного исследования можно считать такой вывод: единственный способ определения точного географического положения «переходной зоны», разделяющей «уникальную» европейскую и «остальные» типы семьи (если таковые существуют)

[1] См. для сравнения результаты, полученные Т.Деннисон (T.Dennison, 2003) для России или обзоры М.Полла (M.Polla, 2003, 2006).

– детальный анализ региональных различий в типах семьи на обширных территориях исторической Польши. К счастью, работа по обе стороны от великого раздела Хаджнала уже идет полным ходом (Szołtysek, 2008).

* * *

Текст представляет собой слегка исправленную и сокращенную версию статьи, опубликованной в журнале *History of the Family* в 2007 году. Начало работе было положено кандидатской диссертацией автора, защищенной в 2003 году во Вроцлавском университете (Польша). Дальнейшее развитие исследования стало возможным благодаря грантам Института истории Макса Планка (Геттинген, Германия) и Института экономической и социальной истории (Мюнстер, Германия). Я выражаю свою признательность Юргену Шлюмбому, Георгу Фертигу, Ричарду Смиту, Ричарду Уоллу и Крису Биггсу за благожелательные критические замечания к окончательному варианту данной статьи. Я также благодарен Вальдемару Пасиеке за техническую помощь в работе с базой данных и Ирине Троицкой за ее любезное согласие на перевод этой работы.

Библиография по историческим типам семьи в Европе

Alderson, A. S., & Sanderson S. K. (1991). Historic European household structures and the capitalist world-economy. *Journal of Family History*, *16*(4), 419–432.

В.А.Александров (1984). Обычное право крепостной деревни России, XVIII – начало XIX в. Москва.

Alter, G. (1987). *Family life and the female life course. The women of Verviers, Belgium, 1849-1880*. Madison: University of Wisconsin Press.

Arrizabalaga, M.-P. (2005). Succession strategies in the Pyrenees in the 19th century: The Basque case. *History of the Family*, 10 (3), 271-292.

Avdeev, A., Blum, A. & Troitskaia, I. (2000). Family, marriage and social control in Russia – Three villages in Moscow region // M.Neven and C.Carpon (eds.). *Family Structures, Demography and Population. A Comparison of Societies in Asia and Europe*. Liège

Berkner, L.K., (1976). Inheritance, land tenure and peasant family structure: a German regional comparison. In J. Goody, J.J. Thirsk & E.P. Thompson (Eds.), *Family and inheritance. Rural society in western Europe, 1200–1800* (pp. 71–95). Cambridge: Cambridge University Press.

Berkner, L.K., (1972). The stem family and the developmental cycle of the peasant household: an eighteenth-century Austrian example. *The American Historical Review*, 77(2), 398-418.

Cerman, M. (2001). Central Europe and the European marriage pattern. Marriage patterns and family structure in Central Europe, 16th–19th centuries. In R. Wall, T.Hareven, J.Ehmer & M.Cerman (Eds.), *Family history revisited. Comparative perspectives* (pp. 282-307). Newark: University of Delaware Press.

Cerman, M. (1999). Serfdom and family. Paper presented to the Conference *Household and family in past time*, Palma de Mallorca, September 9-11, 1999.

Das Gupta, M. (1999). Lifeboat versus corporate ethic: social and demographic implications of stem and joint families. *Social Science and Medicine*, *49*(2), 173-84.

Dennison, T. K. (2003). Serfdom and household structure in Central Russia: Voshchaznikovo, 1816–1858. *Continuity and Change*, *18*(3), 395–429.

Derosas, R. & Oris, M. (2002) (Eds.). *When Dad died: individuals and families coping with family stress in past societies*. Berne: Peter Lang.

Dribe, M. (2000). *Leaving home in a peasant society. Economic fluctuations, household dynamics and youth migration in southern Sweden, 1829-1866*. Lund: Lund Studies in Economic History.

Dribe, M. & Lundh, C. (2005). Gender aspects of inheritance strategies and land transmission in rural Scania, Sweden, 1720–1840. *History of the Family*, *10*, 293–308.

Dribe, M., Lundh, C., & Nysted, P. (2006). Gendered strategies of well-being in widowhood: The Case of 19th-century Rural Sweden. Paper for the COST (A-34) workshop "Well-being as a Social Gendered Process", Modena, Italy, June 26-28 2006.

Ehmer, J. (1998). House and the stemfamily in Austria. In A. Fauve-Chamoux & E.Ochiai (Eds.), *House and the stem family in Eurasian perspective. Proceedings of the C18 session at the 12th International Economic History Congress* (pp.59-82). Kyoto: International Research Center for Japanese Studies.

Ehmer, J. (1992/1993). Eine 'deutsche' Bevölkerungsgeschichte? Gunther Ipsens historisch-soziologische Bevölkerungstheorie. *Demographische Informationen*, 60-70.

Engelen, T., & Wolf, A. (2005). Introduction. In T. Engelen, & A.P.Wolf (Eds.), *Marriage and the family in Eurasia. Perspectives on the Hajnal hypothesis* (pp.15-34). Amsterdam: Aksant.

Fauve-Chamoux, A. (2006). Family reproduction and stem-family system: From Pyrenean valleys to Norwegian farms. *History of the Family*, *11*(3), 171-184.

Fauve-Chamoux, A. (2005). A comparative study of family transmission systems in the central Pyrenees and northeastern Japan. *History of the Family*, *10*, 231–248.

Fauve-Chamoux, A. (1995). The stem family, demography and inheritance: the social frontiers of auto regulation. In R.L. Rudolph (Ed.), *The European peasant family and society. Historical studies* (pp. 86-113). Liverpool: Liverpool University Press.

Fauve-Chamoux, A. (1993). Household Forms and Living Standards in Pre-industrial France: from Models to Realities. *Journal of Family History*, *18*(2), 135-156.

Fauve-Chamoux, A. & E.Ochiai (Eds.) (1998). House and the stem family in Eurasian perspective. Proceedings of the C18 session at the 12th International Economic History Congress. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies.

Fertig, G. (2005). The Hajnal hypothesis before Hajnal. In T. Engelen, & A.P.Wolf (Eds.), *Marriage and the family in Eurasia. Perspectives on the Hajnal hypothesis* (pp.37-48). Amsterdam: Aksant.

Fertig, G. (2003). The invisible chain: niche inheritance and unequal social reproduction in preindustrial continental Europe. *History of the Family*, *8*, 7–19.

Gieysztorowa, I. (1971). Niebezpieczeństwa metodyczne polskich badań metrykalnych XVII–XVIII wieku. *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*, *19*(4), 557-609.

Hagen, W. W. (1998). Village Life in East-Elbian Germany and Poland, 1400-1800. In T. Scott (Ed.), *The Peasantries of Europe: From the Fourteenth to the Eighteenth Centuries* (pp. 145-190). London: Longman.

Hajnal, J. (1982). Two kinds of preindustrial household formation system. *Population and Development Review 8* (3), 449-494.

Hajnal, J. (1965). European marriage patterns in perspective. In D. V. Glass & D. E. C. Eversley (Eds.), *Population in history. Essays in historical demography* (pp. 101–143). London: Edward Arnold.

Janssens, A. (1993). *Family and social change. The household as a process in an industrializing community*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kamler, A. (2005). *Chłopi jako pracownicy najemni na wsi małopolskiej w XVI i w pierwszej połowie XVII wieku*. Warszawa: Jacek i Krzysztof Olesiuk.

Kaser, K. (2002). Power and inheritance: male domination, property and family in Eastern Europe, 1500-1900. *History of the Family*, *7*, 375-395.

Kaser, K. (2001). Serfdom in Eastern Europe. In D. I. Kertzer & M. Barbagli (Eds.), *The history of the European family, vol. 1* (pp. 25-62). New Haven: Yale University Press.

Kaser, K. (2000). *Männerherrschaft, Besitz und Familie im östlichen Europa* (1500-1900). Vienna: Böhlau Verlag.

Kaser, K. (1997). Der Erbfall jenseits der „Hajnal-Mitterauer-Linie". Historische Haushalts-formierungsmuster im Südosten Europas. In Institut für Wirtschafts- und Sozialgeschichte (Ed.): *Wiener Wege der Sozialgeschichte. Themen, Perspektiven, Vermittlungen* (pp. 163-181). Wien: Böhlau Verlag.

Kertzer, D. I. (1989). The Joint Family Household Revisited: Demographic Constraints and Household Complexity in the European Past. *Journal of Family History*, *14*(1),1-15.

Kertzer, D. I., Hogan, D.P., & Karweit, N. (1992). Kinship beyond the household in a nineteenth-century Italian town. *Continuity and Change*, *7* (1), 103-121.

Kula, W. (1976). The Seigneury and the Peasant Family in Eighteenth-Century Poland. In R.Foster & O.Ranum (Eds.), *Family and society. Selection from the ''Annales. Economies, Societes, Civilisations''* (pp. 192–203). Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.

Laslett, P. (1983). *Family and household as work group and kin group: areas of traditional Europe compared*. In R. Wall & J. Robin (Eds.), *Family forms in historic Europe* (pp. 513–563). Cambridge: Cambridge University Press.

Laslett, P. (1972). Introduction. In P. Laslett, & R. Wall (Eds.), *Household and family in past time* (pp.1–89). Cambridge: Cambridge University Press.

Laslett, P. (1977). *Family life and illicit love in earlier generations*. Cambridge: Cambridge University Press.

Laslett, P., & Wall, R. (Eds.) (1972). *Household and family in past times*. Cambridge: Cambridge University Press.

Laslett, P., Wachter, K.W., & Laslett, R. (1978). The English evidence on household structure compared with the outcomes of microsimulation. In K. W. Wachter, E. A. Hammel & P. Laslett, *Statistical studies of historical social structure* (pp. 65-87). New York: Academic Press.

Lynch, K. (1991). The European marriage pattern in the cities: variations on a theme by Hajnal. *Journal of Family History*, *16* (1), 79-96.

Malthus, T. R. (1803). *An Essay on the Principle of Population; or, a View of Its Past and Present Effects on Human Happiness; with an Enquiry into our Prospects Respecting the Future Removal or Mitigation of the Evils which It Occasions* (2nd edition). London: J. Johnson.

Melton, E. (1998). Population structure, the market economy, and the transformation of Gutsherrschaft in East Central Europe, 1650-1800: the cases of Brandemburg and Bohemia. *German History*, 16(3), 297-327.

Mitterauer, M. (2003). European kinship systems and household structures: medieval origins. In P.Heady & H. Grandits (Eds.), *Distinct inheritances. Property, family and community in a changing Europe* (pp. 35–52). Münster: Lit Verlag.

Mitterauer, M. (1992). Peasant and non-peasant family forms in relation to the physical environment and the local economy. *Journal of Family History*, *17*, 139-159.

Moring, B. (1999). Land, labor, and love: Household arrangements in nineteenth century eastern Finland—cultural heritage or socio-economic structure? *History of the Family*, *4*(2), 159-184.

Moring, B. (1993). Household and family in Finnish coastal communities 1635-1895. *Journal of Family History*, *18*(4), 395-414.

Ogilvie, S. (2001). The Economic World of the Bohemian Serf: Economic Concepts, Preferences and Constraints on the Estate of Friedland, 1583-1692. *Economic History Review*, *54*, 430-453.

Ogilvie, S. & Cerman, M. (1995). The Bohemian Census of 1651 and the Position of Inmates. *Social History / Histoire Sociale*, *28*, 333-346.

Orzechowski, K. (1956). Uwagi o komornikach na Górnym Śląsku u schyłku epoki feudalnej. *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Wrocławskiego*, *6*, Seria A, 119–160.

Orzechowski, K. (1959). *Chłopskie posiadanie na Górnym Śląsku u schyłku epoki feudalnej. Studium historyczno-prawne*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Plakans, A. & Wetherell, C. (2005). The Hajnal line and Eastern Europe. In T. Engelen, & A.P.Wolf (Eds.), *Marriage and the family in Eurasia. Perspectives on the Hajnal hypothesis* (pp. 105-126). Amsterdam: Aksant.

Plakans, A. & Wetherell, C. (2001). The search for place: East European family history, 1800-2000. In R. Wall, T. K. Hareven, J. Ehmer & M. Cerman (Eds.), *Family history revisited. Comparative perspectives* (pp. 257-281). Newark: University of Delaware Press.

Plakans, A. & Wetherell, C. (1995). Family and economy in an early nineteenth-century Baltic serf estate. In R.L. Rudolph (Ed.), *The European peasant family and society. Historical studies* (pp. 165-187). Liverpool: Liverpool University Press.

Polla, M. (2006). Family systems in central Russia in the 1830s and 1890s. *History of the Family*, *11*, 27-44.

Polla, M. (2003). Peasant and hunter households in Oulanka, northern Russia, 1710–1910. *History of the Family*, *8*, 163-181.

Poppel, F. Van, Oris, M. & Lee, J. (Eds.) (2003). *The road to independence: leaving home in Western and Eastern societies, 16th-20th centuries*. Bern: Peter Lang.

Rebel, H. (1978). Peasant Stem Families in Early Modern Austria: Life Plans, status tactics, and the grid of inheritance. *Social Science History*, *2*(3), 255-291.

Saito, O. (2000). Marriage, Family Labour and the Stem Family Household: Traditional Japan in a Comparative Perspective. *Continuity and Change*, *15* (1), 17-45.

Schlumbohm, J. (2000). Family forms and demographic behaviour: German debates and data. In M. Neven & C. Capron (Eds.), *Family structures, demography and population. A comparison of societies in Asia and Europe* (pp. 73–85). Liège: Laboratoire de Dèmographie de l'Université de Liège.

Schlumbohm, J. (1994). The land-family bond in peasant practice and in middle-class ideology: evidence from the North-West German parish of Belm, 1650–1860. *Central European History*, *27*(4), 461-477.

Szołtysek, M. (2008), Rethinking Eastern Europe: household formation patterns in the Polish-Lithuanian Commonwealth and European family systems, *Continuity and Change* (forthcoming December 2008).

M. Szołtysek, 'Central European household and family systems, and the "Hajnal-Mitterauer" line: the parish of Bujakow (18th-19th centuries)', *The History of the Family* 1 (2007), 19-42.

Szoltysek, M. (2004). Astride the Hajnal line — household and family in the Upper Silesian parish of Bujakow, 1766–1803. *Polish Population Review*, *11*, 59-93.

Szołtysek, M. (2003). *The population of the parish Bujakow in 18th and 19th century. Between "the unique" household formation system and peculiarity of borderland.* Unpublished PhD dissertation, University of Wroclaw, Poland.

Szołtysek, M., & Pasieka, W. (2006). Family Forms in historic East-central Europe (17th-18thcenturies): Collectivity and Individualism, Myths and Reality. Paper presented at the panel session *Newest Research in Historical Sociology of Poland and Eastern Europe* at A *Multi-disciplinary Conference on Polish studies*, The

Polish Institute of Arts & Sciences of America, Hunter College City, University of New York, June 4, 2006.

Szołtysek, M., & Rzemieniecki, K. (2005). Between 'traditional' collectivity and 'modern' individuality: An atomistic perspective on family and household astride the Hajnal's line (Upper Silesia and Great Poland at the end of the 18th century). *Historical Social Research, 30*(3), 130-170.

Verdon, M. (1998). *Rethinking households: an atomistic perspective on European living arrangements*. London: Routledge.

Verdon, M. (1979). The Stem Family: Toward a General Theory. *Journal of Interdisciplinary History*, *10*(1), 87-105.

Viazzo, P.P. (1989), *Upland Communities: Environment, Population and Social Structure in the. Alps since the Sixteenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wall, R. (2006). The role of family and community in mitigating the impact of the differential earning power of men and women in historical populations. Paper for the COST (A-34) workshop "Well-being as a Social Gendered Process", Modena, Italy, June 26-28 2006.

Wall, R. (2001). Transformation of the European family across the centuries. In R. Wall, T. K.Hareven, J. Ehmer & M. Cerman (Eds.), *Family history revisited. Comparative perspectives* (pp. 217-241). Newark: University of Delaware Press).

Wall, R., (1987). Leaving home and the process of household formation in pre-industrial England. *Continuity and Change*, 2, 77-101.

Wall, R., (1986). Work, welfare and the family: an illustration of the adaptive family. In L.Bonfield, R. M. Smith & K. Wrightson (Eds.), *The world we have gained: histories of population and social structure* (pp. 261-294). Oxford: Blackwell.

Wall, R., & Robin J. (Eds.) (1983). *Family forms in historic Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wetherell, C. & Plakans, A. (1998). Intergenerational transfers of headship over the life course in an Eastern European peasant community, 1782–1850. *History of the Family*, *3*, 333–349.

Woźniak, A., (1987). Kultura mazowieckiej wsi pańszczyźnianej XVIII i początku XIX wiek (Wybrane zagadnienia). Wrocław: Ossolineum

М.Королева, А.Синица

ПОСЛОВИЦЫ О РАСХОДАХ НА ДЕТЕЙ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящая статья является первой из задуманной авторами серии статей о пословице как предмете экономического исследования. В ней предполагается затронуть вопрос о том, как изображены в пословицах расходы на детей и разделение труда внутри семьи, и предложить их классификацию с экономической точки зрения, что позволит в дальнейшем учитывать полученный опыт при разработке демографической политики.

Нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя
и внутренняя жизнь народов всеми ее проявлениями,
как в пословицах, в кои облекаются его дух, ум и характер.
И.М. Снегирев[1]

Введение

Пословицы давно вовлечены в круг исследования многих научных дисциплин помимо фольклористики, таких, например, как история, философия, социология, культурология, литературоведение[2]. В этот же ряд можно смело ставить и экономику, а в рамках ее – демографию. Однако, несмотря на наличие небольшого количества исследований пословиц в экономических трудах[3], специальных демографических работ, посвященных пословицам, пока не появлялось.

---

[1] Снегирев Иван Михайлович (1793–1868) – известный русский ученый, автор исследований русских народных обрядов, пословиц, лубочных книг. Цитируется по сб. Русские народные пословицы и притчи. М.: Индрик. 1999. С. 19. Далее РНПиП.

[2] Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Издательство восточной литературы. 1961. С. 7. Далее ПиПНВ, 1961.

[3] Chiang, Alpha C. Religion, Proverbs and Economic Mentality. American Journal of Economics and Sociology 20 (3). 1961; Plopper, Clifford H. Chineese proverbs: The relationship of friends as brought out by the proverbs. Economics as seen through the proverbs. Adresses before the convocation of the North China Union Language School. February–March 1932; Бонч-Осмоловский М.А. Рынок народного сознания. Альманах «Лебедь». № 279 от 07 июля 2002; Верховин В.И.

Авторы впервые совершают подобную попытку, поэтому данная работа не может претендовать на полноту освещения проблемы, требующей дальнейшего изучения. Для настоящей статьи был выбран всего лишь один вопрос, а именно, как изображены в пословицах расходы на детей и разделение труда внутри семьи, на примере которого авторы попытаются показать возможность привлечения пословиц в качестве предмета социально–демографического исследования.

Пословица обладает рядом преимуществ при вовлечении ее в круг источников для исследования экономической (поскольку затрагивается вопрос распределения ограниченных ресурсов между людьми) и социальной истории.

1. Она представляет собой репрезентативную[1] модель поведения субъекта в обществе, выражает сложившееся мнение народа об определенной сфере жизни, например, о расходах на детей.
2. Модели и способы решения проблем, представленные в пословице, отражают обобщенный опыт предыдущих поколений[2], как правило, эти решения одинаковы для людей, живущих в разных странах[3].
3. Бытование пословицы показывает, насколько часто встречается то или иное представленное в пословицах явление общественной жизни, т.е. насколько данное явление характерно для общества.

Экономическая социология. М.: ИМТ. 1998. С. 404–444; Басова Л.И. Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок). Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. 2004; Ростовцева Л.И. Поведение потребителей в пословицах и поговорках. Электронная версия статьи: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2007/05/28/0000308434/013.ROSTOVTSEVA.pdf

[1] «Пословица правдива» (*рус.*) (РНПиП: с. 19). «Пословица не мимо (дела) молвится» (*рус.*) (РНПиП: с. 19) «Пословица не говорит ложь» *(араб.*) (ПиПНВ, 1961).

[2] «Имеешь ум – следуй за умом; нет его – следуй за пословицей» [т.е. за опытом предыдущих поколений. – *Здесь и далее в квадратных скобках примеч. сост.*] *(туркменск.*) (ПиПНВ, 1961).

[3] О наличии интернационального фонда пословиц и поговорок см.: Григас Казис. Литовские пословицы. Сравнительное исследование. Вильнюс: Vaga, 1987. С. 7.

4. Ее краткость и смысловая наполненность позволяют исследователю охватить большое количество материала по интересующей проблеме.
5. К приведенным выше преимуществам, непосредственно вытекающим из определения «Пословица – это обобщенная мысль народа, выраженная в краткой поэтической форме и обладающая самостоятельностью полного и законченного суждения» [1], можно добавить еще две.
6. В ней отражены все основные аспекты экономической жизни людей (например, пословицы о работе, торговле, ведении хозяйства, рождении, смерти и т.п.).
7. Пословица может служить ценным источником при изучении экономической истории бесписьменных народов, а также народов с обширной и развитой историографией, но с отсутствием сведений по интересующим исследователя экономическим вопросам.

Цели настоящей статьи в рамках поставленной перед исследователями задачи следующие.

1. Предложить классификацию пословиц о расходах на детей.
2. Привлекая пословицы, выяснить:
   - какие виды расходов на детей выделяются в пословицах;
   - каков размер этих расходов, в том числе в сравнении его с расходами детей на родителей;
   - как решается проблема ухода за детьми и их воспитания;
   - какое стремление преобладает у родителей – хотят ли они снизить или увеличить свои расходы на ребенка (детей);
   - у кого, согласно пословицам, больше детей – у бедных или богатых.
3. Определить, возможно ли, используя пословицы, оценить уровень жизни семей с детьми.

Для целей нашей работы, к сожалению, не подходят традиционные, выработанные филологией, методы исследования

[1] См. предисловие В.П. Аникина (ПиПНВ 1961: с. 8).

содержания и интерпретации пословиц[1]. На первом этапе, для составления выборки, за основу нами был взят чисто семантический (смысловой) способ исследования содержания пословиц, но в более широком понимании, нежели у филологов. Выявление семантики для нас не цель, а средство смыслового объединения пословиц в тематические группы.

На втором этапе исследования нами был применен качественный метод анализа и интерпретации собранных данных в рамках установленных тематических групп. Интерпретация необходима, т.к. пословицы констатируют факт общественной жизни, но не объясняют его. В рамках анализа привлекаются труды классиков экономической мысли для сопоставления научных взглядов с мыслью народной.

Для составления выборки было исследовано около 55 тыс. пословиц 250 народов мира, преимущественно стран Азии и Африки. Европейские народы представлены отдельными сборниками русских и немецких пословиц.

Классификация пословиц о расходах на детей

В настоящий момент в паремиологии[2] чаще всего применяют такие виды классификации[3], как:

- алфавитная;
- лексическая, или энциклопедическая (по опорным словам). К недостатку данной классификации можно отнести то, что одинаковые по смыслу, но разные по лексическому составу пословицы попадают в разные группы, а близкие по словам, но разные по смыслу – в одну;
- монографическая (строится на систематизации пословиц по месту или времени их собирания);
- тематическая[1] (предполагает распределение пословичных изречений по темам высказывания, т.е. по их содержанию). Однако

---

[1] Подробнее о методах см.: Крикманн А.А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословиц // Паремиологический сборник: Пословица. Загадка (*Структура, смысл, текст*) // Под ред. Г.Л. Пермякова. М.: Наука. 1978.

[2] Паремиология – наука, изучающая *паремии* (от греч. *paroimia* – пословица и *logos* – слово, учение), т.е. пословицы, поговорки, речения, изречения и пр.

[3] Более подробно см.: Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Лабиринт. 2001. Далее ПиПНВ, 2001.

разбивка на тематические группы весьма произвольна и каждым исследователем может решаться по-своему;

- структурная[2] (в качестве основы выступают логико-тематические группы – бинарные оппозиции. Например, «рождение – смерть», «старый – молодой» и т. д.).

Выбор пословиц для настоящего исследования производился в рамках определенной темы – вопроса о расходах на детей. Метод подбора пословиц был *чисто семантическим* – по содержанию, поэтому при их классификации мы исходили из содержания. Выбранные пословицы были разбиты на тематические подгруппы. Таким образом, авторы в своем исследовании остановились на тематической классификации.

Разбивать пословицы на узкие тематические группы оказалось крайне неудобно для дальнейшего использования – число групп превысило пятьдесят; поэтому авторами было выделено всего шесть тематических групп, отражающих различные аспекты расходов на детей (в порядке значимости по убыванию).

1. Пословицы о расходах на питание детей.
2. Пословицы о расходах на воспитание и образование детей.
3. Пословицы о приданом.
4. Пословицы о наследстве.
5. Пословицы о подарках детям.
6. Пословицы о прочих расходах.

В данную классификацию не включена группа пословиц, также связанная с расходами, но непосредственно к ним не относящаяся. Например, «Пока сам не станешь отцом, не узнаешь, что такое отец» (*уйгурск.*). Такие пословицы будут учитываться в исследовании для большей объективности без внесения их в данную классификацию.

---

[1] Такую классификацию использовал В.И. Даль, а также многие советские паремиологи.

[2] Наиболее известны классификации М. Кууси и Г.Л. Пермякова. Кууси использовал индуктивный метод: его классификация разворачивается снизу вверх, от конкретных текстов к конструкциям более общего порядка, абстрактным или лишенным индивидуальных характеристик, в отличие от Пермякова, использовавшего дедуктивный метод.

Если вышеперечисленные группы составляют ядро пословиц о расходах на детей, то последняя группа может считаться периферией.

Пословицы о различных видах расходов на детей

Рассмотрим эти группы на примерах.

1. Расходы на питание

Согласно пословицам, затраты на питание являются постоянными, значительными[1] и необходимыми[2]. Подчеркивается щедрость родителей по отношению к детям[3], поэтому еда у детей будет всегда[4]. Ребенок не будет голодать, т.к. при его рождении происходит перераспределение ресурсов[5]. В народном представлении рождение ребенка – благо, и Бог, при увеличении семьи, посылает бóльший поток благ в натуральной и денежной форме[6].

2. Расходы на воспитание и обучение

В пословице женщина считается хорошей женой, если она уделяет много времени уходу за ребенком[7]. Детям для полноценного

---

[1] «Чем больше дитя ест, тем больше оно просит» (*бенгал.*) (ПиПНВ, 1961). «Ребенок растет – и горшок растет» [т.е. ему требуется больше пищи] (*телугу*) (ПиПНВ, 1961). «Рот у детей и щенят сыт не бывает» (*калм.*) (ПиПНВ, 1961). «Когда в доме много детей, даже от невкусной еды не остается ни крошки» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961). «В карманах у детей фрукты не залеживаются» (*армян.*) (ПиПНВ, 1961).

[2] «Куешь железо – не жалей угля; растишь сына – не жалей еды» (*кит.*) (ПиПНВ, 1961).

[3] «Мать кормит дитя, как земля человека» (*чечен.*) (ПиПНВ, 1961). «Когда мать кормит детей, она щедра, как небо и море; когда дети кормят мать, они считают каждый день» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961).

[4] «Для детей нет голода» [так как родители отдадут им последнее] (*яп.*) (ПиПНВ, 1961).

[5] «Родись человек, краюшка хлеба готова» (*рус.*) (РНПиП: Р 121). «Родится роток – родится и кусок» [крестьяне землю делят по душам] (*рус.*) (ПРН: 803). «Птица не родится без клюва, дитя – без своей доли» (*туркменск.*) (ПиПНВ, 1961).

[6] «Дал Бог роток, даст и кусок» (*рус.*) (РНПиП, нов: Д 11). «Даст Бог роток, даст и кусок» (*нем.*) (СНиРП: Н 67).

[7] «Хороший вол под ярмом виден, хорошая жена – у люльки» (*армян.*) (ПиПНВ, 1961).

воспитания нужны родители обоего пола, от которых они будут перенимать необходимые навыки и черты характера[1].

Воспитание ребенка – обязанность, которую необходимо выполнять именно родителям[2], несмотря на то, что это тяжкий труд[3]. Пословицы говорят, что воспитание детей – предназначение человека и смысл его жизни, способ достижения счастья и гармонии[4].

В пословицах также отмечается, что настоящим родителем называется не тот, кто родил ребенка, а тот, кто воспитывал[5]. Они предупреждают, что часто чужой ребенок не нужен никому[6], а если его и воспитывают, то делают это без любви[7].

Отдельная категория пословиц говорит о том, что в роли воспитателей могут выступать старшие дети[8], особенно девочки[9], хотя такая замена не всегда считается удачной.

Группа пословиц о расходах на обучение необходимым навыкам и получение знаний достаточно велика. Необходимо отметить, что особенно подчеркивается важность обучения детей в

---

[1] «Сын пойдет в отца, а дочь – в мать» [Мальчики подражают отцам, девочки стараются быть похожими на матерей.] (*тур.*) (ТРСП: 894). «Дочь подобна матери, сын – отцу» (*араб.*) (ПиПНВ, 1961).

[2] «Чьи дети, тот о них и печется» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961). «Пусть дрова жжет, кто колол, пусть ребенка растит тот, кто родил» (*татар.*) (ПиПНВ, 1961). «Дай Бог, кому детей родить, тому б их и возрастить» (*рус.*) (РНПиП: Д 14). «Кому детей родить, тому дай Бог и поить и кормить» (*рус.*) (РНПиП, доп: К 18). «Человек старается для детей, баран – для курдюка» (*калм.*) (ПиПНВ, 1961).

[3] «Дети – вечное ярмо» [для своих родителей] (*яп.*) (ПиПНВ, 1961). «От сыновей и дочерей немало хлопот, но без хлопот к чему и свет?» (*туркменск.*) (ПиПНВ, 1961).

[4] «Детей годовать [кормить, воспитывать], век коротать» (*рус.*) (РНПиП: Д 538). «Вол пашет поле, конь ест зерно, люди растят сыновей – всем счастье» (*кит.*) (ПиПНВ, 1961). «Без ребенка в семье нет счастья» (*адыг.*) (ПиПНВ, 1961). «Не имеющий детей подобен заброшенному полю» (*амхар.*) (ПиПНВ, 1961).

[5] «Кто кормит ребенка, та для него и мать» (*адыг.*) (ПиПНВ, 1961). «Вырастивший ребенка дороже родившего его» (*яп.*) (ПиПНВ, 1961).

[6] «Никто не носит чужого ребенка» (*эве*) (ПиПНВ, 2001: 348).

[7] «Дерева, которого не сажали, не жалеют, ребенка, которого не рожали, не любят» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961).

[8] «Воспитай старшего, а младший сам научится» (*араб.*) (ПиПНВ, 1961). «Если старший воспитан, то и младший воспитан» (*дигор.*) (ПиПНВ, 2001: с. 281).

[9] «Старшая дочь – нянька для младших» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961).

юном возрасте[1], т.к. в это время ребенок более восприимчив к новым знаниям[2], он легче поддается воспитанию[3] и от него ожидается отдача, когда он вырастет[4]. В пословицах отражена достаточно жесткая модель воспитания[5]. Если плохо воспитывать ребенка, то из него вырастет недостойный член общества, который будет нарушать общепринятые устои[6].

Пословицы утверждают, что обучение детей обходится родителям очень дорого[7], люди осознавали его ценность и важность[8].

К вопросу получения необходимых знаний надо отнести и пословицы про обучение детей родителями. Мальчику и девочке для

---

[1] «Ребенка надо воспитывать пока он в колыбели, а теленка – пока на привязи» (*лезгин.*) (ПиПНВ, 1961).

[2] «Гни дерево, пока оно молодо, учи ребенка, пока он еще мал» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961). «Ученье в детстве – что резьба на камне» (*даргин.*) (ПиПНВ, 1961). «Тот, кто обучает старика, пишет на воде; тот, кто обучает ребенка, пишет на камне» (*амхар.*) (ПиПНВ, 1961).

[3] «Доску без хозяина чужак унесет, если не чужак, то ветер» [Дети, на которых не обращают внимания родители, легко поддаются чужому влиянию] (*тур.*) (ТРСП: 950). «Каким воспитываешь сына, таким он и вырастет» (*суахили*) (ПиПНВ, 1961). «Сын будет таким, каким воспитаешь, а муж таким, каким воспитали» (*адыг.*) (ПиПНВ, 1961).

[4] «У кого шесть детей, у того в шести местах богатство» (*кирг.*) (ПиПНВ, 1961). «Для отца преступление – скупость, для сына – лень» (*хауса*) (ПиПНВ, 1961).

[5] «Кому Бог даст сыновей, не ленясь, учи их и бей!» (*рус.*) (РНПиП: К 308). «Нещастны те дитятки, которых не журят ни батьки, ни матки» (*рус.*) (РНПиП: Н 1027). «Баловать сына – все равно, что убить его; только из-под огненной палки выходят почтительные дети» (*кит.*) (ПиПНВ, 1961). «Кто не закалит своего сердца, не воспитает ребенка» (*араб.*) (ПиПНВ, 1961).

[6] «Змея сама разбивает свои яйца» [О родителях, которые плохим воспитанием портят своих детей.] (*зулу*) (ПиПНВ, 1961). «Балованный ребенок непочтителен; балованная собака непослушна – лезет на плиту» (*кит.*) (ПиПНВ, 1961). «Не балуй ребенка – на шею сядет (на голову влезет)» *(тур.)* (ТРСП: 374). «Баловать ребенка – все равно, что бросить его» (*яп.*) (ПиПНВ, 1961). «Ребенка спросили: “Почему плачешь?” Ответил: “Потому что мне потакают”» (*армян.*) (ПиПНВ, 1961).

[7] «Ребенок дорог, а его воспитание/обучение еще дороже» *(тур.)* (ТРСП: 375).

[8] «Грамотная девушка – все равно, что с приданым» (*башкирск.*) (БНТ: с. 70).

дальнейшей жизни нужны разные навыки, поэтому разделение работы на «женскую» и «мужскую» нашло в них свое отражение[1].

3. Приданое

Приданое является тяжелым бременем для родителей невесты[2], которые теряют не только значительную часть имущества[3], но и дополнительные рабочие руки[4]. Речь идет о культурах, в которых традиционно жена уходит в дом родителей мужа.

Приданое девушке копилось с самого ее рождения[5]. Согласно пословицам, приданое со стороны жениха тоже было тяжестью для семьи[6], но его значение могло нивелироваться[7].

4. Наследство

Пословицы отмечают, что отданное в наследство имущество является лишь расходами для родителей[8]. Наследство детьми не

---

[1] «Воспитанный отцом будет делать стрелы, воспитанный матерью – кроить халаты» (*казах.*) (ПиПНВ, 1961). «Ребенок у матери научится кроить шубу, а у отца – делать стрелы» (*ногай.*) (ПиПНВ, 2001: с. 139).

[2] «Царь, у которого пять дочерей, станет нищим» [Свадьба справляется очень пышно, требует больших расходов, которые ложатся на отца невесты] (*тамильск.*) (ПиПНВ, 1961). «Три дочери – разорение» (*яп.*) (ПиПНВ, 1961). «Иметь трех дочерей, все равно, что спать с открытой дверью» [т.е. на приданое уйдет все состояние] (*кор.*) (ПиПНВ, 1961). «Выдавший дочку голым остается, взявший невестку дом украшает» (*башкирск.*) (БНТ: с. 70).

[3] Хорошим примером может служить речь Пьера Клерга (Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. С. 50), в которой он, невзирая на сан священнослужителя, оправдывает кровосмешение с целью недопущения разорения «осталя» необходимостью выплачивать приданое свои сестрам.

[4] «Дочь чужое сокровище, чужая добыча» (*рус.*) (ПРН: 756). «Девки – чужой хлеб» (*рус.*) (ПиПП: 403). «Выданная замуж дочь – все равно, что проданное поле» (*кит.*) (ПиПНВ, 1961).

[5] «Девочка в люльку, новинка в коробку» (*рус.*) (РНПиП, доп: Д 24). «Если родишь дочь, живи скромно; если родишь сына, живи привольно» (*башкирск.*) (БНТ: с. 100).

[6] «За кого бы только ни вышла замуж девушка, на ком бы только ни женился *егет* – если бы не калым!» *(башкирск.*) (БНТ: с. 72).

[7] «Если дочери жених по душе придет, отдай без калыма» (*башкирск.*) (БНТ: с. 71).

[8] «Ты посеешь, а дети твои пожнут» (*уйгурск.*) (УПиП: 236). «Отцам копить, а деткам сорить» (*рус.*) (ПРН:112).

бережется, а быстро тратится[1]. Согласно пословицам, к третьему поколению от наследства ничего не остается[2].

5. Подарки детям

Группа пословиц о подарках детям невелика. В выборку попали пословицы о крупных подарках. По мнению авторов, крупные подарки[3] – это приданое или наследство[4], представленные в завуалированной форме.

6. Другие расходы

В категорию «другие расходы» попали пословицы о расходах нематериальных ресурсов – времени и сил[5], а также пословицы об издержках упущенных возможностей[6].

Вопросы уровня жизни семей с детьми

Для определения уровня жизни семей с детьми необходимо понять, что приносило рождение ребенка в семью – дополнительный расход или доход. Для анализа возьмем все вышеперечисленные группы.

---

[1] «Отцовское наследство – как горящая свеча» (*тур.*) (ПиПНВ, 1961). «Отец накопил, а сын раструсил» (*нем.*) (СНиРП: V28). «Отцы наживают, детки проживают» (*нем.*) (СНиРП: E81).

[2] «Родители трудятся, дети наслаждаются жизнью, внуки – нищенствуют» (*яп.*) (ПиПНВ, 1961).

[3] «Отец сыну виноградник подарил, а сын не угостил и гроздью» (*груз.*) (ПиПНВ, 1961). «Отец отдал (подарил) сыну виноградник, а сын (потом) отцу кисть винограда не дал» (*тур.)* (РТСП: 219).

[4] Подтверждение мнения о том, что крупный подарок является средством изменения доли наследства, находим у Ж.-Л. Фландрена (Flandrin, J.-L. Families in former times. Kinship, Household and sexuality. Cambridge: Cambridge University Press. 1979. P. 75, 77).

[5] «Смирное дитя одну руку, а благое (блажное) обе отнимает» (*рус.*) (РНПиП: С 292). «Не устанешь детей рожаючи, устанешь, на места сажаючи» (*рус.*) (РНПиП: Н 967). «Легче нанизать на нитку целую меру пшена, чем вырастить одного сына» (*армян.*) (ПиПНВ, 1961). «Если есть дети – и часу не обойдешься без дела» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961).

[6] «Идёт мимо кровати спать на полати» (*рус.*) (РНПиП: И 46). «Разгулялася с печи на полати» [Женщине, если у нее есть дети и если она ведет домашнее хозяйство, гулять нет времени: не имеется возможность отлучиться из дому] (*рус.*) (В. Ивановский. Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1905, вып. 22).

Пословицы не позволяют определить расходы на детей в денежном эквиваленте, а дают лишь общее представление о размере затрат и указывают, какое место занимают расходы на детей в структуре расходов семьи.

Пословицы, как зеркало, способны отразить любой факт жизни людей и высказать о нем свое суждение. Именно поэтому они иногда противоречивы. Например, с одной стороны, в пословицах многих народов говорится, что родители практически ни в чем не могут отказать своим детям[1], подтверждение чему мы находим в современных этнографических свидетельствах[2]. С другой стороны, у ряда народов в силу различных причин, например бедности[3], потребности детей во многом игнорируются[4].

Не существовало и единой точки зрения относительно роли детей в экономическом благополучии семьи. В пословицах дети являются как источником дохода (помогают родителям, экономя их время и силы), так и расхода.

По отношению к показателю уровня жизни все имеющиеся пословицы можно разделить на четыре класса.

1. Где дети являются лишь источником расходов, однако логической зависимости между рождением ребенка и изменением уровня жизни в них не прослеживается.

---

[1] «Желанье ребенка сильнее приказа падишаха» (*азер.*) (ПиПНВ, 1961). «Дитя сильнее шаха» (*туркменск.*) (ПиПНВ, 1961). «Для младенца не существует слова “нет”» (*хауса*) (ПиПНВ, 1961).

[2] Оглоблин А.К. Социализация детей у малайцев в Малайзии и Сингапуре // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983; Краснодембская Н.Г. Дети и их воспитание в сингальской среде (Шри-Ланка) // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

[3] «Когда голодный с голодной спит – нищий рождается» (*тур.*) (ПиПНВ (1961)).

[4] См.: Серебрякова М.Н. Традиционные институты социализации детей у сельских турок // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

2. Где дети являются лишь источником расходов, однако присутствует логическая зависимость между рождением ребенка и снижением уровня жизни семьи.
3. Где дети сначала приносят снижение уровня жизни, а затем – повышение.
4. Где дети являются богатством сами по себе, и уровень жизни семей с детьми существенно не снижается.

Первый класс пословиц преобладает над другими. В нем дети представляют собой источник расходов, но о понижении уровня жизни речи не идет[1], при этом суждения, высказанные в пословицах, имеют положительную или нейтральную окраску. Пословицы единодушны в том, что расходы на детей велики[2], причем, на наш взгляд, основные расходы выражены не в денежной форме, а в натуральной и нематериальной[3].

Второй класс пословиц содержит утверждение, что ребенок значительно снижает уровень жизни семьи[4], при этом суждения, высказанные в пословицах, имеют только негативную окраску.

В третьем классе пословиц говорится, что сначала дети приносят снижение уровня жизни, а затем – повышение[5]. В этих

---

[1] «В карманах у детей фрукты не залеживаются» (*армян.*) (ПиПНВ, 1961). «Куешь железо – не жалей угля; растишь сына – не жалей еды» (*кит.*) (ПиПНВ, 1961). «От сыновей и дочерей немало хлопот, но без хлопот к чему и свет?» (*туркменск.*) (ПиПНВ, 1961). «Не устанешь детей рожаючи, устанешь, на места сажаючи» (*рус.*) (РНПиП. Н 976). «Много сыновей, много дочерей – много хлопот» (*кит.*) (ПиПНВ, 1961).

[2] «Когда в доме много детей, даже от невкусной еды не остается ни крошки» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961). «Чем больше дитя ест, тем больше оно просит» *(бенгал.)* (ПиПНВ, 1961).

[3] «Если есть дети – и часу не обойдешься без дела» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961). «Смирное дитя одну руку, а благое (блажное) обе отнимает» (*рус.*) (РНПиП: С. 292).

[4] «Богатым можно быть или когда еще нет детей, или когда дети взрослые» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961). «Много детей – много долгов, много жен – много склок» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961 «Царь, у которого пять дочерей, станет нищим» (*тамильск.*) (ПиПНВ, 1961). «Три дочери – разорение» (*яп.*) (ПиПНВ, 1961). «Ребенок дорог, а его воспитание/обучение еще дороже» (*тур.*) (РТСП: 375).

[5] «Сначала дети (приносят) бедность, а потом – богатство» (*ливанск.*) (ПиПНВ, 2001: с. 436). «Много счастья – многие лета, много сыновей – богатство, драгоценность, здоровье» (*кит.*) (ПиПНВ, 1961).

пословицах наиболее точно отражается реальная жизнь: по мере взросления ребенка общие расходы постепенно снижаются, т.к. ребенок начинает помогать по хозяйству, но полностью затраты компенсируются лишь после его окончательного взросления[1].

Четвертый класс включает в себя пословицы, в которых говорится, что каждый ребенок является значительным богатством сам по себе [2] и родителям не следует опасаться снижения уровня жизни[3], но таких пословиц в нашей выборке оказалось не очень много.

Пословицы, представленные в этих классах, позволяют задать вопрос: почему, если расходы на детей столь значительны, стоит на них тратить время и силы?

Ответ дают сами пословицы – они пытаются представить расходы на детей не только как тяжелую повинность, но и как смысл человеческой жизни, источник радости[4], а также как инвестиции в будущее[5] на случай болезни и старости. При этом пословицы предостерегают людей, которые собираются воспитывать детей, не имея на это средств[6].

---

[1] Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М: Экономика, 1989; Lee, Ronald D., Kramer, Karen L. Children's Economic Roles in the Maya Family Life Cycle: Cain, Caldwell, and Chayanov Revisited. Population and Development Review, 28 (3): 475-499 (September 2002).

[2] «У кого шесть детей, у того в шести местах богатство» (*кирг.*) (ПиПНВ, 1961). «Там нет богатства, где нет детей» (*джабо*) (ПиПНВ, 2001: с. 437). «Без ребенка в семье нет счастья» (*адыг.*) (ПиПНВ, 1961).

[3] «От рождения детей и от дождя еще никто не разорился» (*тамильск.*) (ПиПНВ, 1961).

[4] «От сыновей и дочерей немало хлопот, но без хлопот к чему и свет?» (*туркменск.*) (ПиПНВ, 1961).

[5] «У кого шесть детей, у того в шести местах богатство» (*кирг.*) (ПиПНВ, 1961). «Там нет богатства, где нет детей» (*джабо*) (ПиПНВ, 2001: с. 437). «Много счастья – многие лета, много сыновей – богатство, драгоценность, здоровье» (*кит.*) (ПиПНВ, 1961). «Родился сын – жизнь продлилась» (*башкирск.*) (БНТ: с. 105).

[6] «Когда голодный с голодной спит – нищий рождается» (*тур.*) (ПиПНВ: 1961). «Кто себя не умеет содержать, тому жены и детей не пропитать» (*рус.*) (РНПиП: К 601).

Пословицы свидетельствуют, что родители много тратят на детей[1], но величина этих затрат видна только в сравнении с тем, сколько дети потом тратят на родителей[2]. Согласно пословицам, дети стараются тратить как можно меньше как на отца, так и на мать[3]. Дети стараются думать больше о себе, а не о своих родителях, которые, тем не менее, продолжают их любить[4]. Таких пословиц набирается достаточно много.

Минимизация расходов на детей

Пословицы говорят, что расходы родителей на детей велики, и можно предположить, что их старались минимизировать. Подтверждением этого можно считать тот факт, что пословиц, где дети являются только источником расходов, значительно больше других.

В нашу выборку попало небольшое количество пословиц про минимизацию затрат наряду с большим числом пословиц, в которых утверждается, что люди стремятся дать своим детям все, что могут[5].

---

[1] «Человек старается для детей, баран – для курдюка» (*калм.*) (ПиПНВ, 1961). «Мать кормит дитя, как земля человека» (*чечен.*) (ПиПНВ, 1961).

[2] «Для отца преступление – скупость, для сына – лень» (*хауса*) (ПиПНВ, 1961). «Когда мать кормит детей, она щедра как небо и море; когда дети кормят мать, они считают каждый день» (*вьет.*) ПиПНВ, 1961).

[3] «Один отец прокормит десятерых детей, десять детей не прокормят одного отца» (*уйгурск.*) (УПиП: 455). «Больше одна мать заботится о семерых детях, чем семь детей об одной матери» (*рус.*) (М.А. Рыбникова. Русские пословицы и поговорки. М.: Изд. АН СССР, 1961). «Один отец кормит сорок сыновей, сорок сыновей не могут прокормить одного отца» (*тур.*) (ПиПНВ, 2001: с. 437). «Один отец прокормит десять детей, нежели десять детей одного отца» (*нем.*) (СНиРП: V1). «Ты дашь отцу – он даст сыну; сыну не давай, не даст отцу» (*армян.*) (ПиПНВ, 1961). «Когда мать кормит детей, она щедра как небо и море; когда дети кормят мать, они считают каждый день» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961).

[4] «Родители – для детей, а дети – для себя» (*абхаз.*) (ПиПНВ, 1961). «Мать о детях беспокоится, а дети в степь смотрят!» (*башкирск.*) (ПиПНВ, 1961). «Родители для детей, дети – для себя» (*груз.*) (ПиПНВ, 1961). «Мысли родителей – о детях, мысли детей – о тайге» (*бурят.*) (ПиПНВ, 2001: с. 424). «Мать тянется к детям, а дети – к камню и железу» (*коми*) (ПиПНВ, 2001: с. 425). «Помыслы отца – о сыне, помыслы сына – в степи» (*каракалпакс.*) (ПиПНВ, 1961). «Сердце матери стремится к сыну, сердце сына – в степь» (*татар.*) (ПиПНВ, 1961).

[5] «Для отца преступление – скупость, для сына – лень» (*хауса*) (ПиПНВ, 1961). «Человек старается для детей, баран – для курдюка» (*калм.*) (ПиПНВ, 1961).

Чтобы понять, почему так получается, нужно рассматривать подобные пословицы в контексте культуры, их породившей. Общеизвестно, что во многих азиатских странах, таких, как Япония, Индия, Шри-Ланка, Индонезия и другие, родители ни в чем не отказывают детям, пока те не достигнут определенного возраста (5-7 лет). Тем самым они дают им возможность насладиться жизнью прямо сейчас, потому что в дальнейшем детей ожидает суровая и непростая жизнь[1].

Возможно, большинство родителей и хотели бы минимизировать расходы на детей, но структура расходов не позволяет это сделать. Согласно пословицам, самыми большими являются затраты на питание, однако отказаться от них нельзя. Из пословиц следует, что мечта снизить эти расходы так и остается нереализованной[2].

Поэтому родители были вынуждены находить обходные пути для минимизации расходов. Причины могли выглядеть по-разному, но в основе, вероятно, лежали все же чисто экономические мотивы. Первая подобная группа пословиц призывает родителей не баловать детей[3], вторая говорит, что следует тратить больше сил на воспитание старших детей, которые потом научат младших[4]. В нашу

«Мать кормит дитя, как земля человека» (*чечен.*) (ПиПНВ, 1961). «Родители – для детей, а дети – для себя» (*абхаз.*) (ПиПНВ, 1961).

[1] См.: Оглоблин А.К. Социализация детей у малайцев в Малайзии и Сингапуре // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1983. Краснодембская Н.Г. Дети и их воспитание в сингальской среде (Шри-Ланка) // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1983; «Японское воспитание», электронная версия статьи: http://www.2mm.ru/vospitanie/303 .

[2] «И риса в горшке чтоб не убавилось, и дети чтоб не ходили голодными» (*малаяльск.*) (ПиПНВ, 1961). «Нужно, чтобы дети были сыты, а еды в горшке осталось столько же» (*телугу*) (ПиПНВ, 1961).

[3] «Баловать ребенка – все равно, что бросить его» (*яп.*) (ПиПНВ, 1961). «Не балуй ребенка – на шею сядет (на голову влезет)» (*тур.*) (ТРСП: 374). «Кто не закалит своего сердца, не воспитает ребенка» (*арабск.*) (ПиПНВ, 1961).

[4] «Воспитай старшего, а младший сам научится» (*араб.*) (ПиПНВ, 1961). «Старшая дочь – нянька для младших» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961). «Если старший воспитан, то и младший воспитан» (*дигор.*) (ПиПНВ, 2001: с. 281).

выборку не попали пословицы о минимизации издержек по другим видам расходов (образование, подарки и т.п.), а также связанные с половыми различиями.

Вопрос о количестве детей в семье в зависимости от материального положения родителей

В последнем разделе мы попытаемся найти в пословицах ответ на вопросы: сколько детей должно быть в семье и у кого детей больше – у бедных или богатых, а затем сравним мысль народную со взглядами на эти вопросы классиков экономики.

Пословица нацелена на рождение ребенка[1], на продолжение рода[2], дети – это благо не только для семьи, но и для страны[3]; к бездетным же в народе испытывали жалость[4]. Пословица свидетельствует о том, что детей в семье было много[5], но часто родители хотели бы иметь всего двоих-троих[6], потому что большее количество трудно воспитывать[1].

---

[1] «Не имеющий детей подобен заброшенному полю» (*амхар.*) (ПиПНВ, 1961). «От сыновей и дочерей немало хлопот, но без хлопот к чему и свет?» (*туркменск.*) (ПиПНВ, 1961). «От рождения детей и от дождя еще никто не разорился» (*тамильск.*) (ПиПНВ (1961)). «Много счастья – многие лета, много сыновей – богатство, драгоценность, здоровье» (*кит.*) (ПиПНВ, 1961)

[2] «Пусть после тебя род сохранится, на том месте, где ты жил, пусть очаг останется» (*башкирск.*) (БНТ: с. 12). «Дети – крылья человека». (*араб.*) (ПиПНВ, 1961).

[3] «Дождь идет – благо земли, хорошее дитя родится – благо страны» (*башкирск.*) (БНТ: с. 99).

[4] «Бездетный человек – что расколотый камень» (*башкирск.*) (БНТ: с. 97). «Бесплодная женщина нарядами утешается» (*башкирск.*) (БНТ: с. 97). «Тот, у кого нет детей, должен делать все сам» (*кирунди и руанда*) (ПиПНВ, 2001: с. 437). «Дом с детьми – базар, дом без детей – могила» (*узбекск.*) (ПиПНВ, 1961). Дом с детьми – базар, дом без детей – кладбище» (*уйгурск.*) (УПиП: 69).

[5] «О первенце заботятся столько, сколько о десяти других детях» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961). «Пять пальцев и все разные [о детях]» (*башкирск.*) (БНТ: с. 105). «У кого шесть детей, у того в шести местах богатство» (*кирг.*) (ПиПНВ, 1961). «Один отец кормит сорок сыновей, сорок сыновей не могут прокормить одного отца» (*тур.*) (ПиПНВ, 2001: с. 437).

[6] «Один сын не сын, два сына полсына, три сына сын» [Один сын, как более балованный и изнеженный, выходит по большей части неудачлив, из двух сыновей – один отбирался в военную службу, и только три сына – надлежащая помощь родителям.] (*рус.*) (РНПиП: О 82). «Три сына, а сам в силе» (*рус.*) (РНПиП: Т 185). «Один /ребенок/ – мало, двое – достаточно, трое – убыток, а

Существует и отдельная группа пословиц о количестве детей в зависимости от материального положения родителей. Большинство из них строится на антитезе – у бедных детей много, даже больше, чем они могут прокормить, а у богатых – наоборот[2]. Ответить на вопрос, становятся ли люди бедными оттого, что у них много детей, или же много детей рождается именно у бедных родителей, сложно. Авторы предполагают, что обратная связь между доходом семьи и рождаемостью не только существовала, но и была заметна[3].

Вопрос о связи уровня жизни и рождаемости важен для экономистов, но эта проблема выходит за рамки экономической науки и затрагивает социологию и философию. Основное влияние на решение о рождении ребенка, когда известно, что от этого уровень жизни семьи существенно снизится, оказывают различные факторы: как психологические и религиозные, так и экономические, но в меньшей степени. Известно, что многие классики экономики поддерживали точку зрения об обратной связи между рождаемостью и уровнем жизни. Это А. Смит[4], Д. Рикардо[5], А. Маршалл[6], К.

четверо – цыганам на пользу» (ТРСП: 301). «Одно дитя как семя цветка, а пятеро – как семена терновника» (*бенгал.*) (ПиПНВ, 1961). «Один ребенок – матери вечные тревоги» (*бенгал.*) (ПиПНВ, 1961:132). «Единственный сын – отцу владыка» (*бенгал.*) (ПиПНВ, 1961). «Один ребенок, все равно, что ни одного» (*малайск. и индонез.*) (ПиПНВ, 1961).

[1] Много детей – много долгов, много жен – много склок (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961).

[2] Богатому телята, а убогому ребята (*рус.*) (РНПиП: Б 190). У богача – деньги, у бедняка – дети (*тур.*) (ПиПНВ, 1961). У богатого телята, у бедного ребята (*нем.*) (СНиРП: А 110). «Дети родятся – земли не прибавляется» (*тамильск.*) (ПиПНВ, 1961).

[3] «Много детей – много долгов, много жен – много склок» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961). «Когда в доме много детей, даже от невкусной еды не остается ни крошки» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961). «Царь, у которого пять дочерей, станет нищим» (*тамильск.*) (ПиПНВ, 1961). «Три дочери – разорение» (*яп.*) (ПиПНВ, 1961). «Богатым можно быть или когда еще нет детей, или когда дети взрослые» (*вьет.*) (ПиПНВ, 1961).

[4] Смит А. Богатство народов. М., 1935. Т. 1. С. 72.

[5] Рикардо Д. Сочинения. Т.I. Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1985. С. 90.

[6] Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993. Том I. С. 257-8.

Маркс[1], Дж. С. Милль[2], Э. Кондильяк[3] и др. Таким образом, пословицы дополняют и подтверждают научный взгляд на этот вопрос.

Заключение

Данная работа указала на возможность использования пословицы в качестве предмета социально-демографического исследования, подтвердила ее объективность и непротиворечивость научному взгляду. Была предложена классификация, отражающая различные аспекты расходов на детей, а также классификация по отношению к показателю уровня жизни.

Полученные выводы можно разделить на три группы: методологические, теоретические и практические.

Методологические выводы

1. Точность исследования в значительной степени зависит от широты охваченного материала.
2. Следует использовать сборники пословиц отдельных народов, а не сборники пословиц народов мира, т.е. обращать внимание не только на количество, но и на качество исследуемого материала. В сборниках пословиц народов мира приводятся только самые распространенные пословицы, не всегда значение пословицы передается буквально, отсутствует пояснительный комментарий.
3. Выборку пословиц следует осуществлять по смыслу и объединять их в тематические группы.
4. Для анализа пословиц необходимо владеть культурным контекстом, а не интерпретировать пословицы изолированно.
5. Язык пословиц очень емкий и может отражать сразу несколько явлений. Например, в пословицах под словом «кормить» подразумевается «растить», «воспитывать», «одевать», «давать образование».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 658.
[2] Милль Дж. С. Принципы политической экономии. Т. 2. М.: Прогресс, 1980. С. 96.
[3] Condillac, Étienne Bonnot de. Le commerce et le gouvernement considérés relativement l'un à l'autre: ouvrage élémentaire. Электронная версия: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k87991x. P.213-4.

6. Естественна ситуация, когда одна и та же пословица в силу своей многозначности и емкости попадает в разные тематические группы.

7. Отсутствие пословиц на какую-либо тему не является доказательством того, что то или иное явление не существовало в жизни людей. В данном случае следует расширить выборку, т.к. вполне возможно, что искомое явление не попало в представленные в исследовании сборники пословиц.

8. Пословица всегда выделяет типичное явление, поэтому единичное или редкое событие может не находить отражение в пословицах. Например, в нашей выборке нет пословиц, где бы упоминалось о случаях инфантицида, хотя общеизвестно, что в тяжелые времена подобные явления происходили[1]. Вряд ли это следует объяснять ограниченной выборкой, а скорее тем, что данное явление не считалось правильной моделью поведения, которую следует передать потомкам.

Теоретические выводы

Пословицы нацелены на рождение ребенка. В пословицах утверждается следующее.

1. Дети – единственный смысл человеческого существования.
2. Ценность ребенка – нематериальна.
3. Воспитание ребенка – это вид труда.
4. Обязанности родителей – содержать и воспитывать собственных детей.
5. Они способны показать все основные виды расходов на детей: питание, воспитание и образование, приданое, наследство, подарки и прочие расходы.
6. Дети значительно снижают уровень жизни семьи.
7. Родители минимизируют не основные расходы (питание и образование), а дополнительные.
8. Детей нельзя заводить при отсутствии ресурсов, необходимых для их воспитания.

---

[1] Гис Ф., Гис Дж. Брак и семья в Средние века. М.: РОССПЭН, 2002. С. 218-9; в XX в. во время голода 20–30-х гг. (см. напр. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М.: Советский писатель, 1989. С. 337).

9. Существует обратная зависимость между числом детей в семье и уровнем располагаемого богатства.

10. Желаемое число детей в семье должно быть не меньше двух (т.е. уровня простого воспроизводства), но и не больше трех (чтобы детям хватило ресурсов).

11. Дети рассматриваются в некоторых из них как долгосрочные инвестиции.

Практические выводы

Практическая ценность привлечения пословиц в качестве предмета социально-демографического исследования основывается на двух свойствах пословицы. Пословица универсальна в том, что, с одной стороны, согласуется с научными взглядами, а с другой стороны, представляет собой голос народа с его мировоззрением.

Наблюдаемый в наше время демографический кризис требует принятия комплекса мер, создание которого имеет огромное значение. Пословицы можно привлекать для разработки как экономико-правовой, так и информационной составляющих демографической и семейной политики. Под экономико-правовой подразумевается разработка нормативно-правовой базы экономической поддержки семей с детьми, исходя из того, что воспитание детей в семье – общественно полезный труд, а под информационной – пропаганда семьи и семейных ценностей.

Пословицы предлагают традиционное, проверенное веками, решение многих современных проблем. В частности, пословицы свидетельствуют, что люди давно поняли, что рождение детей существенно снижает уровень жизни, однако делали выбор в пользу детей, т.к. ориентировались на благополучие в долгосрочной перспективе и считали семейные ценности выше гедонистических.

Дальнейшее изучение пословиц позволит более широко включить новый материал в разработку принципов семейной и демографической политики как в нашей стране, так и за рубежом.

Условные обозначения и сокращения

Обозначение этнической, языковой или культурно-исторической принадлежности пословиц:

Абхаз. – абхазская
Адыг. – адыгская
Азерб. – азербайджанская
Амхар. – амхарская
Араб. – общеарабская
Армян. – армянская
Башкирск. – башкирская
Бенгал. – бенгальская
Бурят. – бурятская
Вьет. – вьетнамская
Груз. – грузинская
Даргин. – даргинская
Дигор. – дигорская
Индонез. – индонезийская
Казах. – казахская
Калм. – калмыцкая
Каракалпакс. – каракалпакская
Кирг. – киргизская
Кит. – китайская
Кор. – корейская
Лезгин. – лезгинская
Ливанск. – ливанская
Малайск. – малайская
Малаяльск. – малаяльская
Нем. – немецкая
Ногай. – ногайская
Руанда – баньяруанда
Рус. – русская
Тамильск. – тамильская
Татар. – татарская
Тур. – турецкая
Туркменск. – туркменская
Узбекск. – узбекская
Уйгурск. – уйгурская
Чечен. – чеченская (и ингушская)
Яп. – японская

Не вошедшие в приведенный список названия языков и народов (как, например, *зулу, хауса, коми, суахили* и другие) даны в статье полностью.

Условные сокращения:

БНТ	Башкирское народное творчество. // Том 7. Пословицы, поговорки, приметы, загадки. Уфа: Китап, 1993.
ПиПНВ, 1961	Брагинский И.С. *(ред.)* Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Издательство восточной литературы, 1961.
ПиПНВ, 2001	Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Лабиринт, 2001.

ПиПП	Прокошева К.Н. Сказано-связано: Пословицы и поговорки Прикамья. Пермь: Пермское книжное издательство, 1988.
ПРН	Даль И.В. Пословицы русского народа. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
РНПиП	Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Индрик, 1999.
СНиРП	Граф А.Е. Словарь немецких и русских пословиц. СПб.: Лань, 1997.
ТРСП	Мансурова О.Ю. Турецко-русский словарь пословиц. М.: АСТ Восток-Запад, 2005.
УПиП	Уйгурские пословицы и поговорки. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеев Александр Александрович, заведующий сектором лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, профессор демографии университета Париж I-Сорбонна

Бахметова Гюльджан Шарифовна, старший научный сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Блюм Ален, директор Центра русских, кавказских и центрально-европейских исследований Высшей школы социальных наук, ведущий научный сотрудник французского Национального института демографических исследований (Париж)

Греус Полина Витальевна, сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Денисенко Михаил Борисович, заместитель директора Института демографии Государственного университета – Высшей школы экономики, старший научный сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Жиромская Валентина Борисовна, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Королева Мария Викторовна, старший преподаватель кафедры английского языка для экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Моисеенко Валентина Михайловна, главный научный сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Синица Арсений Леонидович, младший научный сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Троицкая Ирина Алексеевна, старший научный сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Фурса Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры экономической теории Южного федерального университета

Шолтычек Миколай, стипендиат европейского фонда Марии Кюри, Кембриджская группа по изучению социальной истории населения, Кембриджский университет